

И. Е. ГЕХТМАН

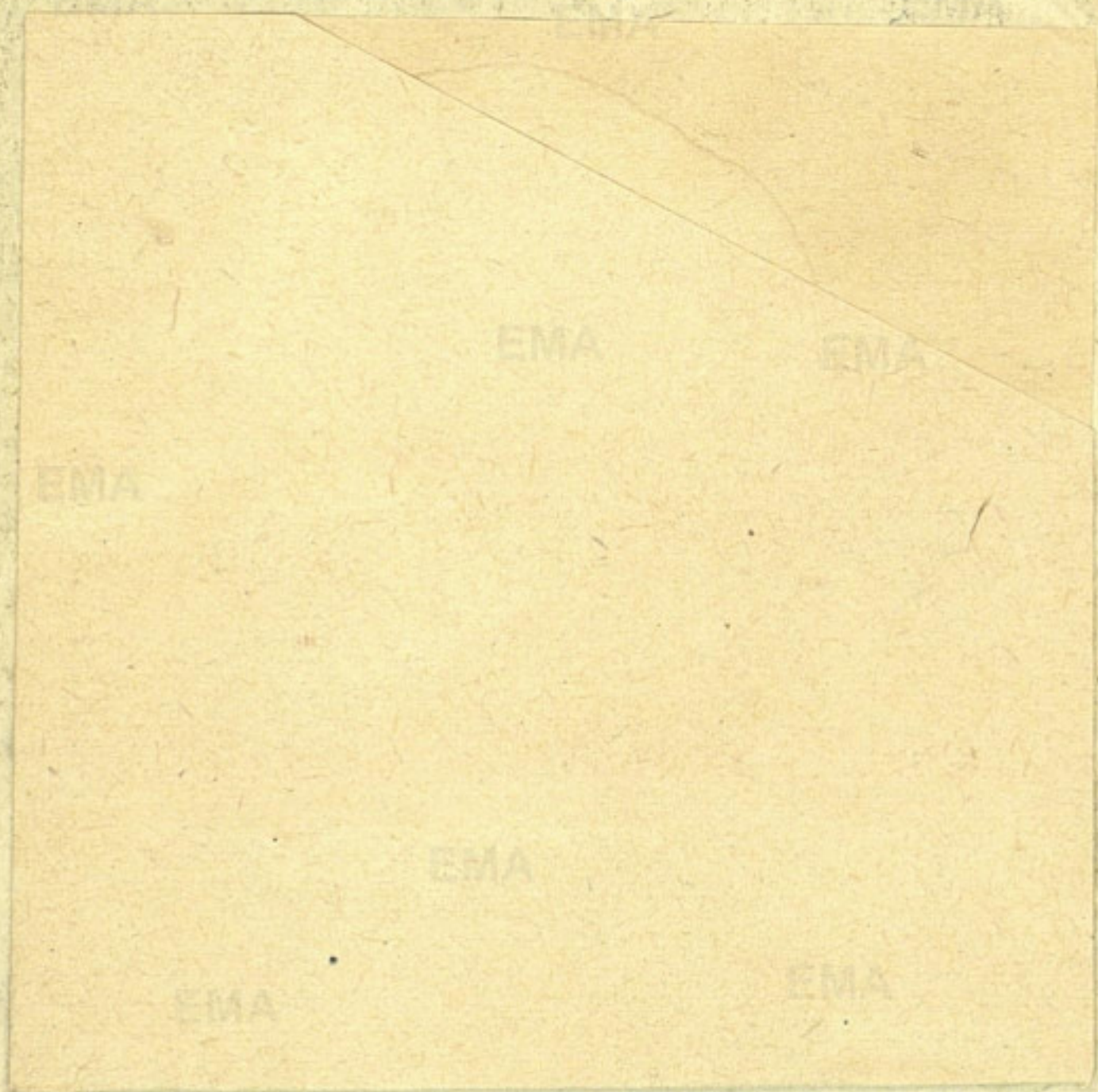
ЗОЛОТАЯ КОЛЫМА

ДАЛЬГИЗ · ХАВАРОВСК · 1937

37-2
412.

И. Е. ТЕХТМАН

ЗОЛОТАЯ КОЛЫМА

очерки

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КРАЕВОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАБАРОВСК 1937

К ДАЛЕКОЙ СЕВЕРНОЙ БУХТЕ

Голубые волны пролива Лаперуза остались далеко позади. Огоньки японского Сахалина (Карафутто) исчезают в легком тумане. За пароходом с острова летят чайки. Стаи касаток — маленьких северных акул — обходят на полном ходу судно. Они мчатся в прозрачной зеленоватой воде, как торпеды, вытянув удлиненные сигарообразные тела. Спасаясь от этих маленьких, но отчаянных пиратов, киты перекочевали отсюда далеко вверх, в более холодные воды Камчатки и Берингова пролива.

Из Татарского пролива несутся клубы густого, плотного, как прессованный хлопок, тумана. Отсюда непрерывно разворачивается бесконечное полотно белого савана, окутывающего море, берега, горы охотского побережья.

Причина рождения туманов — столкновение теплого течения куросиво с холодным течением, идущим с севера.

Профессор Дальневосточного института геофизики П. Колосков разработал интересный проект изменения климата всего северо-восточного побережья Тихого океана. Он предлагает отвести Амур, впадающий в Татарский пролив, в одно из старых русел севернее.

Теплые волны, идущие от куросиво, не встречая препятствий со стороны водяных масс Амура, пойдут

вверх к северу. И тогда сразу изменится весь климат охотского побережья, пропадут туманы, станет теплее, появится другого типа растительность. Суровое Охотское море поголубеет; вследствие изменения планктона, в нем появятся новые типы рыб и морских животных; оно начнет напоминать теплое ласковое Японское море. Тропики подвинутся к Арктике.

Проект этот вполне реален и не требует особенных технических усилий.

Но пока наш пароход идет в глубоком тумане. Бесперывно ревет сирена. Звук ее тонет и глохнет где-то далеко в белой мгле.

Но вот издали доносится ответный сигнал предупреждения.

Невозмутимый, спокойный обычно капитан встревожен. Он дает ответный сигнал один за другим.

Сигналы повторяются все ближе.

Капитан стопорит машину. В чем дело? Встречный пароход в тумане идет прямо на нас, не слушая сигналов. Сирена надрывается. Такими же тревожными звуками отвечает и сирена таинственного встречного судна. Он также предупреждает об опасности, но, очевидно, не собирается менять курса.

Наконец, капитан догадывается. Он дает нейтральный сигнал:

— Есть ли у вас уголь?

Встречный повторяет то же самое.

Это просто эхо с островов. Редкое явление в открытом море.

Мы идем прямо на север — к далекой северной бухте Нагаево. Большой трансокеанский пароход режет свинцовые волны Охотского моря со скоростью в десять узлов. Он дрожит от толчков громадных машин. Стальной вал почти в полметра в диаметре проходит через весь корабль. На конце его бешено вращается громадный четырехлопастный винт. Эхолот, малень-

кий остроумный приборчик в рубке, все время щупает глубину, посылая радиоволны на дно и ловя их отражение.

На широкой, в четыре обхвата, трубе парохода голубая полоса с золотыми буквами на ней «Д. С.».

«Даешь Север», — расшифровывают эти буквы пассажиры.

Это пароход Дальстроя, крупнейшего треста по золотой добыче и освоению Колымы, недавно купленный трестом в Голландии.

Он несколько лет стоял на приколе в бухте Роттердама, и ракушки заковали дно гиганта в каменную броню. Пароход очистили, заново выкрасили, отполировали медные и бронзовые части, сломали грязные маленькие помещения для команды и сделали просторные удобные каюты, столовые, красные уголки.

Одряхлевший во время кризиса пароход переживает вторую молодость в нашей стране, непрерывно рейсируя по Охотскому морю.

На палубе стоят автомобили, автобусы, дизеля, экскаваторы. Они принаитованы к массивным палубным кольцам стальными тросами и концами. От порывов шестибалльного ветра тросы натягиваются как струны. Но они надежны. Если дизель или экскаватор сорвется во время шторма и начнет носиться по палубе, он наделает больше вреда, чем попавший в пароход снаряд с броненосца.

Свежий ветер унес чугунные лохмотья тумана и раскрыл темное глубокое небо, похожее на театральную декорацию. Низко висят большие яркие звезды. Море видно на далекое расстояние. По нему ходят волны света. Яркие дорожки лучей возникают в разных направлениях.

За пароходом идет вдаль полоса фосфорического света. По обеим сторонам киля спадают вниз голубые

полотна, среди которых вспыхивают бесчисленные звездочки светляков.

Можно часами стоять у борта и любоваться этим чудесным явлением природы.

Холодное Охотское море все теплеет. Где-то вблизи прошел теплый муссон. Июльская ночь вступила в свои права. Пассажиры сбросили куртки и кожаные пальто. Даже мрачный и сосредоточенный зубной врач, еще во Владивостоке надевший фетровые валенки, ватную куртку и повесивший на себя огромный морской бинокль и термос, разделся и делает попытки флиртовать с молодой женщиной-геологом, которая поет в кают-компании хорошим контральто романс «Вернись, я все прощу...»

Звучный голос плывет по всему пароходу, волнует и настраивает парочки на романтический лад.

На корме, там, где в светящейся дорожке вращается на длинном лаглине лаг, — излюбленное место парочек. Как хорошо смотреть в светящуюся звездную дорожку и мечтать! Жизнь улыбается всем этим здоровым, счастливым юношам и девушкам и вспыхивает перед ними звездными огоньками.

Впереди — радостное, полное надежд и уверенности будущее. Им открыты все пути и дороги. К интересной любимой работе, к славе, к личному счастью!

Вот парочка: молодой гидробиолог Васильев держит за руку девушку-строительницу с московского метро. У обоих светятся счастьем глаза.

Жизнь — чертовски интересная штука!

Васильеву двадать пять лет. Он бывший беспризорник. Его когда-то подобрал в Севастополе на бульваре штурман парохода и взял к себе. Васильев не расставался с тех пор с приемным отцом. Плавал с ним вместе на судах, ходил в отрядах во время гражданской войны, укрывался в тылу у белых в подполье, учился вместе с отцом в Москве. Отец зовет Васильева

Петей, Васильев отца — Леней. Они — товарищи, хотя приемный отец Васильева в два с лишним раза старше его. Этот атлетического сложения розовощекий молодой человек провел больше четырех лет на зимовках в Арктике, на Новой Земле.

Он рассказывает своей подруге, с которой познакомился еще в поезде, когда отъезжали с Северного вокзала:

— Ух, до чего интересно у нас бывало! Ветрило сатанинский! Поверишь, иногда несет тебя по снегу так, что вся физиономия в крови, — волоком катит. Тут надо втыкать нож и держаться за землю. Пошли мы как-то за два километра от станции с начальником отряда и техником. Поднялся буран, — руки перед носом не видно. Несет в море. 8 часов ползли до станции. Чутьем добрались. У начальника рукава примерзли к рукам, потом красные браслеты на коже остались; я палец на ноге потерял, а техник умер от разрыва сердца.

— Петя, — испуганно шепчет девушка, — так ведь это же ужасно!

— Что ж ужасного. Не всегда же так. Зато какое у нас северное сияние! А летом как интересно, когда солнце не заходит круглый день! Нет, Верочка, мне в Москве скучно. Прямо чего-то нехватает. Знаешь что, приедем с Колымы, поедем с тобой в Туркестан, в Ферганскую долину. Там, говорят, радиевые рудники очень интересные. Я в Туркестане никогда не был. Едем?

— Едем, — шепчет девушка, теснее прижимаясь к другу.

Ветер треплет ее пушистые волосы. Она положила горящую щеку на широкую мужскую ладонь. С ним она поедет, конечно, всюду. Даже на Марс, если туда будут ходить межпланетные поезда.

Командир-пограничник, награжденный орденом

Красного знамени, везет на Колыму жену и маленькую дочь.

Он живет в самом северном углу Охотского моря, недалеко от Гижигинской бухты. Это побережье стало ему почти родным. Он там не впервые. Четырнадцать лет назад, вместе с отрядом камчатских комсомольцев, пограничник прошел на лыжах Камчатку и Корякский округ и ликвидировал бандита-есаула Бочкарева, сделавшего Гижигу своей резиденцией.

Пусть враг попробует когда-либо снова ступить на этот суровый берег. Каждый камень знаком здесь герою-пограничнику. Никто не пройдет по северной земле безнаказанно мимо далекого, занесенного снегами поста.

Семья едет впервые на север. Вернувшись из отпуска, отец решил захватить с собой жену и маленькую дочь.

— Поедем мы, Людмила, так — говорит отец. — Сначала приедем на большом нашем пароходе в бухту Нагаево. Оттуда сядем на маленький пароходик — катер — и поедем к себе. Будем ехать долго. Качать будет сильно, сильнее, чем сейчас. Смотри, Людмила, не дрейфь. Будь настоящим морским волком.

Девочка с тоненькими льняными волосиками и молочно-голубыми глазками надувает губки:

— Я не хочу быть волком. Волки нехорошие. Я хочу быть красной шапочкой.

Издали доносятся крики. К скамейке возле трубы спешит народ. Там происходит что-то странное. С молодой женщиной истерика. Другая возле нее почти в таком же состоянии. Что случилось?

К месту происшествия неторопливо двигается высокий седоватый человек с кругленьким брюшком. Это — доктор, едущий в Дальстрой, на реку Колыму.

Доктор берет под руку женщину и ведет ее в каюту. Другая уходит сама. Минут через десять док-

тор возвращается. Лукавая улыбка бродит у него на пухлых губах.

Доктор — старый полярный бродяга, застарелый скептик, остряк, человек с большой литературной эрудицией. Мыслит он как-то странно, обрывками ассоциаций.

— «В деревне жил бык, доживший до такой старости, что когда его убили, мясо его имело вкус старой телятины», — как всегда, ни к селу, ни к городу, цитирует доктор из Гейне.

— Это вы к чему?

— Так, вспомнилось, — говорит доктор. И добавляет:

— Понимаете, занятный случай. Ехали эти две дамочки из Владивостока, познакомились на пароходе, подружились, как водится, разговорились.

Одна сообщила, что едет в Нагаево к мужу-инженеру. Выписал ее к себе. Очень любит мужа, считает часы, оставшиеся до встречи. Вторая тоже, понимаете, рассказала, что у нее в Нагаеве тоже любимый человек, с которым она давно близка. Решила сделать ему сюрприз, подписала договор и выехала экспромтом в Нагаево.

— Ну, и что же?

— Ну, и вот, только что выяснили, что едут обе к одному и тому же человеку. Веселая ситуация! Оперетта!

Доктор закатился веселым смехом, показав великолепные зубы. И добавил:

А рыцарь Гринвальдус все в той же позиции,
Все в той же позиции на камне сидит...

— Ох-ох, — вдруг заволновался он, — мне ведь пора в преферанс играть. Ждут меня.

— Где же вы будете играть? — удивился я. — В каюте душно, а в кают-компании все занято шахматами.

— А вот тут у нас приватная квартира есть, — зая-

вил доктор, подведя меня к автобусу, прикрепленному тросами к палубным кольцам.

В автобусе горели свечи. На ящике стояли бутылки с пивом. Там же лежала разграфленная бумага. Три специалиста оборудовали в автобусе квартиру, устроив постели сзади в месте для багажа.

Они, в общем, поступили неглупо. В автобусе было удобно, чисто и воздух гораздо свежее, чем в твин-деках и каютах.

Автобус принадлежал управлению, в котором служили специалисты, и они считали свое пребывание в нем вполне законным.

Специалисты ехали из отпуска. Они прожили на Колыме четыре года и с трудом дождались конца отпуска, чтобы вернуться обратно.

Пароход идет все выше и выше на север.

Электрические огни, звуки музыки, веселые голоса молодежи, танцы на палубе, шахматный турнир в кают-компаниях и курилках, дрожание машин оживляют пароход. Забывается, что на бесконечное расстояние вокруг расстилается бурное, опасное Охотское море, что в шторм громадный пароход бросает, как спичечную коробку, с гребня волны в водяную пропасть, что еще много дней надо идти вперед к неизвестному далекому северу.

Не хочется уходить с веселой палубы в тесную каюту. И далеко за полночь шумит огромный пароход, везущий на далекую Колыму тысячи людей.

* *
*

Снова туман. От моря веет холодом. На траверзе остров Завьялова — место, где охотники бьют сивуча и нерпу. Сурово. Голые скалы, изрезанные полосками грязновато-белых снегов. Лохматые облака низко висят над ними. Печальной и мужественной суровостью веет от этих каменных громад.

Близка цель нашего путешествия — бухта Нагаево.

Пассажиры притихли. Всем немножко взгрустнулось. С тревожным любопытством всматриваются они в необычный северный пейзаж, никогда ранее не виденный большинством из них. Среди таких скал придется многим провести несколько лет.

Доктор долго всматривается в мрачные скалы Завьялова и говорит:

— Пейзажик! На таком острове недурно повеситься, например.

Пароход идет полным ходом. Сквозь туман пробивается солнце, и вдали видны очертания каких-то берегов.

Это берега Колымы.

Рядом с нами стоит у борта интересный человек. Он родился на Колыме и прожил там почти без выезда около шестидесяти лет.

Это — этнограф, разведчик, исследователь края Кленов, работник магаданского музея, уроженец Среднеколымска.

Знакомя меня с ним, доктор буркнул:

— Знакомьтесь. Выдающийся сюжет. Человек, который ел консервы из мамонта.

Доктор не шутит. Действительно в одной из своих многочисленных экспедиций по краю Кленов нашел в обвалившейся глыбе берега замороженный в вечной мерзлоте и прекрасно сохранившийся труп мамонта. Это был молодой мамонтенок, вероятно лет 30-40, не считая тех 40 тысяч лет, которые он лежал во льду. Клыки мамонтенка не превышали двух метров длины. Любопытства ради члены экспедиции отрезали кусок мяса, сварили его в воде и съели, запивая спиртом.

Кленов — живая история Колымы. Он любит свою родину и знает о ней буквально все.

Колымский край — нынешний район деятельности Дальстроя — с юга омывается Охотским морем. Север-

ная граница края проходит у полярного круга, западная — граничит со сто сорок пятым градусом восточной долготы, восточная — лежит на сто шестидесятом градусе. Это полмиллиона квадратных километров — территория, превышающая Германию.

Тысячелетия хозяином Колымы был северный ветер. Трудно противиться ветру тундры. Когда он воет, кочевник забивается в юрту или ярангу, жметя к костру и в страхе прислушивается. Е о е — так называется ветер на языке чаучу — обитателей чукотского побережья.

Шаман бьет в бубен. Он подражает ветру Арктики. Женщина вслушивается в завывание ветра. Крутит пурга. Духи Севера носятся над юртой. За тонкой стенкой юрты — бешенство пурги, вой зверя, человек — враг.

Е о е! — беснуется ветер.

Женщина начинает дрожать. У нее безумеют глаза. Крикните ей что-либо в это время, сделайте гримасу, поднимите руку, и она начнет бессмысленно подражать вам, забьется в корчах и будет дико выть в унисон ветру.

Это — «эмиряк», северная истерия.

На Колыме живет сейчас около пяти тысяч коренных обитателей края — орочей, якутов, ламутов, камчадалов и юкагиров. Триста лет назад одних юкагиров насчитывалось около тридцати тысяч.

Казак Иван Постник — первый человек из России, пришедший на кочах в Оймекон, туда, где неподалеку проходит сейчас автомобильная дорога, выстроенная Дальстроем, — доносит в 1639 году в «царев приказ»:

«У юкагирских людишек серебро есть, а где его емяют, того он, Постник, не ведает. Юкагирска землица вельми людна, Индигирска река гораздо рыбна».

Через триста лет от юкагирской людной землицы

осталось сто семьдесят юкагиров: полтораста на Колыме и двадцать где-то в Америке.

Русский конквистадор, казак Павлуцкий, огнем и мечом прошел по следам Постника. Сенька Епишев из отряда Павлуцкого донес в «приказ»:

«Тунгусы встречали русских сбруйны и ружейны со луки и копьи, в куюках и шишаках костяных и бились с ними, русскими, во дни, многая время».

Битвы Павлуцкого остались в эпосе народов Колымы. В далеких северных ярангах восточной тундры сказители и сейчас поют о битвах на речке Кровавой, где погибли десятки тысяч коряков и чукчей и убит был чукчанками сам Павлуцкий.

Павлуцкий основал «остроги» на Охотском море, в тех местах, куда идет сейчас наш корабль: Ольский острог — недалеко от бухты Нагаево, Тауйский острог — несколько южнее, Ямский и Гижигинский — севернее. К Тауйскому острогу было приписано тысяча сто семьдесят два туземца, плативших ясак в пятьдесят девять сороков соболей — семь пластин из соболя.

Триста лет прошло с тех пор до Октября почти без изменений. За это время вымер народ юкагиров, выродились тунгусы, почти погибли ламуты. Капиталистическая «цивилизация» вела их в небытие по пути инков Мексики и народов Перу.

За все время попечения династии Романовых о Колыме здесь имелись три школы, два врача и один фельдшер.

Вот как описывает купец Кошелев из Нижнеколымска картину обычной эпидемии на Колыме.

«На стоянке Кирлярча я увидел около яранги трех детей в возрасте от двух до четырех лет. Из них только один подавал признаки жизни, остальные лежали мертвыми. В двух шагах от них лежала голая мертвая женщина. На снегу валялись трупы четырех голых мужчин. Во всех ярангах лежали вперемежку мертвые

и живые люди. Особенно меня поразило, когда я увидел в одной яранге между мертвыми мертвую женщину, обнаженную по пояс, грудь которой сосал живой грудной младенец».

Детская доверчивость туземцев нагло эксплуатировалась колонизаторами. За бутылку «акакимеля» — водки, настоянной на махорке и купоросе, — брали шкуру соболя или бобра. Мука в казенном магазине стоила четырнадцать рублей пуд, соль — двенадцать рублей пуд, кирпич чая — восемь рублей, при цене на белку пять-восемь копеек за шкурку.

Во время коронации Николая II маяканский урядник собрал «князьцов» и потребовал от них соболей в подарок на шубу великому русскому царю. «Князьцы» поехали по улусам и наследам и собрали богатую пушную шубу. Урядник соболей забрал себе, а «князьцам» заявил:

— Вы что, с ума сошли, что ли? Разве русский царь такой? Он величиной с нашу колокольню.

И заставил собрать на новую шубу в несколько раз больше.

Стоит ли удивляться, что ко времени прихода советской власти на Колыме осталось очень мало соболей и почти также мало местного коренного населения.

— О нынешней советской Колыме говорить вам не буду, — закончил свою речь Кленов, — увидите сами.

* * *

Пассажиры высыпали на борт. Мы вошли в узкую, вытянувшуюся далеко вперед бухту. Нагаево!

В русских лоциях 1916 года про эту бухту сказано:

«Бухта Нагаева может быть причислена к самым удобным бухтам на побережье Охотского моря. Единственный недостаток этой бухты — отсутствие человеческих поселений на берегу».

Крепкий бриз с берега разогнал туман. Бухта открылась вся сразу, залитая горячими лучами июльского солнца. Север встретил нас необычно. Какой же это север? Скорее Крым. Голубое море. Горы, покрытые изумрудным маленьким кедровником. Над бухтой плавают огромная алюминиевая птица, делая круги над пароходом.

У пирсов большого благоустроенного порта стоят на причале несколько больших пароходов, среди них один танкер под норвежским флагом. По шоссейной дороге к порту несутся автомобили и автобусы.

Начальник морского транспорта Дальстроя Эрнест Лапин также встречает пассажиров. Четыре года назад Лапин приехал сюда. В то время не существовало в природе даже самой площадки порта. Море начиналось прямо у подножья обрывистых каменных громад, окруживших бухту.

Чтобы создать площадку, на которой расположилось громадное хозяйство самого большого на Охотском море порта, пришлось взорвать и насыпать в море с каменистых берегов около полумиллиона кубометров скал.

Пассажиры на автобусах и грузовиках едут в Магадан, в гостиницу. Они с жадным любопытством всматриваются в новый город, не отмеченный еще на картах республики.

Быстро мелькают по дороге громадные бензиновые баки, корпуса складов, большие каменные здания, аккуратные корпуса стандартных двухэтажных домов.

В гостинице — парикмахерская, душ, радио, телефон. На стенах вестибюля афиши театров. Ставится «Таланты и поклонники». На столике газета «Советская Колыма». В ресторане при гостинице сытный и недорогой ужин под звуки джаза.

На лицах приезжих удивление. Кое у кого можно подметить даже некоторое разочарование:

— Стоило ли ехать сюда, за двенадцать тысяч километров от Москвы, в страну вечной мерзлоты, пурги, собачьего транспорта, чтобы приехать в культурный, благоустроенный советский городок!?

Но там, вдали, за цепью маленьких гор, замыкающих в кольцо Нагаево и Магадан, начинается бесконечное море тайги и тундры, текут неизвестные реки, высятся безыменные горные хребты, идут непроходимые болота и мари — расстилается огромная пустынная страна, географическое белое пятно, чуть исследованное по краям — Колыма.

КОЛЫМСКОЕ ШОССЕ

... Голубой автобус остановился возле каменного двухэтажного здания почты. Пассажиры с баулами и чемоданами удобно разместились в глубоких кожаных креслах. На автобусе красовалась свежая надпись: «Магадан — Атка».

Прямая, ровная лента дороги открыла путь к пунктам, которые не значатся еще почти ни на одной географической карте: Магадан — Дукча — Атка — Мякит — Стрелка — Оротукан — Усть-Утиная — Хаттынах. На расстоянии шестисот километров пролегает этот путь — прямо на север от берегов Охотского моря до реки Колымы — по местам, где всего еще три года назад вообще не ступала человеческая нога.

Автобус мчался по ставшему уже знаменитым Колымскому шоссе — самой молодой автотрассе Союза Советов. Спидометр машины показывал пятьдесят километров в час. Маленькие красные столбики надолб, охраняющие опасные повороты и насыпи, словно клонились навстречу, подчеркивая стремительную гладь дороги.

Невольно и сразу думалось о гигантской работе, проделанной здесь пионерами освоения Колымы. Велики были трудности строительства дороги в необитаемом крае, на расстоянии нескольких тысяч километров от ближайшего производственного центра —

Владивостока. Через это огромное пространство отсюда по ледовому Охотскому морю надо было доставлять буквально каждый гвоздь и каждую лопату для сооружения превосходного шестисоткилометрового пути. И прокладывать его приходилось по непроходимой тайге без географических карт, без детальных разработанных изысканий.

В начале строительства многие сомневались в реальности этого грандиозного задания. Казалось невероятным, что можно в течение нескольких летних месяцев выстроить дорогу хотя бы и до Элекчана, за двести километров от моря. Ведь на преодоление этих двухсот километров зимой, когда единственно возможно было сообщение на собаках или оленях, уходило обычно не меньше трех недель...

Но первая экспедиция Дальстроя, обследовав положение на Колыме и оставив здесь рабочих, инструменты и продовольствие, дала задание своему уполномоченному: еще в летний сезон 1932 года проложить хотя бы первые тридцать километров шоссе. И началось героическое наступление большевиков на вековую тайгу, на болота и топи, на труднейшие грунты глубоко промерзшей колымской земли!.. Трудно даже представить сейчас, сколько исключительной настойчивости, строгого, четкого планирования, большевистской преданности делу и высокой энергии понадобилось коллективу Дальстроя для преодоления этих препятствий.

1933 год был решающим годом в сооружении шоссе. Двести с лишним километров прекрасной дороги были проложены в этом году. Добившись, таким образом, проезда к Элекчану, нынешней Атке, откуда уже облегчался доступ к горным районам, к приискам, к колымскому золоту, — руководители Дальстроя могли с уверенностью сказать:

— Первый этап закончен. Дорога строится и будет

достроена до конца. Освоение Колымы на верном пути!..

... Наш автобус достигает высшей точки Яблонового перевала — на километре высоты. Отсюда, точно по заказу, ежедневно посылается порция очередных циклонов и антициклонов. Вой этих приарктических ветров впервые в 1932 году был прорезан грохотом и гудками тракторной колонны Дальстроя. Это был замечательный, небывалый в истории поход тракторов через непроходимые пространства северной тайги. Тракторы шли через тайгу напролом. Они сшибали лиственницы, ползли через наледи и глубокие снега, подымались по крутым склонам и скользким косогорам хребтов, разыскивая проходы в местах, где еще никогда не проходил человек.

Водителям приходилось укрывать тракторы ватными покрывалами, отогревать их кострами, прорезать впереди них дорогу, застилать бревнами ямы и обрывы. Пятьдесят рабочих, руководимые несколькими испытанными коммунистами, по пояс в снегу, намечали при помощи местных жителей-проводников путь тракторной колонне, устраняя с ее пути тяжелые препятствия. Колонна привезла тогда на прииски продовольствие и технические грузы, обеспечив возможность бесперебойной золотодобычи.

В течение целого года после этой тракторной экспедиции на расстоянии сотни километров можно было видеть след, намеченный тысячами сваленных деревьев. Сейчас по склону хребта, где когда-то шли сорокасельные «Сталинцы», проносятся сотни трехтонных и пятитонных автомобилей, груженных самыми разнообразными грузами, начиная от сгущенного молока и кончая лесопильными рамами.

Шоссе вьется здесь ровным сверкающим полотном. По сторонам его стоят аккуратные пикетажные столбики и надолбы. Дорогу обслуживают несколько ты-

сяч постоянных рабочих и служащих, очищающих каждый километр пути. Опасные места у шоссе обвешены парапетами, вдоль линии идет частокот телеграфных столбов. Зимой по дороге движутся громадные роторные снегоочистители и гигантские снеговые плуги. На каждом десятке метров возвышается аккуратно вырезанный в шахматную клетку (чтобы был заметнее) столбик-вешка. Таких столбиков на дороге двадцать пять тысяч штук; они охраняют шоферов от опасности попасть в заметенные снегом кюветы.

Яблоновый перевал ежедневно проскакивают голубые пассажирские автобусы и машины связи. Летом и зимой, днем и ночью по шоссе непрерывно движутся легковые и грузовые машины с грузами на Колыму. На этом шоссе никогда не приходится ждать встречной машины больше получаса. И за пятнадцать часов, не выходя из машины, со всеми удобствами, можно проделать путь от берегов Охотского моря, за реку Колыму, почти к Оймякону — мировому полюсу холода.

...Большинство строений на Колыме возведено пока из дерева. Даже колымская столица, Магадан, — город, выстроенный главным образом из полярной лиственницы. В еще большей степени характерно это, конечно, для пунктов в районе тайги и приисков, где глина почти не встречается.

Тем более неожиданно предстает перед глазами совершенно индустриальный пейзаж, когда за изгибом шоссе возникает совсем еще молодой городок Атка. Двухэтажный каменный жилой дом, кирпичные будки, два больших фундаментальных здания гаражей и складов, похожие на корпуса московских, довольно крупных цехов, — все это построено здесь из кирпича. В Атке найдена глина и открыт кирпичный завод, работающий с полной нагрузкой. Он поставяет кир-

пич не только для местного строительства, но и для Магадана.

Городок полностью снабжен электрической энергией, которой хватает и для производственных надобностей. В стороне от электростанции стоит гигантский бензиновый бак из котлового железа, сваренный здесь же на месте. Автомобиль подъезжает к бензиновой колонке и заправляется бензином. Шофер грузовика идет в «Дом шофера», получает там сытный горячий обед из нескольких блюд, покупает в буфете булочки из белой муки, яблоки, молоко, папиросы и отдыхает на отдельной койке с чистым бельем и теплым одеялом. Засыпает он под звуки радио, передающего новости Дальтасса из Хабаровска...

Уже сейчас этот приарктический городок напоминает собою фабричный пригород Тулы или Москвы. Но безошибочно можно утверждать, что в нем значительно более оживленно, чем, скажем, в Серпухове или Можайске. За день здесь проходит добрая сотня машин с пассажирами и грузами. Через Атку приезжают и уезжают гости с приисков, из Магадана, а иногда и из Москвы или Архангельска — через реку Колыму и Великий северный путь.

... Ранним утром мы оставляем Атку. Солнце косыми лучами прорезает ущелья сопки, разрисовывая их склоны самыми необычайными оттенками. Вот сопка, покрытая бархатом ягеля. Одна половина ее светлозеленая, другая, куда лучи проникают сбоку, — темнофиолетовая. Высокая гора на переднем плане увенчана грудой скал, напоминающих древние рыцарские замки. Отлогий скат горы светится нежнейшими золотистыми отблесками. Вершины редких горных лиственниц кажутся на их фоне ажурным кружевом, еще больше оттеняя эту световую симфонию.

Автобус стремительно одолевает пространство, и перед нами разворачиваются все новые пейзажи, один

красочнее другого. Только начало дня, но уже жарко. Климат Колымы резко континентален. Зимой здесь нередкость морозы в шестьдесят семь — семьдесят градусов. В нескольких сотнях километров западнее, на Оймеконе, морозы наблюдались даже и в семьдесят шесть градусов. Это самое холодное место на всем земном шаре. Но летом зато здесь так же жарко, как в Крыму. С июня по август в приисковых районах и в долине реки Колымы жара достигает 40 и 45 градусов днем, спускаясь до 10 градусов ночью.

Необыкновенное количество ультрафиолетовых лучей и, возможно, космической радиации в течение нескольких дней покрывает коричневым загаром лица колымчан. Весной, когда надо надевать синие очки, чтобы защитить глаза от ослепительного сияния солнца и снега, здесь практикуются прогулки на лыжах. Лыжники бывают обнажены по пояс — фантастическое впечатление производят они, быстро идущие по двухметровому снегу в трусиках и синих роговых очках.

Шоссе делает небольшой поворот направо. Вдалеке, по сияющей от солнца ленте, на волах везут гигантские клетки из проволоки, в клетках кто-то быстро движется. Впереди идут три полуобнаженных человека, головы их повязаны пышными белыми тюрбанами. Процессию сопровождают густые клубы пыли.

Пышные тюрбаны на головах сопровождающих людей оказываются обыкновенными полотнищами. А в проволочных клетках помещаются несколько маленьких яков и человек, подсыпаящий им концентраты в кормушки. За телятами в клетках шествует целое стадо яков и бычков-симменталов. Яки медленно движутся по шоссе, подметая пыль длинными, волочащимися по земле щетками шерсти.

Это ведут в животноводческую станцию Дальстроя на Сеймчане только что выгруженных с парохода полтора ста яков и полсотни племенных бычков. За

яками животновод Дальстроя Смирнов ездил специально на Памир, чтобы отобрать там наиболее подходящие экземпляры и акклиматизировать их на Колыме. По мнению Смирнова, климат Памира подходит к климату Колымы, и яки должны себя чувствовать в приарктическом крае, как дома.

Смирнов хлопочет вокруг стада и зорко оберегает его весь долгий путь от Памира по Турксибу, через всю Сибирь и Охотское море. Смирнов — воспитанник Тимирязевской сельскохозяйственной академии — энтузиаст колымского животноводства, у него целая груда проектов развития этого дела, один другого замысловатее и смелее. Акклиматизация яков — только первый опыт. После яков Смирнов намерен привезти сюда овцебыков, которые сохранились только в Гренландии и на островах Мельвиля. Далее он выдвигает проблему разведения особенного крупного оленя, которого везут с Охи на Сахалине и с Урала, затем привоз бизонов из Аскании-Нова и спаривание обыкновенного оленя с сохатым — лосем. Все эти необыкновенные породы, по наметкам Смирнова, должны разрастись и размножиться на Колыме.

Стадо идет по трассе уже вторую неделю и пройдет до места назначения еще недели три.

Шофер нашего автобуса Василий Денисенко, молодой парень с Украины, широко и весело улыбается вслед стаду. Сердце его радуется такой картине, он вспоминает стада своего колхоза, с которым связан всеми своими помыслами, хотя сейчас он и правонарушитель. Он был комсомольцем-колхозником, его выдвинули на работу в кооператив. Он сделал крупную растрату и был осужден за нее на пять лет в исправительно-трудовые лагеря.

На Колыме Денисенко уже год. Раньше он работал на постройке дороги и послан был оттуда на курсы шоферов. Изучив автомобильное дело, Денисенко стал

одним из лучших шоферов Колымы. Несколько месяцев назад он получил от родителей — колхозников Днепропетровщины — телеграмму: «Напиши, не нуждаешься ли в чем, вышлем посылку и деньги».

В ответ Денисенко перевел старикам тысячу рублей денег и телеграфировал: «Если нужно, могу выслать еще денег. Ни в чем не нуждаюсь».

У Василия Денисенко на сберегательной книжке около пяти тысяч рублей. Он зарабатывает в месяц тысячу пятьсот — тысячу шестьсот рублей. Около пятисот рублей у него высчитывается за питание, одежду, белье, койку в общежитии, коммунальные услуги и прочее. Остальное поступает в его полное распоряжение.

Это — обычный заработок шоферов, работающих на грузовых автомобилях на Колымской трассе. Вот, например, сведения из бухгалтерских книг автобазы Дальстроя на Спорном, свидетельствующие о месячном заработке лучших шоферов-правонарушителей. Шофер Антропов зарабатывает тысячу восемьсот рублей в месяц, шофер Капустин — около двух тысяч рублей, а заработок лучшего шофера-стахановца Сыча доходит иногда до трех тысяч рублей в месяц.

К этим цифрам, к прекрасному, здоровому и веселому виду шоферов Колымы нечего больше добавлять. Они служат лучшей иллюстрацией успехов советской исправительно-трудовой политики.

— Держись! — весело тикнул Денисенко, прибавляя ходу.

Счетчик дрогнул и показал семьдесят километров.

Автобус рванулся вперед. Час стремительной езды — и из тайги вынырнул новый бревенчатый городок Мякит — центр дорожного управления Колымы...

Колымское шоссе в течение трех лет непрерывно движется все дальше в тайгу. Вместе с ним перемещается и дорожное управление. Сейчас Мякит располо-

жен, примерно, на половине всей проложенной трассы. Отсюда шоссе сворачивает в различные направления. Одна линия идет за реку Колыму, в Северный район, в Хаттынах — на полтораста километров в самое сердце тайги, где находятся наиболее богатые месторождения золота. Другая линия уходит тоже к Колыме, на северо-восток, к устью реки Утиной, впадающей в Колыму, через высочайший из колымских перевалов — Утинский, — где дорога вьется по краю отвесного ската на высоте тысячи трехсот метров.

Утинский перевал — одно из труднейших мест строительства дороги. Здесь потребовался напряженный многомесячный труд многих тысяч ударников-колымармейцев, героически боровшихся за преодоление неприступных горных хребтов. Имена руководившего здесь сооружением трассы инженера-орденоносца Семенова, начальника строительства перевала Пахомыча — простого рабочего, заработавшего здесь звание «колымского инженера», и многих других навсегда останутся в памяти колымчан. Благодаря их героической выдержке, воле и энтузиазму была покорена и на этом участке суровая природа Колымы.

Дорожный штаб Мякита, расположенный в большом деревянном корпусе, работает как бы в условиях фронта. Особенно напоминает фронт таежный телефон, которым связаны все пункты колымской тайги. Правда, сейчас, когда масштаб работы Дальстроя колоссально разросся, этот телефон уже не удовлетворяет всех требований связи.

Вот и в эту минуту инженер управления, весь красный и распаренный, двадцать минут надсаживается над телефоном, пытаясь связаться с Магаданом. Линия перегружена — по проводам доносятся обрывки разговоров Атки, Хаттынаха, Оротукана. Слышится приглушенный концерт по радио из Хабаровска. Но

Магадан ускользает. Лишь после долгих усилий связь с городом, наконец, установлена.

В кабинет инженера входит, между тем, бригадир стахановского звена Ахмеджанов, один из старейших и лучших ударников дороги. Он показывает инженеру обыкновенное дорожное кайло — примитивный инструмент, который с самых доисторических времен вряд ли, пожалуй, подвергался каким-либо изменениям. Трудно придумать что-либо новое для усовершенствования такого орудия. Однако Ахмеджанов — полуграмотный казанский татарин — придумал: он оттянул кайло, сделал его круглым и подобрал особенной формы ручку. В результате Ахмеджанов вместе со своим звеном ударников, работающих этим кайлом, изо дня в день дает 250 процентов нормы.

Сейчас он опять пришел со своим кайлом. Ему кажется, что если ручку снова изменить, то из кайла можно выжать еще процентов 20 производительности. Инженер очень заинтересован предложением Ахмеджанова. Он придвинул клочок бумаги и производит на нем какие-то сложные вычисления. Ахмеджанов с уважением смотрит на столбики цифр, на скобки, снабженные алгебраическими знаками.

Ахмеджанов не одинок на этом участке, как и на всей дороге. Такие же, как и он, рядовые рабочие придумали ледяные дорожки, на которых установили вместо тачек однополосные легкие санки, разработали механические клинья для разрыва скал, приделали крючья к валенкам, чтобы удобнее было взбираться на ледяные скаты. Рабочая смекалка рационализировала элементарный труд землекопа, пользуясь даже немногими техническими средствами.

Инженер управления, буквально влюбленный в шоссе, рассказывает об увлекательных перспективах его строительства. Шестьсот километров дороги потребовали трех лет работы. Дорогу строили десятки тысяч

рабочих. Вынуто десять миллионов кубометров грунтов и скал, построено пятнадцать тысяч метров мостов. Но еще грандиознее перспективы дальнейших работ. Итоги трех лет строительства шоссе — только преддверие к этой работе.

В соседней комнате несколько десятков инженеров и техников, низко склонившись над чертежными столами, чертят профиль пути, который с прозрачных листов кальки ляжет вскоре на просторы колымской тундры, прорежет тайгу, пройдет сквозь горные ущелья и перевалы хребтов. Через реку Колыму строится большой мост. Закончены полтораста километров новой линии по левому берегу Колымы, среди топей долины реки Хаттынаха. Начерчен путь трассы еще на несколько сот километров вперед, по направлению к Якутску. Проведены изыскания первого в мире приарктического железнодорожного пути в таких недоступных для сообщения местах, как долина реки Колымы. Дорога должна идти вниз по реке Колыме, к Среднеколымску и Зырянке, где имеются залежи каменного угля. Паровозы и вагоны для этой железной дороги будут возить из Архангельска в бухту Амбарчик по Великому северному пути и оттуда вверх по реке Колыме.

БОРИСКА И САФИ

Суровым был колымский ноябрь. Горы снега под лучами яркого холодного солнца сияли фиолетово-белым отблеском. Стояла глухая приарктическая тишина; ни один звук не нарушал ее. Мороз достигал пятидесяти градусов.

По устью реки Декдачан, впадающей в Колыму, шел человек на коротких тунгусских лыжах. Он медленно переступал по снегу, одолевая, видимо, уже не первую сотню километров. Человек тянул за собой грубо выстроганные из жердей санки, на которых лежали мешок с мукой, связка рыбы, лопата, топор и несколько лотков для промывки золота.

В глубокой долине, где устье реки круто бросалось в сторону, человек сделал привал. Взяв топор, он нарубил дров, выложил по углам квадрата метров десяти в диаметре четыре костра и зажег их. Костры пылали, снег стаивал, обнажая черную мерзлую землю.

Разбросав один из костров, путник начал копать слегка оттаявший грунт. За несколько часов тяжелой работы он углубился всего на несколько вершков. Дальше шел слой сплошной вечной мерзлоты, не поддающийся никаким усилиям человека. Он снова развел костер, оттаял вырытый грунт и опять принялся за работу. Земля была крепка, как гранит, острие заступа только слегка скребло по ее поверхности.

Наступила ночь. Пылали костры. Далеко в тайге хрипло выла россомаха, гукал филин. Человек слой за слоем скреб каменную землю. К рассвету он вырыл яму всего на поларшина. И опять целый день, временами греясь у костров, продолжал рыть.

Только на третий день он вылез из ямы, ссыпал землю в лоток и понес ее к замерзшему ручью. Он пробил ломиком лед и зачерпнул холодную воду в лоток. Ловкими волнообразными движениями человек встряхивал лоток с породой, отбрасывая лопаткой крупные камни и гальку. Мокрые руки его покрылись ледяной коркой, пальцы распухли и побагровели, став похожими на панты молодого оленя весной, когда пушистые рожки их наливаются кровью.

Земли в лотке оставалось все меньше. Наконец, в маленькой кучке грязи на дне его блеснуло несколько микроскопических желтоватых блесток. «Знаки»! Мельчайшие крупинцы золотого счастья, за которым человек охотился уже много лет и которое теперь где-то близко, может быть, рядом. Надо найти его, напасть на гнездо, и тогда богатство сразу поплывет в руки...

Человек яростно хватает заступ и опять роет новый шурф, пока не достигает золотиносных песков. И снова — одни «знаки», одни ничтожные следы, свидетельствующие о богатой породе, но сами по себе не имеющие никакой ценности. Они говорят только о том, что где-то близко должно быть много золота.

Человек расправляет замлевшую спину, ставит чайник на костер, разводит на лыже немного муки с водой, запекает на огне лепешку и жадно ест ее, запивая горячей водой... Провизия на исходе, сахара давно нет. Впереди — долгая колымская зима. Ближайшее жилье — в Оле, на расстоянии шестисот километров; туда больше месяца надо идти по тайге... Ружья у человека нет. Иногда он ловит силками куропатку и удит

рыбу в проруби. Но это трудно и, главное, долго. А время дорого, да и провизия дорога. Чтобы купить ее, нужно долго служить в Оле сторожем или дровосеком, отказывать себе во всем и копить сотню-другую рублей, с которыми можно снова идти на разведку.

И человек торопится. Он сбрасывает последний костер и роет новый шурф. Снова долгая изнуряющая работа заступом, оттаивание дюйма земли за дюймом... Снова жгучая надежда, привычное замирание сердца при блеске золотых значков в лотке и мрачное разочарование. Богатого золота нет, но с непреодолимой силой тянет человека к повторным поискам.

Подобный этому азарт владел ищущим, когда он сидел в царской тюрьме за дезертирство. Однажды в карты он проиграл сожителю по камере недельную порцию пищи. Целую неделю он не ел хлеба и каши, питаясь жалкими остатками баланды, которую из милости давали ему арестанты. Когда голодная неделя кончилась, человек с жадностью набросился на тюремный паек. Но в первый же после этого день он снова проиграл недельную порцию другому арестанту.

Золотой азарт еще страшнее. Он преследовал человека годами, гнал его в тайгу на мучительные потуги поиски. И теперь, с неистовством душевнобольного, человек рыл и рыл шурфы. Он шесть дней не спал. Но, полчаса вздремнув у костра, преодолевая нечеловеческую усталость, он вскакивал и снова хватался распухшими руками за лопату.

На седьмой день человек свалился у костра. Проснулся он полузамерзшим у слабوتлеющих углей. Страх перед смертью охватил его. Он кинулся в тайгу и начал рубить кедровник и лиственницу для зимовья. За три дня он выложил сруб, покрыл слаником крышу, заделал отверстие в стене толстой ледяной плитой вместо стекла и доверху засыпал стены мокрым снегом, смерзшимся в теплую непроницаемую

ледяную обшивку... В ушах у человека звенело, перед глазами плыли красные и синие круги. Но он продолжал работать.

Когда костер запылал на земляном полу, человек покачнулся и упал возле него. Инстинктивно он успел отодвинуться от огня. Сколько он спал — он не мог определить. Он видел только по белеющему пеплу, что костер погас давно и чувствовал, что не в состоянии встать. Ему страшно хотелось пить. Он дополз до стены и, отломив от угла кусок намерзшего снега, начал жадно сосать его. Вода немного освежила больного, но приподняться он не мог, охваченный лихорадочным жаром.

— Пропадаю! — с отчаянием прохрипел человек. — Чаю бы горячего!..

Он долго лежал неподвижно, слабо улавливая отрывистый лай песцов в тайге. Вдруг он с усилием приподнял голову и прислушался. По снегу что-то шуршало. Щит из кедровника, заставлявший вход в зимовье, отодвинулся, и в отверстие влез пришелец в тулупе.

— Бориска? Живой?! — тревожно спросил вошедший.

— Сафейка?! — радостно закричал больной. — Салам! Чаю!

* *
*

...Тридцать лет прошло с тех пор, как Сафи Гайфулин, татарин из деревни Мирзан, Казанской губернии, впервые решил промыслять золото. Он работал тогда сторожем на почте в Охотске, куда попал, дезертировав в свое время из царской армии. Едва в Охотске стали носиться слухи о золотых песках, как Сафи, одним из первых, пошел разыскивать их.

Почти десять лет он бродил по охотским горным ручьям, изучил все тропы на побережье и в тайге и

перемыл не одну сотню тонн породы. Но золота встречалось мало. Все лето Гайфулин пропадал в тайге, а к зиме приносил в Охотск крохотную горстку добычи, достаточную только для того, чтобы прожить зиму и закупить продуктов и припасов на зимние разведки и летнюю добычу.

В 1914 году, когда началась война, Сафи ушел по-дальше в тайгу, прячась от охотского исправника. На одном из перевалов в тайге он встретился с земляком, тоже Гайфулиным, Шафигуллой. Шафигулла также бежал от военной службы и добрался из Сибири до Охотска. Он, скрываясь от властей, бродил в здешних лесах, питаясь рыбой и дичью, иногда промышляя золото. Шафигулла был исключительно силен и ничего на свете, кроме царской полиции, не боялся. Старатели прозвали его «Бориской». Это и был тот самый легендарный Бориска, который считается первооткрывателем колымского золота и по следам которого шли советские золотоискательские партии Дальстроя на Колыме.

Оба Гайфулина долго бродили по тайге, ведя бесконечные беседы о родном своем селе и мечтая о богатстве, которое позволит им вернуться домой, жениться на красивых девушках и завести свое хозяйство. Но богатого золота в Охотске Гайфулины не нашли. Осенью 1915 года вместе с русским старателем, уроженцем Пензенской губернии Кановым, они сидели на окраине Охотска в трактире и совещались.

— Пропадем мы тут, братцы, в тайге, — говорил Канов. — Золото здесь тощее, просто — дрянь. Поймают нас, отошлют на Сахалин или на войну... Что будем делать, братцы?

— Пойдем дальше, бачка, — сказал Сафи. — Пойдем в Америку. На севере, далеко, слышал я, Америка такая есть, Аляска называется. Там золото лотком гребут. Поедем на собаках в Олу, в Гижигу, потом в Се-

верный океан. Там нас никто искать не будет и золота вволю нароем.

Канов был человек грамотный. Он достал карту и подсчитал — до Анадыря будет две с половиной тысячи верст. Если на собаках делать по пятьдесят верст в день, к марту, пожалуй, можно доехать.

— Да места-то больно страшные, — сказал Канов. — Перевалы, пурга, народ неизвестно какой. Выдадут или убьют...

— Едем! — перебил его Бориска. — Ничего этого мне не страшно. Лишь бы не на войну...

— ...Собрали мы все свои капиталы, — подсовывая в чугунку хворост, рассказывает Сафи Гайфулин, — купили три потяга собак, юколы, припасов и поехали по охотскому берегу. Недели через две дошли до Ямска, сделали привал. Начал нас народ пугать: «Не дойдете до Северного моря: хребты высоки очень, пурга всегда воет; засыплет вас там, пропадете без вести. Никто еще по берегу до Америки не доходил. А золото и в Ямске есть — весь берег золотой...» И всю зиму искали мы золото вокруг Ямска. Однако ничего не нашли, даже «знаков» почти не было. А весной повстречались с якутами, которые пришли с Сеймчана, с реки Колымы. Напоили мы их спиртом и начали расспрашивать, нет ли золота на Колыме. Долго они жались, отмалчивались, но потом все-таки проговорились, что золота бывает много и тунгусы из него чуть ли не золотые пули отливают. Очень нас эти рассказы тогда расстроили!.. А кроме того встретился нам в то время еще уполномоченный читинского купца Шустова Розенфельд. Он давно на Колыме жил, по должности — торговал, а чем на самом деле занимался — шайтан его знает. Надо полагать, тоже золото искал втихомолку. Этот Розенфельд нам предложение сделал:

— Ну что ж, — говорит, — вояки, народ вы храб-

рый, опытный, поищите золото на Колыме. Я вам кое-какие места покажу и сам провожу вас, пожалуй...

Мы его вступить с нами в компанию звали. Не захотел.

— Это, — говорит, — мне ни к чему, я ученый работник. А вот вы, когда ходить будете, все отмечайте в книжечку: сколько в шурфах «знаков», по какому направлению «знаки» идут, где больше, где меньше. На гнездо нападете, отметьте крестиком, а мне потом расскажете. И вам, и мне понадобится...

— В шестнадцатом году вчетвером пошли мы по Тахтаяму и реке Буюнде. Лето ходили по Буюнде, а осенью на Сеймчан вышли. Всю Колыму исколесили, речки Декдачан, Упчакан, Буюнду сверху донизу прошли. Везде «знаки» богатые нашли, а на золото не набрали... Пришла зима, — продукты мы свои съели, одежды у нас теплой мало. Решили вдвоем с Розенфельдом идти обратно в Ямск, а Канова с Бориской оставили зимовать на Упчакане. После я с якутом Александровым на оленях туда подъехал. И опять начали мы ходить по Колыме, искать золото. Тунгусы и якуты прослышали, что бродят в тайге люди с побережья. Думали они, что мы будем их оленей воровать, угрожали нам, выдать нас хотели... Ушли мы от людей подальше, верст за триста вглубь, в такие глухие места, где, пожалуй, и человека никогда не было. Лошадь у нас последняя издохла, мы ее всю съели. Муку экономили — знали, что плохо будет без муки. К весне решили разойтись в разные стороны. Думали, что невыгодно в одном направлении всем шурфы бить. Может, кто первый на богатое золото наткнется, другим скажет, а потом сойдемся и вместе добывать начнем... Так и шли по ручьям, тащили за собой припасы и инструмент, рыли мерзлую землю, как кроты, но никто до богатого золота не добрался. Знаем, что лежит оно где-то рядом, а найти его не можем!.. Тогда-

то я Бориску и нашел в зимовье. Набрел на него случайно, свернув на тот самый ручей, где он работал. Весной нас первый раз счастье поманило: на Средникане нашли золото. Правда, добывать его было невыгодно, но «знаки» говорили, что здесь летом много золота взять можно. Провизия у нас совсем вышла, только тем и жили, что куропатку поймаем или рыбы в проруби наловим. Ни муки, ни чаю, ни сахара. Отощали совсем, едва ноги тянем, а уйти сил нет... Тянет золото и тянет, — из последних сил роем. Все кажется, что вот-вот на гнездо нападём... Потом собрались мы и начали советовать, что делать: нет больше сил по тайге ходить, пропадем. Хоть и найдем золото, достать его не сможем... Надо идти обратно, на Охотское море. И решили мы с Кановым идти в Олу. А Бориска отказался.

— Не пойду, — говорит, — лучше помру здесь в тайге. Не боюсь ни дикого человека, ни зверя. Боюсь одного урядника.

Так и остался один в тайге. Перед тем условились мы, что к зиме вернемся опять. Расцеловались с Бориской, попрощались и побрели на побережье, в Олу. Канова там поймали и забрали на военную службу. А я начал сено косить, за скотом ходить, дрова рубил у крестьян. Не пил, не ел, все деньги копил. Скоплю, думаю, рублей полтораста, куплю припасов — и опять на Колыму, к Бориске.

* *
*

Старик Сафи уронил седую бритую голову на руки, посмотрел на меня своими печальными восточными глазами и вздохнул:

— Не пришлось мне, товарищ, больше видеть Бориски: пропал он той зимой. Очень сильный человек Шафигулла был, а пропал. Совсем из сил выбился, ноги в кровь сбил, лихорадка его трепала, а он все

землю рыл и шурфы бил. Так его якуты и нашли в шурфе. Вырыл он половину шурфа, почуял, видно, что смерть приходит, наложил в яму мха и сам лег на него. Якуты его потом из ямы вытащили и похоронили рядом на ключе. Этот ключ на Колыме так и зовут — «Борискин ключ». Теперь там богатый дальстроянский прииск. Говорят, что в этом последнем шурфе золотое гнездо и было... Таково-то оно, товарищ, это самое золото, — даром в руки не дается. Вот и мою жизнь оно забрало. Тридцать лет я за золотом, как собака, бегал, а только первые три года живу хорошо, спокойно, не голодуя...

Я оглянулся на помещение, в котором жил Гайфулин. Это была небольшая избушка с земляным полом. В ней были нары, табуретки и простой деревянный стол; на нем стояли чай, сахар и хлеб. Гайфулин доживал здесь свой век, работая сторожем при Ольской почте.

Золото, действительно, отняло половину жизни Сафи Гайфулина. Он и в шестнадцатом году, после смерти своего товарища, не прекратил охоты за золотом. Неистово искал его еще много лет, вступая в соглашения с купцами, неумоимо странствуя по колымской тайге и ее золотоносным рекам. В двадцать шестом году, в Средникане, где умер Бориска, Гайфулин нашел богатое золото. Но он скрыл его от советской власти, не указал открытых районов, припрятал несколько десятков килограммов металла, отказываясь и от вознаграждения за него и от премии за указание районов. Золото было конфисковано у Сафи по закону. За скрывание золотоносных районов и намытого золота он подлежал также наказанию. Но, принимая во внимание возраст Сафи и тяжелую его изыскательскую работу на Колыме, старику предоставили возможность на свободе доживать свой век.

Гайфулин угощает меня чаем, продолжая беседу.

Он совершенно неграмотен, но за долгие дни и ночи, в какие сторожил здание Ольской почты, он многое передумал в своей жизни и многое стал видеть в ином свете.

— Недобрый человек, — говорит Сафи, — кто роет золото для себя. Не будет ему счастья... Вот я, товарищ, убил свое здоровье, закопал свою жизнь в тайге. Нет у меня ни жены, ни детей, ни доброго человека-друга...

— Но скажи, Сафи, — спрашиваю я старика, — как же так: вот вы втроем с Кановым и Бориской годами ходили по тайге, по самым золотоносным колымским районам, ухлопали столько сил на поиски — и ничего не нашли, кроме «знаков»? А ведь по вашим следам разведки Дальстроя нашли большие богатства. Везде, где вы ходили, теперь прииски. Как же объяснить, что вы — первые колымские разведчики — прошли по этим самым местам, а золота не нашли?

— Эх, дорогой, что ж ты равняешь! — улыбнулся Гайфулин. — Ведь шли-то по тайге всего трое усталых голодных людей. Шли без припасов, да и оружия не на что было купить. Неделями шурфы рыли, а там ничего, кроме знаков, не оказывалось. Золото, как между пальцев, плыло... А теперь ведь тут государство идет. Идет, может, человек пятьдесят сразу, — все сытые, гладкие, какао пьют, масло едят. Припасы за ними на машинах везут... Одним словом, государство идет. А государство все возьмет, потому что — сила!..

Я тоже невольно улыбнулся. Представления Сафи о государственных разведках Дальстроя были, по меньшей мере, наивны. «Пятьдесят человек, пьющих какао и питающихся маслом», казались старому разведчику золота пределом его мечтаний. Что же сказал бы он, если бы видел, как на самом деле работают разведочные партии Дальстроя, в которых занято несколько тысяч человек! Как по притокам Колымы идут целые

отряды, во главе с опытными геологами, с принимающими и передающими радиостанциями! Как запалами аммонала в несколько минут они разрывают вечную мерзлоту и выкапывают шурфы, на которые раньше уходила добрая неделя ручной работы! Как, наконец, самолеты авиаразведки Дальстроя доставляют партии разведчиков в самые недоступные места, держат с ними постоянную связь и отвозят добытый металл и породу в лаборатории, организованные здесь же, в тайге!..

Беседа наша подходит к концу. Утомленный старик пьет чай. Я спрашиваю его на прощанье:

— Так, значит, Сафи, теперь уже ты совсем забыл о золоте? А почему бы тебе не пойти в разведку Дальстроя? Тебя, пожалуй, возьмут на работу.

Старик выпрямляется. В печальных глазах его вспыхивают горячие искорки.

— Пошел бы, — загораясь, быстро говорит Сафи. Но тотчас же угаснув, добавляет: — Да нет, бачка, куда уж мне? Спина болит, ноги пухнут... Пускай уж молодые добывают, у них дело лучше идет!..

ЧЕЛОВЕК С МАГИЧЕСКОЙ ПАЛОЧКОЙ

Американский писатель Брет-Гарт посвящает один из своих рассказов оригинальным авантюристам калифорнийских золотых приисков — «людям с волшебной палочкой».

Такие люди бродили по долинам и горным ключам Калифорнии, окруженные почетом и мистическим уважением со стороны охваченных золотой лихорадкой приискателей.

Человек с палочкой проходил по ключам, держа палочку на вытянутых руках. Иногда палочка вздрагивала, покачиваясь, и клонилась вниз. Человек вещал: — Здесь золото.

И действительно, золото находилось, вокруг него сейчас же начиналась обычная золотая лихорадка с ее «романтикой» хищничества, ажиотажа наживы, бешеных цен и бандитизма.

Надо полагать, конечно, что таинственная чудесная палочка была не чем иным, как обыкновенным еловым прутом. Секрет же заключался в знании местности, опыте и наблюдательности владельца этого нехитрого инструмента, который получал солидный процент за находку золота.

Афанасий Семенович Мирский, один из пионеров Колымы, заведует строительством Оротуканского участка «Торопливый». В инвентаре Мирского, вместе с за-

служенной шляпой, выдавшим виды серым плащом и болотными сапогами, имеется также и палочка. Обыкновенная корявая ветлужная палочка с нарезкой перочинным ножом на ручке. В ней ничего волшебного нет.

Однако, палочка эта пользуется широкой популярностью на «Торопливом». Рано утром, опираясь на нее, Афанасий Семенович отправляется на участок и детально обследует его.

«Торопливый» живописен. Порошенные ягелем сопки похожи на слегка выцветший ковер. Прозрачный ключ «Торопливый», по имени которого названа долина, журчит по каменистому сланцевому ложу, рождаясь где-то в горах, среди прародителей золота — кварцев и гранита.

Скупое колымское солнце расточительно в августе. Оно горит золотым червонцем в безоблачном синем бархате неба.

Профиль здесь тяжелый. Снято почти полтора метра торфов, но все еще не дошли до золотоносных песков. А рядом с новыми разработками уже сняты и бесплодные торфа, и золотоносные пески. Из земли торчит гряда каменистых сланцев, чуть-чуть покрытых складками песков.

Афанасий Семенович долго присматривается к работающим, покачивая головой, и тихо говорит:

— Ну, ребята, зачистку пора делать.

Приходят люди с большими проволочными щеточками и чистят сланцы, точно зубными щетками. Остатки породы высыпаются в тачку и идут на промывку.

Процесс промывки прост. Вода ворочает камни и грязную землю и сносит их вниз на отвал. Металл не под силу воде. Он в шесть раз тяжелее камня. За короткий путь, который проделывает порода, увлекаемая водой, частицы металла успевают упасть вниз, в отверстия решет и прилипнуть к сукну ковриков.

Афанасий Семенович снимает шляпу, вытирает вспотевший лоб и идет в соседний забой.

Бригадир стахановец Литовка подмигивает отличнику и указывает на начальника.

— Нацелился старик! Палочкой ковыряет. Сейчас рыбку выудит.

Афанасий Семенович сидит на корточках и ковыряет землю.

В маленькой кучке камней и песка блестят пластинки металла. Их много. Они горят на солнце. К сланцу прилип довольно крупный «премиальный» самородок.

Афанасий Семенович уже где-то рядом и снова сидит на корточках, работая палочкой.

Молодой геолог, питомица Ленинградского геологического института Милица Денисова с восхищением смотрит на заведующего и говорит мне:

— Какие громадные практические знания у этого человека! Вот если бы я сейчас знала так много о золоте, как он знает.

Денисова сама составляет «золотой фонд» нашей страны. Ей всего 23 года. Она недавно замужем, причем свадебное путешествие молодых необычайно. Муж Денисовой, молодой геолог, уехал на два года на остров Врангеля, а жена — на Колыму на такой же срок.

Стройная фигура Денисовой, держащей в руках геологический молоток, целый день мелькает в забоях, в сопках, на промывке шурфов и скважин. Здесь, за двенадцать тысяч километров от центра, в отрезанной от мира долине, она, дочь нашей молодой и жизнерадостной страны, чувствует себя участницей великой социалистической стройки, полна сил, энергии и бодрости.

Ее «зависть» к Мирскому понятна.

Афанасий Семенович Мирский действительно имеет большой опыт. Опыт этот он приобрел ценой де-

сятков лет скитаний по горам и дебрям, окружающим три «золотые реки» — Зею, Алдан и Лену, и по горам Алтая.

Мирский был очевидцем расстрела ленских рабочих царскими опричниками. Он помнит о той буре возмущения, которая разразилась на Лене после этой расправы, и до сих пор с возмущением вспоминает циничное заявление министра юстиции Макарова:

«Так было — так будет».

Мирский знает, что «так» никогда не было и быть не может у нас, где в основу великого строительства положена забота о человеке, где социально-опасного человека превращают в полезного члена общества.

Мирский одним из первых прибыл на Колыму, обошел вместе с другими пионерами Колымы таежные тропы таких теперь известных районов, как «Юбилейный ключ» и «Пятилетка».

Он мерз под снегом в колымских тундрах, проводил долгие зимние месяцы в поездках на собаках, шурфовал ледяную почву, питался долгие месяцы одной юколой и, преодолевая железную суровость приарктических просторов Колымы, без колебаний и устали шел всегда к намеченной цели.

Афанасий Семенович скуп на рассказы о себе.

Рассказанная им самим биография немногословна:

— Отец мой рабочий. Был бедняком, умер в Сибири, в тайге. Сам с десяти лет работаю. Как подросток — все больше по золоту ходил. Работа вольная. Конечно, зимой на заводе, а летом, взяв котомку, лопатку, чашки — в горы. Вольный воздух. Белка скачет. Ну и золотишко, конечно. Вроде как бы игра. Конечно, был на Лене. Лет десять. На Алдане тоже, конечно. На Незаметном. Ну, потом на Колыму, конечно.

Осторожно пытаюсь узнать у Мирского о знаменитом «Незаметном», где больше десятка лет назад открылись колоссальные золотые богатства.

Афанасий Семенович оживляется.

— Золотишка действительно много было, — говорит он, — другой раз прямо к подошвам липло. Фунт золота за бутылку спирта шел. И вот представьте: до сих пор не понимаю, как контрабандисты этот спирт доставляли. Мышь через болото не проскочит, а контрабандист вьюки на себе тащит...

— Да, — продолжает он, — первый старатель я был. Случалось фунтиков по двадцать намыwać за сезон.

— Что же вы, Афанасий Семенович, делали с таким большим капиталом?

— Известно что. Туда-сюда, приятели есть и шулера всякие. Выпьешь, проведешь время, а к лету опять чистенький. Идешь в свою сберкассу снова с лопаткой. А в общем скажу я вам: глупо и бестолково жил наш брат, старатель, разведчик. Ловил он счастье, работал не разгибая спины по двадцать часов в сутки, голодал и холодал, а мошну набивали на нем всякие Второвы и Чурины.

— Ну, хорошо, Афанасий Семенович, — продолжаю я допытываться у старика, — скажите же мне, что заставляет вас работать сейчас на Колыме? Золото идет государству. Что же заставляет вас и многих других потомственных старателей работать не за страх, а за совесть?

Мирский помолчал, выпустил клуб дыма и, как всегда, немногословно обронил:

— Другое дело. Работаем на свое государство.

И сразу же перевел разговор на то, как первые пионеры строительства приехали на Колыму три года назад.

Пришел пароход, бросил якорь в неизученной гавани. Гудок парохода вспугнул стаю птиц с каменистых невысоких гор, поросших кедровником.

С парохода начали снимать тракторы и сгущенное

молоко, шоколад и валенки, геодезические приборы и безопасные бритвы, фотоаппараты и бидоны с бензином, радиостанции, автомобили, паровозы узкоколейки и одеколон.

Партии шли пешком через тайгу, по бурелому, начинавшемуся сразу же у бухты. Ехали на собаках, на оленях, на тракторах.

По дороге «крестили» горки, ручьи, долины. Отсюда пошли все эти названия: «Дедушкины лысины», «Американские ключи», «Крестовые перевалы» и другие, фигурирующие сейчас на географических картах.

Вешками служили поваленные деревья, юрты, кочевья и замерзшие собаки, стоявшие, точно окаменев, на задних лапах.

Партии находили районы, становились лагерем, разбивая палатки и строя землянки.

За ними вслед шла армия работников — освоителей Колымы. Тракторы корчевали тайгу, аммонал рвал скалы, снимали тысячелетние залежи торфа и разбивали на их месте плодородные поля, засыпали плывуны и строили превосходную ровную ленту дороги.

Вырос новый город Магадан с домами, не виданными ранее на крайнем севере.

Тайга сдается под напором большевистской энергии. Край каторги и ссылки, гиблое место, превращается в богатую населенную область с огромным будущим.

И мне понятен краткий ответ Мирского на вопрос, почему он работает на Колыме.

У ПОЛЮСА ХОЛОДА

— Простите, нам лучше повернуть влево, сейчас начнутся взрывы, — вежливо, отводя меня в сторону, сказал Эйдлин.

Трудно представить себе человека более городского облика и склада, чем старший инженер северного горного управления Дальстроя Марк Абрамович Эйдлин. Большой выпуклый лоб, роговые очки, пальто московского образца, повязанное сверху воротника пуховым шарфом, шапка польского бобра и галоши. Типичный облик приват-доцента столичного вуза, выходящего после окончания очередной лекции к трамваю.

Марк Абрамович — один из немногих людей на Колыме, отправляющихся в тайгу в галстук и галошах. Рано утром он никогда не забывает аккуратно выбриться, сбрызнуться одеколоном и вымыть руки пахучим душистым мылом «Красный мак». И сейчас только огромные варежки из шкуры нерпы нарушают «городской стиль» инженера. Они сразу напоминают, что мы находимся не в Москве, а в долине реки Хаттынах, на левом берегу Колымы, в нескольких сотнях километров от Оймякона, куда, по последним наблюдениям метеостанций Дальнего Востока, перенесен полюс холода с Верхоянска.

Мороз великолепен. Сорок градусов почти не ощу-

щаются в этом безветренном сухом месте. Мартовское солнце сияет в небе. Могучие рыхлые снега горят под ним синеватым пламенем; на них можно смотреть, только обратясь спиной к солнцу. Подобное этому сияние наблюдал я на заводе ферросплавов в Челябинске, заглядывая издали в жерло электрической печи Сименса, где бушевали синеватые вихри взбудораженных электричеством молекул расплавленной стали.

Воздух тайги полон кислорода. Ощущение подъема, какой-то просторной радости охватывает здесь человека. Инженер вытаскивает из огромной варежки маленькую руку и с гордостью показывает мне на длинный карьер, разрезающий черным провалом до самого горизонта белоснежное плато. Интонации инженера приобретают методический характер, он как будто читает лекцию перед воображаемыми слушателями.

— Перед вами, — говорит Эйдлин, — исключительное явление. Без преувеличения могу сказать, что здесь вы наблюдаете крупнейшую в мире золотую россыпь. В практике мировой золотопромышленности нет примеров, чтобы на расстоянии десятка километров, без перерыва, тянулось сплошное месторождение золота в таком богатом процентном содержании. Одна эта россыпь может дать мировую известность Хаттынаху.

Марк Абрамович разводит руками и, немножко конфузясь, признается: — Кстати, должен сказать, что многие специалисты на Колыме в свое время недооценивали этот район, относились к нему весьма скептически, считали, что расходы по доставке людей и груза не оправдаются. Если бы руководство Дальстроя тогда послушалось их, пожалуй, мы и сейчас не имели бы представления о Хаттынахе. Однако, несмотря на ярко выраженный скептицизм научных работников, руководство Дальстроя смело взяло курс в этом

направлении, и, как видите, республика получила новую золотую сокровищницу — Хаттынах.

Долина реки Хаттынах взята в серьезную обработку. Разрезы идут вдоль и поперек долины. Вечная мерзлота вскрыта на несколько метров в глубину. У бортов разреза, покрывая их края, лежит высокий, метровый слой снегов. Идет зимняя вскрышка торфов, подготовка к летнему сезону добычи золота. Впервые в мире в таких масштабах проводятся взрывные работы на золотых приисках. Этот процесс является большим историческим достижением, которым Дальстрой по праву гордится, и о нем стоит рассказать подробнее.

Инженер Эйдлин сыграл в проведении взрывных работ крупную роль. Года три назад, когда обсуждался вопрос о широкой добыче золота, дирекция Дальстроя столкнулась, прежде всего, с тем, что Колыма сама по себе — страна холода и вечной мерзлоты. Лето на Колыме длится всего сто дней, а из этих ста дней можно мыть золото не больше пятидесяти. Все остальное время уходит на снятие верхнего слоя земли и подготовку к промывке. Из трехсот шестидесяти пяти дней в году триста десять уходит на подготовку и только пятьдесят дней — на работу! Десятки тысяч рабочих принуждены круглый год ждать этих пятидесяти производственных дней. Дирекция так сформулировала перед инженером Эйдлиным свои требования:

— Надо устранить сезонность работ по добыче золота, надо найти способ рационализации этих работ. Мы тратим на завоз одного рабочего на Колыму без малого пять тысяч рублей, а на содержание его в течение года — еще больше. Допустимо ли почти год держать рабочих без работы?

Эйдлин развел руками:

— Я над этим давно думаю. Что ж поделаешь? Таковы условия золотой промышленности. Сезонность не-

избежна, все прииски так работают. Конечно там, где есть незамерзающая вода, можно кое-что придумать, но у нас — вечная мерзлота. Рыть землю нерентабельно. Чтобы дорыться до песков, десять рабочих несколько дней будут скрести землю в шуфре. Земля — как железная броня.

Дирекция настаивала:

— Хоть из пушек стреляйте, но землю надо вскрывать зимой.

Инженер приподнял голову и улыбнулся.

— Из пушек?.. А, знаете, это идея совершенно резонная. Над этим я и думал. Можно взрывать землю. Эта мысль не абсолютно нова, взрывать зимой землю на приисках пробовали. Но этот метод как-то не давал результатов. Во всяком случае, он не входит пока в арсенал научных методов добычи золота, он не апробирован.

Тогда Эйдлину сказали:

— А знаете что, Марк Абрамович, плюнем мы на эту самую научную апробацию! Попробуем!

Эйдлин несколько скептически качнул головой, но за разработку проекта широких взрывных работ взялся со своей обычной энергией и умением. Ему не впервые приходилось разрабатывать проекты широкого масштаба. Этот аккуратный, немного педантичный человек двадцать лет жизни провел в самых глухих таежных дебрях Алдана, Лены и Колымы.

Еще до революции, молодым инженером, начав с должности помощника начальника небольшого прииска, он после десяти лет работы стал заместителем управляющего всеми золотыми предприятиями крупнейшей компании «Лена-Гольдфильдс». Некогда все инженеры ленской компании ломали головы над вопросом, как добиться того, чтобы зимой по канавам приисков не образовывалась шуга, ибо на расчистку этой шуги ежедневно требовались тысячи рабочих.

Для согревания воды на расстояниях в добрую сотню километров приспособлялись нагревательные котлы, ставились турбины, придумывались хитроумнейшие приспособления, поглощавшие сотни тысяч рублей.

И вот молодой инженер Эйдлин пошел на смелый, простой, но остроумный шаг. Рискую заморозить воду, причинить компании колоссальные убытки и испортить себе навсегда карьеру, он снял с канав все приспособления и приборы и покрыл их легкими деревянными щитами. Успех этого предприятия был исключителен. Шуга мякла в воде, согретой щитками, плыла по канавам, превратившимся в теплицы, и уходила совершенно свободно, без всяких турбин и без проталкивающих ее рабочих...

Так началась ленская карьера Эйдлина, продолжавшаяся много лет, вплоть до революции.

Марк Абрамович сохранил от своего прошлого лишь внешнюю форму корректного специалиста высокой квалификации. Семь лет напряженной работы на Колыме бок о бок с большевиками-энтузиастами колымской стройки, необычайный размах работ, новое отношение к понятиям и людям — все это переродило и психологию и общественные взгляды инженера. Этот выдавший виды пятидесятилетний человек, умеющий одинаково тонко и умно оценивать и перспективы золотой добычи в Австралии и Трансваале, и эстетическую значимость редчайших картин, сейчас, как юноша, увлечен своей работой в тайге и огромным будущим золотой Колымы.

— Сейчас начнутся взрывы, — говорит Эйдлин, взглядывая на золотые часы, премию от Дальстроя.

По косогору бегут люди, слышатся тревожные свистки. И вдруг над всем прииском как бы разражается артиллерийская канонада. Заложенный в бортах разреза, в маленьких аккуратных шурфиках аммонал взрывается, белая скатерть снегов вздрагивает сра-

зу в десятках мест, и кверху летят столбы черной пыли. Взрывы ведутся по точному расчету: аммонала закладывается как раз столько, чтобы вверх взлетел только слой бесплодных торфов; иначе все золото, заложенное в глубине, развеется по ветру. В одном из только что взорванных участков Эйдлин рассматривает крупную, отвалившуюся после взрыва глыбу.

— Чистый торф, — говорит инженер, — вполне пригодный для отопления. Вероятно, здесь пойдет сплошной пласт... Вот что, товарищи, — обращается он к бригаде рабочих, — этот торф вы складывайте отдельно, — печи топить будем.

— Есть, Марк Абрамович! — по-военному отвечает бригадир Скворцов, заламывая набок шапку и открывая лихой кубанский замысловато зачесанный чуб.

Скворцовская бригада — стахановская, она дает двести двадцать процентов нормы, — около шести кубометров земли на человека в день. Это — рекорд зимней вскрышки торфов. Бригадир кайлит сам. Это — не просто работа сильного энергичного человека, это — почти искусство. Скворцов подкидывает кайло и, слегка ухнув, вонзает его в борт породы. От борта отваливается кусок, с треском сползающий вниз. Скворцов слегка подвигается и, нацелившись в новую определенную точку, снова ловко вонзает кайло. Незаметное движение плечом, и такой же огромный кусок мерзлой земли ложится рядом.

Подручный его — маленький расторопный Чудин — подкидывает землю на салазки, и двое других рабочих тащат их по ледяной тропе к канатной дорожке, которая сбрасывает землю под отвал. И салазки, и ледяная тропа — все это изобретения стахановцев, придуманные ими взамен традиционной тачки, ползущей по дрожащим доскам. Они дали возможность во много раз усилить выработку.

Глядя на быструю работу бригады, Эйдлин расска-

зывает, что принесла зимняя вскрышка торфов, впервые применяемая Дальстроем в массовом масштабе.

— Результаты этого метода, — говорит он, — просто поразительны. Я старый приисковый работник. Но если бы кто-либо сказал мне, что зимой на приисках, при шестидесяти градусах мороза и вечной мерзлоте, мы будем выполнять и перевыполнять летние нормы, — я рассмеялся бы ему в лицо. А между тем факт неопровержим: мы действительно добились таких результатов. Больше того, я даже опасаясь, как бы мы летом не отстали от зимы. Дело в том, что здесь особенный грунт: здесь — плавун, тот самый плавун, который причинил столько неприятностей еще на проводке московского метро. Как вы эту жижу возьмете летом? А зимой она промерзает, как камень, и мы делаем с ней, что хотим: рвем аммоналом, бьем кайлом, гребем лопатой. Но за зиму мы снимем почти всю толщу плавуну. Месяца через полтора солнце заработает во-всю, золотоносный грунт оттаяет, и тогда нам легко будет вынимать его на промывку... Вас интересует, что дает зимняя вскрышка экономически? Помимо того, что мы уничтожили сезонность добычи и правильно нагрузили рабочую силу, мы в общем увеличили производительность работ вдвое. Это значит, что нам понадобится вдвое меньше рабочих и мы сможем взять вчетверо больше золота, чем могли бы его взять только летом. Это значит, что мы сэкономили сотни миллионов рублей. Вот что дает зимняя вскрышка торфов взрывными работами. Я не сомневаюсь, что этот метод со времени нашего опыта на Колыме войдет в арсенал золотой промышленности Союза так же прочно, как вошел стахановский метод работы.

У краев разреза, вытянув длинные шеи шлангов, стояли, словно притаившись, бойлеры. Рабочие втыкали шланги в землю, бурили кипящим паром аккурат-

ные канавки — бурки для аммонала. Готовилась новая серия взрывов... Но прозвучал сигнал, обозначающий конец рабочего дня. Сплошной лентой из разрезов потекли тысячи черных фигурок. Они несли на плечах, как винтовки, кайла и лопаты. Двигаясь к приискскому поселку, люди пели колымский марш:

Покоря таежные дали,
Жарко споря с седой Колымой,
Мы бригадой Дальстроя шагаем
В большевистский поход боевой...

— Пойдемте, — сказал Эйдлин, — посмотрим, как живут наши рабочие. Зайдемте в стахановский дом, который мы выстроили для наших стахановцев, — их у нас несколько сот человек.

Стахановский дом стоит на пригорке. Он совсем новенький, еще пахнет свежей смолой. Только на днях привезли на тракторах срубленные для постройки за десяток километров отсюда лиственницы. Такие дома стахановцев выстроены на многих приисках Колымы. Прииски соревнуются друг с другом в желании обеспечить хорошие условия своим знатым людям.

В доме ярко горят электрические лампы, веют добротным теплом две раскаленные железные печи. У стен выстроились в ряд чистенькие отдельные койки. На каждой койке белая простыня, подушка с белой наволочкой, теплое одеяло. Возле койки — небольшая тумбочка, где хранятся белье и посуда. На полу стоят спальные туфли.

— Что ж тут особенного? — улыбается инженер, заметив наше удивление по поводу туфель. — Мы придаем значение именно таким мелочам. Жены итровцев собираются поставить на каждую тумбочку электрическую лампочку с абажуром. Почему же не предоставить рабочему такого удобства? Ведь это дело самой несложной инициативы.

Стахановцы, вернувшись с работы, мылись, наде-

вали чистую одежду, спальные туфли и пили за чистым столом, покрытым скатертью, чай с конфетами и клюквенным экстрактом. У многих из них имеются балалайки, мандолины. В бараке есть патефон и пластинки и небольшая библиотека, где можно получить книги и газеты. Из радиорупора на стене слышится ария Розины из «Севильского цирюльника» в исполнении Катульской. Это — хабаровская радиостанция, отстоящая за 4 тысячи километров, передает тонфильм. Передача очень четка, — радиоволнам ничто не мешает в бесконечных таежных просторах.

Мы, несколько работников из центра Колымы — Магадана: санинспектор, геолог, инженер, журналист, бродили целый день по прииску, заходили в пекарни, бани, кухни, столовые, радиостудии, на электростанции, в научные кабинеты геологов, в амбулатории и лаборатории. Мы видели здесь обыкновенную картину, присущую каждому рабочему центру Советской республики. Однако в этих условиях это не совсем обыкновенно. Ведь мы находимся в месте, не отмеченном пока ни на одной географической карте мира, в центре «белого пятна», в трехстах километрах от мирового полюса холода. Никогда здесь не существовало никаких дорог. Но большевики уже развернули рабочий центр, снабженный всем необходимым для культурного существования. Здесь, как и везде в Союзе, семь часов работы, сытное питание и хороший, культурный отдых.

— Товарищ писатель, — окликает меня один из рабочих, — я хотел вам дать почитать свою пьеску. Ставили мы «Ревизора», очень всем понравилось. А теперь вот я и сам написал пьеску из нашего быта.

Это говорил Мыльников — приисковый актер, поэт и малоформист. Он — главный режиссер постановок, в том числе и «Ревизора». Костюмы для постановки шили жены инженерно-технических работников,

декорации писали чертежники, роли исполняли стахановцы.

Я просматриваю рукопись Мыльников. Он явно способен, но пока малограмотен. Говорю ему:

— Вам надо еще поучиться, надо читать побольше. Вы много читали? Каков ваш литературный багаж? Мыльников широко ухмыляется.

— Литературный багаж? Какой же это багаж? Я, признаться, больше насчет железнодорожного багажа интересовался...

Рабочие смеются. О железнодорожном багаже Мыльников сказал неспроста: когда-то он был искусным железнодорожным вором, известным многим угрозам Союза. Но это было давно. Сейчас он, перекрокованный трудом на стройке, — вольный гражданин, покончивший с уголовным прошлым.

Мы выходим из стахановского дома. Эйшлин аккуратно повязывает свой пуховый шарф вокруг воротника из польского бобра, поправляет круглые роговые очки, прячет маленькие руки в гигантские варежки и задумчиво говорит:

— Я двадцать лет работаю на приисках и помню, что у самой богатой золотой компании, «Лена-Гольдфильдс», рабочий всегда жил в землянках, в бараках, кишущих клопами, в грязи, сырости. Предполагалось тогда, что нет большего счастья для рабочего, чем бутылка спирта, за которую, кстати, с него сдирали семь шкур... А здесь вот мы прекрасно обходимся без спирта. Театр, радио, спорт, физкультура, книги, курсы — ведь всего этого не видал на Лене не только рабочий, но даже и инженер. А ведь Ленские прииски географически, по сравнению с Колымой, — московский пригород. Есть ли еще место, куда, в сущности, было бы так трудно добраться, как в наш Хаттынах?..

Автомобиль ждал нас на ровной ленте дорожки, проложенной в глубоких снегах. Далекие сопки розо-

вели нежным светом, на них ложились зарницы от северного сияния, горевшего где-то, в нескольких стах километров севернее. По всей долине Хаттынаха светились яркие точки электрических огней, и весело поднимались из труб голубые дымки...

«КОРОЛЬ»

В избушке их было четверо — трое мужчин и одна женщина. Четверть спирта, банки с вареньем и маслом, нарезанная квадратиками соленая кета стояли на столе.

Сквозь синий махорочный дым выделялся профиль Берлага, сидящего на скамье.

Берлага рассказывал. Молодая женщина с влажными черными глазами, склонившись вперед, смотрела на него, как зачарованная. Она прислонилась грудью к плечу рассказчика. Потревоженный Берлага повернул к ней голову и неторопливо произнес:

— Катя, отодвиньтесь. Вы мне путаете мысли.

— В Киеве существовать можно вполне. Я туда в последний раз попал с Вишеры, меня на Вишере почти целый год перековывали. Никак бежать не удавалось, чуть не пропал, пока зимой до Северной дороги добрался.

Возле Перми в международном вагоне мне понравился кожаный чемодан. Снял с вешалки шубу с котиковым воротником, а в ней билет до Киева. Пришлось поехать в Киев.

Схожу я в Киеве. Вид у меня шикарный. Вроде дипломата: костюм, шляпа с коричневой лентой, перчатки замшевые, желтые.

И вдруг подходит к нашему вагону дамочка. Смот-

рит она вокруг, как будто кого-то ожидает, подходит ко мне.

— Позвольте, — говорит, — вас спросить. Не вы ли будете товарищ Бутковский?

— Совершенно верно, мадам, — отвечаю, — я есть Бутковский. К вашим услугам.

— В таком случае, — говорит она, — приветствую вас от имени моего супруга Бермонта, который сейчас выехал в двухдневную командировку и просил меня встретить вас на вокзале.

— Очень приятно, — отвечаю. — Так вы супруга Бермонта? Как его здоровье? Как дела?

— Здоров, — говорит, — совершенно, а дел всегда много у него, как у кассира государственного банка. Вот и сейчас должен был срочно уехать. Прошу вас заехать прямо к нам.

Поехал я к своему старому «другу». Все идет гладко. Поужинали, выпили, поиграла она мне на рояли. Взял я ее тут крепко за руки, смотрю в глаза и говорю:

— Я, мадам, вовсе не Бутковский. И мужа вашего никогда в глаза не видал.

Она сначала замерла и молчит, а потом шепчет испуганно:

— Так кто же вы такой?

— Я, — говорю, — незаконный сын князя Гагаринцева. Специализируюсь на несгораемых шкафах. Прошу вас извинить меня за обман. Но скажу прямо. Как только я увидел вас на вокзале, во мне произошла катастрофа на почве любви. И теперь нет для меня ничего на свете, кроме вас.

С дамочкой этой у нас любовь была. Когда ее муж вернулся, она мне слепила восковку с банковских ключей, пошел я в банк и вынул оттуда сто двадцать тысяч.

Ну, думаю я, после этого, нечего вам, Василий

Иванович, в Советской республике делать. Специальность у вас тяжелая — медвежатник.¹ Рабочий класс этой металлической специальности не любит. Накупил я вещичек всяких и ахнул через границу в Румынию.

Живу там полгода, живу год. Полиции плачу деньги. Работаю по мелкой специальности в гостиницах, да и то редко. Больше кучу. Деньги постепенно все просадил.

И надо вам сказать, ребята, на родину тянет.

По людям своим заскучал, о Вишерском изоляторе с удовольствием вспоминать начал. Щец бы теперь, думаю, каши пшенной, в штосс перекинуться.

Решил вернуться в Россию. Но знаю, что плохо мне придется. Угрозыск по ручке меня сразу определил. Знает, чья работа с киевским банком. Рожа у меня тоже заметная. Никуда не скроешься.

И тут мне одна мысль пришла. Вскрыл я сейф в румынском банке, получил оттуда 20 тысяч долларов и махнул с ними обратно через границу.

Явился прямо в киевский угрозыск.

— Здравствуйте, — говорю, — граждане-начальники!

— Здравствуйте, Берлага, — отвечают. — Очень приятно. Мы тебя давно дожидаемся. Откуда пожаловал?

— Из Румынии, — отвечаю. — Из города Бухареста. Привез вам привет от акул международного капитала. И, между прочим, разрешите представить двадцать тысяч долларов в полный расчет. Теперь мы с вами квиты. И трогать вам меня не к чему.

«Костя-пролетарий» взвизгнул от удовольствия:

— Ловко, Василий Иванович! Ну и как же? Отпустили?

— Отпустят! — мрачно отозвался Берлага. — День-

¹ Медвежатник — взломщик несгораемых касс.

ги отправили в Румынию, а меня сюда на север на восемь лет.

Берлага достал из-под нар новую бутылку со спиртом, налил всем и, стукнув кулаком по столу, крикнул:

— Гуляй, ребята! Берлага угощает!

Катя подбоченилась и прошлась по комнате.

Берлага затянул частушку.

* *
*

В покрытое толстым слоем льда окошечко тревожно стукнули. Послышался глухой голос:

— Зекс! Вода!

Жук и Костя натянули полушубки, метнулись на чердак и оттуда через отверстие выскочили в сугроб. Катя залезла под нары.

Дверь открылась. В нее повалили густые клубы пара.

Вошли закутанные в тулупы люди. Начальник района и человек в военном.

— Здравствуй, Василий, — сказал начальник, расстегивая полушубок, — бузишь все?

— Живу, Евсей Иванович, — коротко ответил Берлага.

Начальник осмотрел стол, покачал головой и обратился к военному.

— Отдайте под арест часового. Опять здесь в камере кутежи и пьянка. Какой же это изолятор?

Берлага усмехнулся.

— Нехватит у тебя стражи, Евсей Иванович. Ты у себя в районе начальник, а я у блатников король. Куда ни посадишь — меня чествовать будут. Выпьешь, может, стаканчик?

Начальник посмотрел на Берлагу с сожалением.

— Жаль. Из тебя мог бы выйти толк

— Это твои ребята мне под окно бочку спирта из склада прикатили сегодня? — снова начал он.

— Мои, — ответил Берлага.

— Зачем?

— А ты не думай, что без тебя не обойдутся. Просил я у тебя утром бутылку — не дал. Вот мы тебе и показали, кто над спиртом хозяин.

Начальник сел на скамью рядом с Берлагой.

— Берлага, опомнись, пропадешь ведь. У тебя способности. Иди на работу.

Берлага упрямо сдвинул брови.

— Три года не работал и до конца работать не буду. Пусть тебе зайцы¹ мантулят. Берлага не такой.

— Слушай, Василий Иванович, — снова начал начальник. — Ты ведь из рабочей семьи. Отец у тебя в Донбассе забойщиком был. И тебе не стыдно быть злостным отказчиком, паразитом? Иди на дорогу, з шурфы или, если хочешь, на аммонал запальщиком назначу. Срок наполовину сократишь. Посмотри, как бригада Чудовного землю копает. Сам нарком оценил.

Берлага пожал плечами:

— Хорошо копает, говоришь? Пусть копает! А папаша у меня действительно не плохой рабочий был. И мамаша старушка хорошая. Только и отец и мать здесь в землю ничего не закапывали, чтобы мне отрывать.

Начальник прошелся по комнате.

— Ладно, Берлага, придется принять меры посерьезней. Я тебя переведу в настоящий изолятор. Крыса не пробежит. Просидишь там всю зиму. Собирайся!

Берлага лениво приподнялся со скамьи.

— Надо осмотреть его, — начал начальник, — он всегда с собой оружие протаскивает.

Берлагу осмотрели. В кармане ничего не было.

— Открой рот! — сказал начальник.

Берлага покосился.

¹ З а й ц ы — крестьяне.

— Открывай!

Берлага разинул рот, сверкнув ослепительными зубами. Начальник ловким движением вытащил прижатое к небу блестящее лезвие бритвы.

— Резаться хочет, — сказал начальник военному, — он уже раз устроил такую штуку. Сделает порез и — в госпиталь. Оттуда бежать. Ну, идем.

Берлага схватил табуретку, бросил ее об пол и закричал:

— Не пойду! Убирайтесь к чорту! Перековщики! Сдохну, не буду работать!

Глаза его налились кровью. Он сорвал с себя рубашку и, сверкая смуглым телом, выскочил наружу.

Желтая луна дрожала в морозном воздухе. Снег скрипел под ногами. Берлага стоял в сугробе голый по пояс, выставив крутую грудь навстречу легкому, но обжигающему тело морозному ветерку.

Глаза у Берлаги сверкали. Руки были сжаты в кулаки. Он молча стоял на морозе, глядя в упор на начальников.

Проходили томительные минуты. Берлага посинел, но не двигался с места.

— Пропадет сумасшедший! — тихо сказал начальник военному. — Надо взять его отсюда.

— Как его взять? — так же тихо ответил военный. — Силу применять мы не можем по уставу. А сам он не пойдет. Это демонстрация.

Начальник подошел к Берлаге и взял его за руку.

— Василий, иди обратно, пропадешь. Сиди там.

Берлага пошел обратно в избушку.

— Пошлите ему врача, — сказал начальник. — И пока не трогайте его. Я сам с ним займусь.

Катя выползла из-под нар и бросилась, плача, к Берлаге.

— Вася, милый! Что ж ты с собой делаешь!

Все еще дрожа от озноба и волнения, Берлага оттолкнул ее от себя:

— Убирайся! Видеть вас всех не могу.

И, уронив голову на руки, он заплакал глухим, прерывающимся рыданием мужчины, не умеющего плакать.

* * *

Северная весна стремительна и бурна. Миллионы тонн снега как будто проваливаются сквозь землю. Реки вздуваются и оживают. Сопки покрываются светлозеленым бархатным ягелем.

Дорожный участок «Боевой» приступил к весенним работам. Рабочие начали снова тяжелую, но увлекательную борьбу с суровой природой.

Медведи убегали все дальше от тревожных свистков, после которых ухали взрывы аммонала, выбрасывающего высоко вверх снопы мерзлой земли и брызги скалистых пород.

За медведями по пятам шли колонны автомашин, ползли тракторы, везущие продовольствие, железо, одежду.

Берлага попрежнему сидел в изоляторе.

Его по приказу начальника никто не беспокоил.

Изредка ему приносили газеты.

Он посерел, осунулся, оброс черной, как смоль, цыганской бородой.

Солнце косыми лучами проникало в мрачную избенку. Весенние зовы тайги звали Берлагу на волю.

Вечерами по чердачному ходу к нему иногда приходила Катя. Она поступила на курсы медицинских сестер. Работа увлекла ее.

— Вася, иди работать, — говорила она. — Все равно наша жизнь дала трещину. Жук — бригадир. Держит почетное знамя. Костя — в агитбригаде работает, актером стал. Я вот тоже учусь. Будем жить, как лю-

ди. В шоферы пойдешь... Ты ведь все можешь...

Берлага мрачно усмехнулся.

— Ну и работайте, чорт с вами. Я никому не запрещаю.

Однажды начальник снова пришел в изолятор к Берлаге.

— Ну, как, Василий, сидишь?

— Живу, Евсей Иванович.

— Я, знаешь, решил тебя выпустить отсюда.

Берлага усмехнулся.

— Зря, Евсей Иванович. Мне и здесь хорошо. И потом ни к чему это. Работать не буду. Все равно сбегу.

Начальник вытащил из походной сумки географическую карту и протянул ее Берлаге.

— Ну, если хочешь бежать, так вот тебе карта. Без карты куда побежишь? Поучись, рассмотри как следует и беги.

Берлага с недоверием посмотрел на начальника, но карту взял.

На карте были изображены огромные пространства, с редкими точками населенных пунктов. Высоко вверх, на добрых поларшина, расстилалась пустыня Ледовитого океана. Внизу столь же пустынное охотское побережье. Слева, на расстоянии в полметра, виднелась надпись: Я к у т с к.

Начальник присел рядом с наклонившимся к карте Берлагой и разъяснил ему масштаб. Потом достал из кармана книгу с описанием края и также отдал ее Берлаге.

— На вот, почитай и потом беги, а то пропадешь.

Берлага долго рассматривал карту, потом взялся за книгу.

Книгу Берлага читал всю ночь с увлечением и азартом, отыскивая по ней места на карте.

Два дня спустя он передал через воспитателя просьбу к начальнику:

— Евсей Иванович, пришлите-ка мне еще таких книжек.

Начальник прислал Берлаге «Путешествия Миклухи-Маклая», географический атлас, учебник геологии и еще несколько книг.

Берлага бросил пить и выгнал из изолятора чердачных гостей.

Он корпел над атласом и книгами, изредка тревожно поглядывая на голубевшее весеннее небо, на автомобили, идущие по трассе, и на контору участка.

Возле конторы готовились в путь топографическая и геологическая экспедиции. Седлали лошадей, вешали вьюки, выносили теодолиты, вешки, палатки. Вокруг них с увлечением возилась молодежь, мужчины с дорожными мешками за спиной и женщины, одетые как мужчины.

Однажды молодая женщина-геолог, заинтересовавшись высунувшимся в форточку бледным лицом и цыганской бородкой Берлаги, подошла к окну и спросила его:

— Почему вы сидите, товарищ, в закрытой избе?

— Какой же я вам товарищ? — мрачно ответил Берлага. — Я не товарищ. Я сукин сын.

И захлопнул форточку.

* * *

На другой день Берлага сказал воспитателю:

— Позови Евсей Ивановича.

Начальник пришел к Берлаге. Берлага долго молчал, потом несмело сказал:

— Евсей Иванович! Копать землю все равно не буду.

Евсей Иванович чуть заметно усмехнулся.

— Для этого только и звал?

Берлага помолчал снова и нерешительно произнес:

— Евсей Иванович, пусти меня с ними!

— С экспедицией?

— Ну да! Даю слово, не сбегу.

Начальник посмотрел на Берлагу и ответил:

— Твоего слова мне не нужно. Знаю, что не сбежишь.

ПРИИСК ПЯТИЛЕТКА

Лошади идут гуськом, опустив голову, без поводьев. Управлять ими на таежной звериной тропе — бесполезное дело. Болота, рытвины, заросли мелкого кедровника тянутся сплошной цепью от стана Оротукан до перевала на реке Колыме. Быстро текут хрустальные горные речки, по руслам которых нам, главным образом, и приходится пробираться.

Речки здесь почти все «золотые». Вытекая из горных кряжей, в недрах которых природа создала целые «лаборатории золота», они начиняют колымскую землю золотыми зернами и пластинками.

Наша кавалькада движется по руслу Оротукана — одной из крупных рек, впадающих в Колыму. На расстоянии четырех-пяти километров мы тридцать восемь раз вброд переходим эту реку. Старший геолог Оротуканского горного района Кечек, подобрав ноги на спину лошади, чтобы не замочить своих аккуратных галифе, говорит мне, показывая веткой на прозрачную быструю воду:

— Россыпей здесь, может быть, и нет, но в самой воде имеется золото. Оно рождается в граните и кварце гор и в течение сотен тысячелетий размывается вот такими речками и ручьями. Более крупные куски оседают вниз, в русло реки, и когда в течение геологических периодов реки меняют русла, на их месте, посте-

пенно заносимом землей, остаются россыпи золота... Но имейте в виду, что масса золота еще растворяется в воде и уносится в моря и океаны. В каждом кубическом метре морской воды имеется несколько миллиграммов золота. По существу, ведь, золото — очень распространенный металл... Почему не везде находят его?.. Возможно, что его можно найти в очень многих местах, но в течение десятков миллионов лет оно заносится громадным количеством бесплодной земли. Только в таких молодых геологических районах, как Колыма, Аляска и некоторых других, золото находится близко от поверхности земли...

Далее Кечек ведет целое сложное повествование о геологических и морфологических структурах отложений, о синклиналях и антиклиналях, о третичных и четвертичных эпохах. Кечек приехал на Колыму сравнительно недавно, прямо с Кавказа, чувствует себя здесь прекрасно и увлечен своей работой.

Колыма вообще — заманчивый край для геологов. Десятками слетаются они сюда со всех концов СССР, чтобы осесть на Колыме всерьез и надолго. Более двухсот научных работников-геологов работают в Дальстрое. Нигде в капиталистических странах нет такого количества научных работников в местах золотых разработок. Буржуазные компании в своей хищной погоне за золотом, конечно, меньше всего думают о науке. Советская же золотая промышленность предусмотрительно соединяет свою практическую производственную деятельность с чисто научной работой, раскрывая широчайшие горизонты для своих ученых.

Кечек горячо говорит о золотой земле, по которой мы едем, о необычайно интересных научных проблемах, над которыми работают геологи Дальстроя, о богатых перспективах россыпной добычи на Колыме.

— Вот подождите еще годик-два, и мы вам покажем, что такое Колыма! Аляска — маленький кусок

земли, а Колыма — страна больше Германии. Геологически это, несомненно, продолжение мощного месторождения, идущего от Аляски до Алдана, Индигирки, Лены. Родство с Аляской несомненно. И районы здесь схожие: геологический возраст, профиль, конфигурация, россыпной характер золота...

В разговор вмешивается второй геолог Оротуканского района Фейгин. Он тоже влюблен в свое дело, но его интересует, главным образом, рудное золото.

— Подумаешь, Аляска! — презрительно произносит Фейгин. — Какой удельный вес Аляски?.. Весь мир добывает за год около сорока тысяч пудов золота. Много ли его приходится на Аляску? Англия одна намывает двадцать пять тысяч пудов в год и получает их, главным образом, в Африке, из рудных россыпей. Полмиллиона кафров и бушменов работают в рудниках Трансвааля, копают в шахтах породу и на обогатительных машинах выпускают целые золотые водопады. Вот это работа!.. Я уверен, что наше будущее — тоже в рудной добыче. Пора оставить надежды только на случайную кустарную добычу, которую приносят реки. Мы должны сами пробиться к руде и взять оттуда золото по-стахановски. Мы должны выйти не только на первое место в Союзе, но и на первое место в мире...

Технорук района, горный инженер Рабинович едет впереди. Он старается примирить разбушевавшихся геологов, одновременно осаживая лошадь, наскакивающую на Кечека.

— Не волнуйтесь, товарищи, не уйдет от нас ни россыпь, ни руда. Советской республике все пригодится. До руды еще успеем добраться, а пока надо россыпи как следует научиться эксплуатировать. Сезон к концу подходит, а мы еще плана не выполнили.

Рабинович все время работает на самых ответственных участках золотой Колымы. Он бродил по ее райо-

нам на лыжах и собаках, проваливался в наледи, отмораживал ноги, цынговал. Он присутствовал при самом зарождении золотых приисков и на своих плечах, вместе со многими другими, выдержал всю тяжелую и героическую работу освоения девственных мест и превращения их в крупные производственные золотые цехи.

Рабинович — коммунист. Задор молодости соединяется в нем с предусмотрительностью и твердой волей большевика, а прекрасные личные качества, товарищеский подход и чуткость к людям сделали его любимцем всей приисковой рабочей массы. В свое время он награжден был почетной грамотой ВЦИК за успехи по выполнению программы золотодобычи и неоднократно премирован Дальстроем.

Горячий Фейгин оставляет Кечека и вцепляется в Рабиновича, укоряя его в недооценке рудных перспектив района. Управляющий южным горным районом, маленький круглый Левантин, скосив ястребиные глаза, смотрит на спорящих геологов с легкой усмешкой. Длинные теоретические тирады товарищей забавляют его.

Левантин — старый артиллерист, позже — активный участник гражданской войны. Последняя армейская должность его — начальник управления снабжения IV Туркестанской армии. До золота он добрался сложными путями хозяйственника, пройдя целую энциклопедию хозяйственных производств в Москве, Минске и на Вишере... Левантин сам не прочь порассказать о своем деле и поострить. Перед отъездом, в своей квартире на Оротукане, за ужином он неожиданно заявил мне:

— Хотите, я покажу вам, какую рыбку мы ловим на Колыме? У меня, ведь, организованы свои «рыбные промыслы»... Степан, принеси-ка мальму, которую вчера изловили.

Вместо ожидаемой мною гигантской рыбы Степан принес небольшой холщевый мешочек, из которого Левантин торжественно выложил на тарелку великолепный самородок зеленоватого золота весом в три килограмма, найденный только что на промысле Пятилетка. Самородок по форме был похож на статую Будды и отливал синеватым фосфорическим оттенком. Он занимал почти всю широкую ладонь Левантина.

Такие самородки — нередкость на Колыме. Здесь золото вообще крупное. Сотни тысяч лет, прошедшие с того момента, как золото было выхвачено водой из кварцитов или гранита, — это младенческий геологический возраст, и в течение этого пустякового времени вода и камни не успели размолоть и растереть такие крупные куски ценного металла.

Я невольно вспомнил теперь об этой «рыбке», когда, примиряя спорящих геологов, Левантин сказал:

— Нам больше нужны сейчас не ваши теоретические споры о том, что будет, когда ничего не будет, а нужно золото... И мы его берем там, где легче достать. А когда понадобится, мы достанем его везде: и сверху, и снизу!..

Между тем мы продолжаем свой путь, и Оротукан остается в стороне. Дорога идет в гору на перевал. Горная тропа извилиста и трудна. Лошади осторожно обходят сопку по краю косогора. Эта узенькая, трудно проходимая тропка — центральный путь, по которому ежедневно доставляют с Оротукана на прииски Торопливый, Таежный и другие провизию на выюках.

С перевала открывается исключительный по красоте вид. Впервые мы увидели Колыму — красавицу реку, стальной лентой разрезающую надвое золотую колымскую землю. Река напоминает Волгу в среднем плесе, где-либо возле Куйбышева или Вольска.

Далеко за Колымой, на левом берегу — таежный пожар. Огненное пламя поднимается высоко вверх.

Дым заволакивает белой пеленой весь горизонт. Пожары в тундре — распространенное явление на Колыме. Торфяная почва, мелкий кустарник, мох, начав гореть, тлеют здесь месяцами и даже годами. Был случай, когда пожар продолжался всю зиму и под снегом: торф тлеет на глубине нескольких метров.

Тушить тундру некому, и пожар выжигает иногда олений мох на тысячи квадратных километров, причиня бедствия тунгусам-оленеводам и заставляя их перекочевывать к нетронутым огнем пастбищам. Именно поэтому тунгусы-охотники и олелеводы с особенной осторожностью относятся к огню в тайге. Они не уходят с места, не потушив костра, а, бросив на землю пепел или спичку, всегда тщательно затапывают их. Это стало уже законом тундры.

Летом 1935 года герой Советского Союза Молоков, пролетавший из Якутии в Уэлен, попал здесь именно в такой пожар, и непроходимые столбы дыма отклонили его в сторону. Он почти сутки проблуждал на гидроплане среди горных хребтов и вынужден был залететь далеко на юг, на побережье Охотского моря. Позже, в Магадане, Молоков рассказывал, что никогда не представлял себе такого количества и такой густоты дыма и что он с большим трудом спасся от этого бедствия.

Вид горящей тундры представлял величественное зрелище. Пораженные им, мы долго стояли на перевале, наблюдая за разгулом огненной стихии. Однако Левантин отнюдь не разделял наших эстетических восторгов.

— Чорт возьми, — ворчал он, — опять фейерверк!.. Дальстрой вовсе не вводит мне в программу пожары. Это — не мое дело, ведь я же золотопромышленник, а не брандмайор. Проклятое болото вечно горит, и я должен его тушить. Вот наши ударники уже едут на пожар.

По левому берегу Колымы, действительно, полз трактор с прицепом, на котором видны были люди. Это ехали рабочие с прииска Торопливого. Дальстрой возложил на свои горные управления обязанность бороться с пожарами. Рабочие приисков окапывают огромные площади, охваченные огнем, и пламя, теряя на пути пищу, гаснет у канав и рвов.

Ярость Левантина понятна. Пожары, как назло, возникают в самое горячее время добычи золота.

— Послушайте, Рабинович, — говорит он, — надо распорядиться, чтобы, когда кончат тушить, рабочие начали рыть в этих местах шурфы. Там может оказаться золото.

По геологическим данным золота в этом районе не предвидится, но Колыма — страна неожиданностей. В северном ее горном районе однажды хоронили приискового рабочего. Когда в месте, отведенном для кладбища, взорвали мерзлую землю и присмотрелись к ней, там обнаружили больше десятка золотников довольно крупных самородков, обозначающих богатое месторождение. Начальник района, показав головой, сказал:

— Придется отвести под кладбище другое место, а здесь начать промывку. Странно: на пригорке — и вдруг золото!..

Вдали на реке виден пароход. Он медленно движется, с трудом преодолевая быстрину. Пароход идет снизу, из бухты Амбарчик, на побережье Ледовитого океана. Он везет грузы, доставленные для Колымы только что пришедшей с Лены экспедицией под командой капитана Бочека. Среди грузов: экскаваторы, тракторы, лебедки, моторы, консервы, печенье, бритвы «жиллет», фотоаппараты и сотни видов других товаров, которые республика Советов посылает далеким Северным путем своему рабочему отряду, работающему над освоением Колымы.

Пароход направляется к расположенной у поселка Запятая пристани. На Запятой — склады Дальстроя, откуда распределяются грузы, полученные из Архангельска, с Лены, с Чукотки. Налево и направо от Запятой — новые пункты: Зырянка, Лабуя, Оротукан, Ягодный, Столбовая, Ларюковая, Спорный, Стрелка. Мало еще кто в стране слышал эти названия, их нет ни на одной географической карте, кроме карт Дальстроя. Между тем, каждый из этих пунктов — небольшой, но культурный центр, а в будущем город. В большинстве из них уже имеются клубы, электростанции и радиостанции, телеграф, телефон, рабочие поселки. А два-три года назад здесь еще бродили медведи и кругом стояла непроходимая тайга. Трудно было обозначить эти места на географической карте. Они настолько далеки и не изучены, что, например, всего три года назад было обнаружено неправильное расположение самой реки Колымы даже на карте Академии наук: река была нанесена на двести километров восточнее ее подлинного расположения.

Кавалькада наша медленно движется по равнине. Здесь — непролазная топь и зыбучие кочки. Лошади осторожно ставят ноги, ощупывают дрожащую почву и все же время от времени проваливаются в болото. Лишь после долгого пути мы, наконец, выбираемся на шоссе. Грузовые и легковые быстро мчащиеся автомобили то летят нам навстречу, то перегоняют нас. Здесь мы сразу чувствуем себя уже на культурной благоустроенной земле. И лошади, почуяв твердую почву под ногами, переходят на крупную рысь.

Еще десяток километров по шоссе, и мы достигли прииска Пятилетка.

В красивой горной долине, у обычного для золотых приисков горного ручья, перед нами развернулся целый индустриальный пейзаж. Пятилетка — один из крупнейших приисков южного горного управления.

Здесь определяются уже контуры механизированной золотой Колымы.

На краю разрезом два экскаватора, вытянувши вперед головы, точно бронтозавры, непрерывно чавкают челюстями... Хриплый гудок, быстрый рокот мотора в будке управления — и экскаватор, с неожиданной легкостью поворачиваясь вокруг своей оси, ковшом вгрызается в скалистую породу. Затем поднимает ковш высоко вверх и, перенеся добрую тонну земли далеко в сторону, вываливает ее под откос, щелкая крышкой.

Один экскаватор заменяет сотню рабочих. Здесь экскаваторами отваливают сверху бесплодные «торфа», добираясь до золотоносных «песков». Золотоносная порода тянется в ширину на несколько десятков метров по берегам реки. Золото в песках видно иногда простым глазом. Смотритель участка показывает мне квадрат в несколько метров диаметром.

— Видите это место? Это наш «Госбанк».

В этом квадрате — везде богатое золото. Встряхнув на руке горсть взрыхленной земли, можно обнаружить на ладони несколько золотых «табличек». Недолго побродив на этом участке, я увидел даже на подошве своих сапог несколько прилипших зерен золота... Но таких участков немного. Так, на соседнем с «Госбанком» участке мы долго наблюдали, как промывальщик мыл в лотке землю. Он промыл десятки лотков и обнаружил лишь несколько микроскопических крупинок золота.

— Позвольте, — невольно удивился я, — да ведь тут, пока намоешь золотник, придется свернуть целую гору земли!

Левантин весело подмигивает.

— Вы рассуждаете, как тот мужик в старом анекдоте, что пришел в свою деревню с золотых приисков на побывку: «Ну, как, — спрашивают его соседи, — трудно золото добывать?» — «Трудно, — отвечает му-

жик, — сто тачек земли отвезешь, одну с золотом привезешь!..»

Левантин показывает мне только что принесенный с большой бутары мешочек с золотом.

— Вот видите, — говорит он, — не один десяток вагонов породы пришлось перемыть, чтобы насыпать этот мешочек!..

Мы идем дальше по прииску. Посередине его тянется длинная, почти в полкилометра, двухколейная рельсовая дорожка, по которой на проволочном тросе быстро катятся вверх к бутаре вагонетки с песками. Добравшись по настилу вверх, вагонетка опрокидывается в бункер и сползает вниз за новой порцией породы.

В бутаре ревет вода. Это настоящий искусственный водопад. Сотни тысяч кубометров воды проплывают за лето через бутару, промывая тысячи тонн земли. Прозрачная, как кристалл, горная вода с яростью набрасывается на грязную глинистую землю, рыча охватывает ее и крутит в бешеном потоке. Она обглаживает и обсасывает породу со всех сторон и волочит вниз по длинному жолобу, выложенному внизу решетками с отверстиями в медный пяточок. Под жолобом лежат чистые войлочные цыновки. С конца бутары спадает мутная желтая вода, уходящая дальше в русло реки. Совершенно прозрачная река после места промывки превращается в глинистый мутный поток и только на несколько километров ниже снова приобретает свою первоначальную чистоту.

Золото вместе с самыми тяжелыми камнями оседает вниз на дно бутары. Струя воды по дну смывает камни и гальку. Тяжелые золотые песчинки прилипают к войлоку цыновок. Они блестят, прекрасно отполированные природой, и только самородки выделяются на золотом фоне темными красноватыми пятнами.

— Неужели удастся таким простым способом уло-

вить все золото? — спрашиваю я начальника прииска Елистратова. — Разве в отвал, куда уходит все это громадное количество промытой земли, не проскакивает золото?

— Конечно, кое-что остается, — отвечает Елистратов. — В отвалах всегда имеется золото, но в сравнительно небольшом количестве. Отвалы допускают, впрочем, также эксплуатацию. Ведь промывать золото считается рентабельным, даже когда его содержится всего несколько сантиграммов на кубометр земли. Тогда пускают в ход драги... А у нас в отвалах довольно солидное количество золота. Но это дело будущего — вторая золотая очередь.

Василий Васильевич Елистратов — один из старых работников Колымы. Рабочий, коммунист, старый работник ЧК, — Елистратов специализировался на научной работе в геологическом институте и стал научно-образованным практиком-геологом. Трудно сказать, впрочем, что больше притягивает Елистратова: наука, золото или любовь к таежным просторам, к борьбе с суровой природой Колымы... Невысокий, худощавый, с бледным лицом неврастеника, Елистратов никак не подходит под стандарт таежных героев. Однако Елистратов — отважный, неутомимый исследователь и путешественник. Мало есть мест на Колыме, которые он не обошел бы на лыжах, пешком, на собаках или оленях... Скупно, как бы нехотя, и крайне просто Елистратов рассказывает об экспедициях, каждая из которых могла бы послужить темой для увлекательной повести.

— Пошел, значит, я в Амбарчик из Среднеколымска. Мороз стоит шестьдесят два градуса. Путь приходится самому прокладывать, никакой дороги нет. Поставишь собак на прикол, пройдешь по тайге с километр, вернешься обратно, потом собаки бегут по этой дороге. Скучно, знаете, это, особенно если раз тридцать в день так проделаешь... Однажды заснул у

костра. Проспал часа четыре, чувствую, что ноги у меня какие-то деревянные стали. В кружке оставался чай, — так, знаете, льдом продавило дно; оно из плоского стало полукруглым. Белье мое, фуфайка, торбазы, штаны меховые отсырели и промерзли. Зуб на зуб от мороза не попадает, руки одеревятели. Едва хватило сил нарубить дров и костер разжечь... 23 сентября 1934 года вышел я из Среднеколымска, а 23 февраля пришел обратно. Был в пути ровно пять месяцев и покрыл две тысячи четыреста двадцать четыре километра. Вот и все. Что тут интересного?..

— В Амбарчике вот интересно, — помолчав, продолжает Елистратов. — Там в то время уже океанский пароход «Сучан» стоял, собираясь пойти на Медвежьи острова сменять зимовщиков. Я тоже решил на острова пойти. Меня интересовал вопрос о трансгрессии моря. Мои наблюдения, знаете, показали, что идет завоевание материка, и мне хотелось знать, являются ли Медвежьи острова отторженцами суши, когда-то завоеванной морем, или они самостоятельное образование... Жуткую, знаете, картину представляют собой эти острова!.. Я видел тундру, но такой не видал. Там буквально ничего не растет, кроме лишая на камнях... Идете вы по такому голому острову, ничего нет; темень, лед, ветер такой, что приходится ножом за землю держаться. И вдруг — приходите в совершенно благоустроенное помещение: стандартный дом в двенадцать комнат, прекрасная библиотека, радиостанция, баня, собачьи потяги, — вполне культурно. И живут там одиннадцать советских зимовщиков... В общем, знаете, интересно!..

Между тем, промывка идет полным ходом. После промывки дважды в день с бутар снимаются цыновки. С них аккуратно смывают и стряхивают золото вместе с оставшейся галькой. Эта золотая муть поступает на маленькую промывочную колоду. Старый опыт-

ный промывальщик лезет в колоду. Топчется сапогами в золотой каше и лопаточкой удаляет гальку и грязь. Остаток кладут в железный лоток и сушат на костре. Сухое золотое зерно, наконец, любовно ссыпают в мешочки.

КОЛЫМСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ

Юноша-студент с голубыми глазами и румянцем во всю щеку прочитал реферат о теории относительности Эйнштейна и координатах времени и пространства. Старик-профессор, математик, с европейской известностью восторженно жал ему руку и густо гудел в ухо:

— Очень хорошо, друг мой. Ваше будущее — научная работа... Сейчас вы — астроном-геодезист. Несколько лет углубленной научной работы, — а ведь вы склонны к ней и по вкусам и по привычкам, — и вам обеспечена кафедра. Я предлагаю вам остаться аспирантом в моем отделении.

— Хорошо, — сказал студент, — я подумаю.

На другой день этот студент подписал договор с Геолкомом на должность астронома-геодезиста научной экспедиции, едущей на Колыму. Взмолнованный перспективой поездки в страну, почти целиком представляющую еще белое пятно на карте, он носился по Ленинграду и закупал топографические сумки, рюкзаки, карабины, складные палатки, самосветящиеся компасы и самопишущие ручки.

— Куда ты едешь, — говорили молодому астроному Казанли его доброжелатели. — Ведь ты же будущий ученый. А там, в тайге, ты деквалифицируешься, забудешь все, чему учился, превратишься в рядового работника-ремесленника...

— Ничего, — упрямо отвечал Казанли. — Учиться не обязательно в кабинете. Приобретать знания можно и в тайге. А книги я везу с собой...

В экспедицию, с которой Казанли поехал на Колыму, входили преимущественно молодые исследователи, только сошедшие с учебной скамьи. Возглавляли ее молодые геологи из ленинградского вуза — ныне уже известные исследователи Приарктики — Билибин и Цареградский. Впоследствии к ним присоединился еще их друг, тоже ленинградский студент-геолог Вознесенский. С экспедицией ехали с Алдана разведчики золотоносных районов Раковский, Лунеко, Алехин и другие. Почти все без исключения они выросли впоследствии в выдающихся работников золотой промышленности.

Весь состав экспедиции, вооруженный знаниями и любовью к своему делу, был увлечен идеей исследования огромных неизвестных районов, изобилующих горными богатствами. И вот, пробиваясь на пароходе сквозь неохотно расступающиеся льды, экспедиция в 1928 году впервые увидела суровые горы Колымы. Исследователи высадились на маленькой береговой полосе ольского побережья. Одни древние избы времен первых казацких поселений стояли здесь. А за узкой береговой полосой распростерлась непроходимая тайга, прорезаемая неизвестно куда ведущими звериными тропами.

По вечерам, когда рассеивался туман, над тайгой загорались большие неподвижные звезды — единственные ориентиры, по которым можно было намечать астропункты и набрасывать на карту направление. Вообще Колымский край в масштабе птичьего полета давно уже наносился на карту. Географический контур этой страны рисовали еще политэмигранты Черский, Тан-Богораз и другие. Академия наук по отрывочным их данным наметила карту течения некоторых колымских рек. Однако почти каждая проверка на месте об-

наруживала большую неточность этих наметок. А пока толком неизвестно было, куда и как двигаться, какие выбрать пути, чтоб пробраться к крупнейшим водным артериям Колымы.

При таких обстоятельствах двадцать пять молодых участников экспедиции начали возле Олы разрабатывать генеральный план исследований золотоносного края. Билибин и Цареградский, с исключительной для своего еще небольшого опыта научной прозорливостью, сводили воедино разрозненные сведения, намечая первоначальный вариант движения экспедиции. Сведениями приходилось пользоваться местными, подчас совершенно сомнительными и фантастичными. Но и такие доставались не без труда. Возле Олы жил, например, старый приискатель Гайфулин — друг легендарного Бориски, открывшего золото на Колыме. Этот осторожный и хитрый хищник, сам втайне надеявшийся добраться до золота, либо ни слова не говорил о нем, либо указывал ложные пути. Приходили в экспедицию и искренне желавшие помочь ей старатели. Но сведения их оказывались зачастую ошибочными или просто невежественными. Так, старый казак-охотник Попов нашел вместо золота сернистый минерал пирит, похожий на золото. Выйдя по его указаниям, геологическая группа экспедиции лишь даром потратила время на бесплодные поиски.

Пока до начала общего похода члены экспедиции читали книги и бродили по берегу с ружьями, охотясь на чаек и зайцев. Астроном Казанли определял астропункты и, вместе с товарищами, десятками наносил на карты новые названия сопок, хребтов, ручьев, рек и долин. Фантазии молодых географов здесь давался широкий простор, ибо эта земля представляла собой еще девственную целину, которую предстояло всю подвергнуть географическим «октябринам». Вся экспедиция упражнялась в придумывании подходящих наз-

ваний для новых географических объектов, а таких названий требовался поистине неограниченный запас.

Для похода экспедиции нужны были, прежде всего, средства передвижения и хорошие проводники. Неподалеку от Олы проживал в селении Гадлю столетний якут Килланах — знаменитый путешественник, неоднократно прошедший Колымский край от Якутска до Охотского моря и от Охотска до Северного ледовитого океана. Но Килланах был стар и плохо видел, он не мог уже больше ходить по тайге. Вместо себя он порекомендовал геологам своего ученика — якута Макара Медова, столь же неутомимого путешественника. Медов сам, по памяти, составлял карты маршрутов. Карты эти противоречили всем принципам картографии и напоминали примитивные схемы, составленные в XVI веке первыми исследователями Сибири и Дальнего Востока. Но и в таком виде они давали некоторую, хотя бы условную ориентировку.

Хуже обстояло дело с транспортом. Ездовых оленей и собак у местных жителей хватало только на их собственные нужды. Тогда Раковский сам взялся обучать необъезженных оленей. Олени долго не поддавались никакой выучке. Стоило их только привязать постромками к нартам, как они срывались с места и бешено скакали через наледи, пригорки, рвы и ямы до тех пор, пока не выворачивали седоков в сугробы и сами не выбивались из сил. Но упорно добиваясь своего, Раковский все же обучил вскоре тридцать оленей всем правилам культурной езды.

Собачье хозяйство взялись организовать Казанли и флегматичный техник Гудименко, выдавший себя за специалиста по собачьей езде. Действительно, он с неожиданным умением хватал собак за шиворот, привязывал к нартам и свирепо кричал на них, как заправский каюр: «Тах, тах!» и «хук, хук»!

— Им, собачьим детям, — утверждал техник, — ничего не треба, кроме доброй палки.

Помахивая толстым березовым «остолом», он убеждал Казанли садиться в нарту без всякого страха и опасения. Но при первой же попытке отъехать от стана на несколько километров потяг из четырнадцати собак сбился в кучу и поднял невообразимую грызню. Гудименко, размахивая «остолом», храбро кинулся в самый центр собачьей свалки и исчез в ней. Собаки, оставив друг друга, всем скопом набросились на злосчастного «каюра». С большим трудом Гудименко выбрался из-под собак, оставив в свалке часть своего полушубка. Как оказалось, одной «доброй палкой» вопрос не решался. Лишь после долгой, кропотливой тренировки удалось, наконец, объездить и собак.

Теперь, пользуясь собственным транспортом, Раковский отправился в тунгусские стойбища, закупил там продукты и наметил ориентировочные маршруты. Имелись два варианта: плыть к реке Колыме либо по Бахапче, либо по Буюнде. Оба варианта, впрочем, не были достоверно изучены, не было известно даже, проходимы ли эти реки. Местные жители говорили, что по Бахапче двигаться нельзя, так как в низовьях ее огромные пороги, через которые трудно проплыть даже на плотах. Но так как Бахапча была все же полноводной рекой, не пересыхающей до осени, экспедиция решила попытаться выплыть к Колыме по ней.

Вначале двинулась часть экспедиции во главе с Билибиным и Раковским. Цареградский и Казанли остались на побережье, чтобы вскоре тоже двинуться по их пути. Билибин и Раковский добрались до Мольтана и оттуда двинулись вниз по Бахапче. Они взяли с собой любимицу всей экспедиции — собаку Демку, хорошего, привезенного с материка сеттера.

Цареградский и Казанли тем временем готовили на побережье к выходу вторую часть экспедиции. Серьезность похода была вполне ясна им. От Билибина и Раковского не было еще никаких сведений, но, однако, вскоре и они все вышли в тайгу по Мольтану на соединение с первой партией.

Уже вблизи Мольтана, в тайге, Цареградский и Казанли услышали однажды хриплый звериный лай. Затем вскоре из зарослей к ним выбежало четвероногое одичавшее существо с торчащей дыбом шерстью. Они с трудом узнали в нем собаку Демку. Эта встреча внушила путникам невольные опасения. Никак нельзя было предполагать, что Демка добровольно покинул партию Билибина и Раковского, — видимо, с экспедицией что-нибудь случилось. И лишь впоследствии, когда обе части экспедиции благополучно встретились, Казанли узнал, что Демка отстал от плотов своих хозяев. Плутая в прибрежных кустарниках, он в течение нескольких недель бежал по следу за плывущими, но не смог их догнать. Проблуждав так месяца полтора в тайге, одичалый, облезлый Демка, движимый собачьим своим чутьем, кинулся в сторону и дошел до партии, которую вели Цареградский и Казанли.

Осенью, после нескольких месяцев путешествия, Казанли и Цареградский вышли, наконец, на Колыму в том месте, где сейчас находится пристань Дальстроя Запятая. Так окрестила это место ранее прошедшая его партия Билибина. Приняв неизвестный ручей за речку Средникан и решив сначала разбить здесь базу экспедиции, место назвали «Точкой», но так как пришлось плыть дальше, то «Точку» переименовали в «Запятую». С таким названием она и осталась на географической карте.

Добравшись до Колымы, Цареградский и Казанли вздохнули с облегчением. Здесь они получили первую

счастливую весть о своих товарищах. На крупной лиственнице у самого берега реки они увидели выведенную химическим карандашом на обнаженном от коры стволе надпись — радостную, таежную «телеграмму». Билибин написал на дереве:

«Уважаемый Сергей Владимирович!

Я сплавился по Бахапче. По этой реке будет большой сплав грузов. Прошу определить астрономические пункты.

Б. А. Билибин».

К удивлению Цареградского и Казанли, под этой надписью, на том же стволе была еще вторая затесь с более свежей надписью:

«Уважаемый Юрий Александрович!

Проплыл на легкой лодке один, без астронома. Ближайший пункт — устье Таскана.

С приветом С. В. Обручев».

Эту своеобразную таежную переписку следует дополнительно пояснить. Дело в том, что сплав по Бахапче являлся для Билибина своего рода делом чести. Он не мог допустить даже и мысли о неправильном планировании и провале своих прогнозов по этому вопросу. В случае провала прямо была бы уязвлена его честь, так как экспедиция его проводилась одновременно с такой же экспедицией, руководимой известным геологом Обручевым, направлявшимся на Колыму со стороны Якутска. Шло, таким образом, соревнование двух молодых ученых по вопросу о том, кто правильнее и лучше нанесет на карту древнюю Колыму, откроет ее богатства и найдет пути к ним. Документы же на лиственнице свидетельствовали о том, что оба исследователя не теряли времени даром и достигали успеха.

Астрономические пункты, о которых писал Билибин, определил и занес на карту Казанли. Обе группы экспедиции сошлись вскоре на реке Колыме. Здесь

Билибин разработал и написал известный свой отчет, положенный в основу разработки колымских богатств. Это был блестящий проспект, в котором молодой ученый талантливо раскрыл картину распространения колымского золота на территории, равной территориям Аляски и Калифорнии.

Столь же продуктивно, энергично и неутомимо работали Казанли, Цареградский, Раковский и другие участники экспедиции. Разбившись на небольшие группы, они планомерно исследовали десятки золотоносных ключей. Они нашли много богатых районов, в которых и до сих пор идут золотоносные разработки Дальстроя. Да и вся золотоносная карта Колымы, на основе которой работают сейчас горные управления Дальстроя, в основном, намечена была этой и другими экспедициями, в которых участвовали те же исследователи.

Многие тысячи километров были пройдены для этого участниками экспедиции. На Колыме километры называют иногда в шутку «колыметры». Очень характерна эта многозначительная шутка. В этом краю с его былым бездорожьем километры подчас поистине превращались в бесконечные «колыметры». Раз начавши ходить, колымские энтузиасты, открыватели края, долго затем не оставляют этого деятельного занятия. Так, например, — несколько забегая вперед, — можно сказать, что Цареградский, Вознесенский, Казанли, Раковский и многие другие геологи и разведчики Дальстроя, начавшие ходить по Колыме девять лет назад, и по сей день не прекратили своих научно-исследовательских передвижений. Часто передвижения эти были связаны с большими трудностями и опасными эпизодами. Однажды Казанли двигался по своему маршруту вдвоем с врачом экспедиции. Отклонившись по свежему следу медведя в сторону, путешественники заблудились в горах. Пройдя не-

сколько километров на юг, они достигли непроходимой тайги, на месте которой теперь раскинулся порт Нагаево. Здесь обессиленный тяжелым путем врач нечаянно слетел с высокой скалы в море. Казанли, рискуя собственной жизнью, едва спас его от неминуемой гибели.

Но край был неиссякаемо богат — и никакие трудности не останавливали молодых энтузиастов в упорных поисках этих богатств.

В 1930 году к участникам первой экспедиции Геолкома присоединился еще один ленинградец, геолог Вознесенский. Он зимой пробрался на реку Колыму таким путем, на который мало кто отваживался riskовать. Купив потяг собак, Вознесенский один, без каюра, руководясь только компасом, двинулся по тайге за шестьсот километров по неизвестным местам. Это был редкий в истории Колымы случай, когда прибывший с материка новичок в одиночку, на собаках пересек все огромное расстояние от побережья Охотского моря до реки Колымы. Здесь Вознесенский и присоединился к участникам первой экспедиции.

Можно было бы писать целую книгу о том, что сделано всей этой группой молодых научных работников на Колыме. Их работа — это, в сущности, начало истории развития края. Для самых молодых научных работников Колыма явилась своеобразным вузом, в котором они проходили на практике этапы своей крупнейшей научной работы. Они стойко провели тогда на реке Колыме свои первые три года — три богатых, творческих года.

Вместе с тем, в истории края это еще были тяжелые годы. Цветметзолото, пытавшееся в этот период организовать добычу металла на Колыме, не располагало ни техническими, ни организационными возможностями руководства и помощи экспедиции. Участникам

экспедиции приходилось выходить из всех затруднений собственными силами. Работать было сложно и трудно. Запасы продовольствия были крайне ограничены и пополнялись только охотой и рыбной ловлей. Бесконечные утомительные переходы по тайге в жестокие морозы и неистовую жару истощали силы исследователей; недостаточное питание развивало малокровие, вызывало первые зловещие признаки цынги.

Живой, подвижной Цареградский долго бодрился. Сидя у привальных костров, отбиваясь от тучи гнуса, он пил стакан за стаканом чай и сочинял стихи о капитанах — победителях полюса. Но один за другим у него расшатывались зубы и отекали ноги, сдавленные тяжелыми сапогами. Румяный Казанли также бледнел с каждым днем. Его одолевала сонливость, все труднее становилось вычислять формулы и координаты Гаусса и определять эклиптику звезд. Лишь один Раковский — человек необыкновенной энергии, настоящий индейский следопыт, лучший ходок Колымы — не сдавался. Он все дальше углублялся в дебри Заколымья, открывая все новые золотоносные районы.

Но в это время к участникам экспедиции пришло подкрепление, сразу поставившее их на ноги и неизмеримо расширившее горизонт работы. Осуществляя решения партии и правительства об освоении Колымы, в край приехали работники вновь организованного треста Дальстрой. Из бухты Нагаево на далекие прииски доставили продовольствие, припасы, инструмент, патроны. Работа быстро вошла в русло системы и плановости и получила огромный размах.

Это было уже в марте 1932 года. В этом году Казанли заболел цынгой. Ему грозила гибель: ближайший врачебный пункт помещался на устье Утиной, в сотне километров от Оротукана, где работал тогда Казанли. Больного в жару и бреду повез на Утиную тунгус на оленях. В дороге нарта Казанли переверну-

лась, и он упал в снег. След быстро замело пургой, и нарта прибыла в устье Утиной без больного.

Раковский, находившийся тогда на Утиной, увидев пустую нарту, немедленно бросился на розыски Казанли и застал его в снегу уже замерзавшим. Больного привезли в Магадан и оттуда заставили уехать на материк, чтобы оправиться от цынги. Казанли поехал в Донбасс. Здоровый его организм за несколько месяцев совершенно выправился от всяких последствий цынги. Тотчас же, не успев даже как следует отдохнуть, Казанли засел за учебники, в короткий срок освоив курс маркшейдерии, написал на эту тему книгу и немедленно снова вернулся на Колыму.

Он живет здесь и сейчас, в этом богатейшем крае, в который девять лет назад направлялся только для геологической «прогулки». Казанли работает сейчас главным маркшейдером северного горного управления Дальстроя.

Здесь же работает главным геологом и Вознесенский. Мы сидим в его полузанесенном снегом маленьком домике. Внутри домика — ковры, картины, статуэтки. Старые таежники устраиваются на Колыме надолго и привозят с «материки» предметы удобств и комфорта, украшающие жизнь. Вознесенский, весело улыбаясь, говорит мне:

— Стал вот кабинетным работником. Ничего не поделаешь, старею... Ходить по тайге хорошо только до сорока лет. К этому возрасту и ноги уже не так сгибаются, и сердце уже не так работает.

— А вы хороший ходок? — интересуюсь я.

— Так себе, — скромно отвечает Вознесенский. — Цареградский лучше меня ходит. А лучше всех — Раковский. Этот до шестидесяти лет проходит. Мне за ним не угнаться, уже — старик...

— Какой он старик! — смеется начальник золотоносного района и, обращаясь ко мне, говорит: «Пой-

демте, вот я вам покажу настоящего колымского старика!..»

Мы одеваемся и выходим наружу из теплого уютного домика. Пурга. Поселок Хаттынах погружен в кипящее белое снежное месиво. Мы идем по улицам поселка, ориентируясь на пение и веселый гам, доносящиеся откуда-то сквозь пургу.

— Это наши геологи развлекаются, — кричит мне в ухо начальник района, крепко держа меня за руку.

Мы идем на звуки патефона, играющего какой-то развеселый джаз, и вскоре вваливаемся в большую комнату, полную хохочущей молодежи. Дирижирует общим весельем совсем молодой человек с голубыми глазами. Он кричит:

— Сеанс изучения языков продолжается! По-польски «Камо грядеши», автор Генрих Сенкевич. Переведите на якутский.

— «Ханабарда», — отвечает экзаменуемый.

Его перевод сопровождается оглушительным хохотом.

— По-китайски! — кричит молодой человек.

— Шина-чио, куда ваша ходи!

Снова взрыв хохота...

— Познакомьтесь, — говорит начальник района, — это колымский «старик» — Казанли.

РАЗВЕДЧИК РАКОВСКИЙ

В 1930 году в Ленинградском геологическом комитете обсуждался отчет первой геологической экспедиции Билибина, направленной Геолкомом на Колыму. При постановке подобных вопросов в выступлениях часто фигурировали сообщения об открытых районах, о координатах пространств, о новых пунктах, нанесенных на карты, о геологической и морфологической структуре новых районов. Но особый характер получило обсуждение этого отчета. В середине обмена мнений выступил еще совсем молодой человек с энергичным римским профилем и подвижными карими глазами. Его речь сразу захватила всю аудиторию. Он сообщал об изобилующих огромными горными богатствами районах, названия которых впервые звучали в географии. Он десятками перечислял перед взволнованной аудиторией никогда не слыханные ранее новые реки, горные хребты, долины, острова и территории. Он указывал места расположения золота, олова, дорогих минералов и столь необходимых стране полиметаллов.

Сама по себе речь молодого человека была повестью о героизме энтузиастов науки, молодых советских специалистов, пришедших со скамьи вузов в необозримые пустыни Приарктики и покоривших их, не-

смотря на шестидесятиградусные морозы, бураны, пургу, бездорожье.

Речь говорившего была тем более увлекательна и захватывающа, что сам он являлся участником замечательного похода этих энтузиастов — первой геологической экспедиции 1928 года на Колыму. Это был разведчик экспедиции Сергей Дмитриевич Раковский — ныне один из самых популярных людей на Колыме.

Сейчас Раковскому уже под сорок лет, из них пятнадцать лет он ходит по тайге. Еще будучи студентом иркутского вуза, Раковский однажды ушел во время каникул на золото и с тех пор больше не покидал этого трудного, но увлекательного занятия.

В 1924 году на Алдане кипела золотая горячка, будоражил многие сердца знаменитый прииск «Незаметный». Раковский один из первых пришел на этот прииск вместе с Бертиным, Мирским и другими, известными сейчас практиками золотой промышленности Союза.

Золото на Незаметном, как известно, было «бешеное». Сдавать его было некому: государственные организации еще не дошли до этого малодоступного таежного Эльдорадо, чтобы организовать там разработку и прием добычи. Только контрабандисты-китайцы ухитрялись протаскивать сквозь непроходимые болота и таежную чащу продовольствие и спирт и вели бойкую торговлю, меняя чашку спирта на чашку золота. Потом намытое золото рекой расточалось в Иркутске со свойственными хищникам легкостью, риском и азартом.

Раковский уже тогда отличался от рядового старателя-разведчика. Его интересовали, прежде всего, географические и геологические данные золотоносных районов, он вел записи, чертил карты и указывал государственным организациям новые золотоносные площади и перспективные ориентировочные районы.

В 1927 году по Сибири впервые разнеслись слухи о Колыме. Слухи эти были крайне неконкретны; никто толком не знал, есть ли в этом крае золото. Но говорили, что некий татарин Гайфулин, по прозвищу Бориска, наткнулся где-то на реке Колыме на богатые россыпи. Говорили, что орочи отливают там из золота охотничьи пули и что дальневосточные старатели уже отправились в старые казацкие остроги — Олу и Тауйск, пытаясь проникнуть оттуда зимой на собаках и лыжах к бассейну реки Колымы.

Сведения о колымском золоте достигли и центра. Тогда Ленинградский геолком формирует и направляет на Колыму первую серьезную геологическую экспедицию, чтобы прощупать этот край и собрать воедино отрывочные данные всех старых и новых сообщений о Колыме, какие поступали от казаков, аборигенов побережья, американских моряков и русских хищников-старателей.

Раковский одним из первых вступает в эту экспедицию под руководством Билибина и появляется в 1928 году на охотском побережье в своей неизменной кожаной куртке и с тяжелым рюкзаком за спиной. Но это был уже не прежний азартный охотник за золотом, смельчак-«землепроходец» и таежный бродяга. Это был молодой научный работник, обогащенный годами практической работы на золоте, человек, полный отваги в борьбе с таежной стихией, и вместе с тем полный систематического упорства, крайней осторожности и предусмотрительности.

Со многими и самыми разнообразными трудностями была сопряжена работа этой экспедиции. Молодым советским энтузиастам-ученым приходилось бороться и с природной стихией, и с вековым бездорожьём нового края, и со многим другим, что стояло на пути его освоения. К сожалению, в очень немногих документах были хотя бы частично зафиксированы обстоя-

тельства этой героической борьбы. И естественно, что особую, исключительную ценность представляют эти немногие документы. Такую ценность, в частности, имеют несколько старых, потрепанных, полуобгоревших книжечек, в которых содержатся дневники Раковского 1928-1929 годов. Просто и сдержанно, в скупых словах раскрывается в них история первого периода освоения Колымы, история первых геологических партий, прошедших по девственной стране, ныне являющейся одной из самых интересных областей нашей великой родины. Вот несколько выдержек из этих дневников:

17 августа 1928 года.

Сидим в Оле. Куда итти? Никто этого не знает. Карт нет. Придумал такой способ, чтобы как-нибудь ориентироваться: беру коробку спичек и даю тунгусу. Он берет спички и кладет их на землю, отсчитывая свои «кесы». Там, где реки сворачивают в сторону, спички тоже идут в сторону. Тунгус кладет столько спичек, сколько «кес» расстояния... Прimitивно, но имеет резон. Особенно хорошо и толково кладет спички Макар Медов, известный якутский проводник, который со стариком Килланахом возил грузы на реку Колыму в 1903 году.

В общем решаем рискнуть плыть по реке Бахапче, притоку Колымы. Правда, тунгусы утверждают, будто бы пороги на Бахапче непроходимы. Но кто не рискует, тот не выигрывает.

30 августа.

Спускаем плот на Бахапчу. Плоты строим из 16 бревен и закрепляем наглухо, на шпонах, чтоб не разбило. Разобьет — пропадем и мы. Охотские и хабаровские старатели, которые ждут зимы, чтобы итти на прииски на собаках и оленях, гогочут и издеваются над нами:

— Эй вы, ученые, не забудьте мешки с собой за-

хватить, чтобы было в чем женам и невестам кости отвезти обратно!..

6 сентября.

Плывем уже неделю по Бахапче. Пустынно, сурово, по бокам у нас гранитные берега. По берегам бродят медведи. Они совершенно не боятся нас. Видимо, не видели человека.

Сели на мель у берега. На островке кто-то возится. Медведь... Приготовились стрелять и видим, что это не медведь, а человек — якут Амосов. Прежде чем начать говорить, он долго заикается, а потом все сразу выпаливает. Я немного знаю по-якутски. Говорит, дальше ехать нельзя: пороги, разобьет обязательно. Советовались, что делать. Ждать зимы — припасы все поедем. Решили рисковать — итти дальше. До реки Колымы осталось километров полтораста.

9 сентября.

Идем через пороги, их видимо-невидимо. «Крестим» их по имени наших рабочих: Ивановский — по имени Алехина, Степановский — по имени Дуракова, Михайловский — по имени Лунеко, Юрьевский — по имени Билибина, Сергиевский — по моему имени. На Сергиевском чуть не погибли. Плот застрял на камнях. Позади несется плот Билибина. Наскочит — расшибемся вдребезги. Начали пилить бревна. Отпилили часть сбоку — плот сдвинулся, пошел дальше.

12 сентября.

Выплыли на Колыму. Красивая река, быстрая, прозрачная, как Ангара. По берегам то и дело впадают в нее притоки. Не можем определить всех. Знаем, что должны быть две большие реки: Таскан и Средникан — место, куда мы должны выплыть. Но какие реки встречаем — неизвестно. По дороге «крестим» их, даем новые названия. Одну реку окрестили Утиной — там много уток было. Другую — Запятой, в честь того, что ошиблись и приняли ее за Средникан.

Встретили второго человека на берегу. Оказалось — это известный охотник, древний старик Лягилев. Убежал от нас, едва догнали его. Стали с ним беседовать, угостили чаем. Он попил чай, собрал остаток угощения в платок и «ча, прощай, тогор». Ни одного слова толком не сказал.

Схема Макара Медова оказалась правильной. Мы ее исправляли по дороге и сделали что-то вроде первой карты Бахапчи и притоков Колымы. Так закончился наш сплав от Мольтана до устья Средникана. Плыли мы 14 дней. До нас никто не плавал здесь, и нас предупреждали, что погибнем.

14 октября.

Тронулись на ключ Безымянный. Цветметзолото хочет организовать на нем работы, пока же приискатели живут собственными силами. Работают на свой риск и страх. Публика неорганизованная — хищники-старатели.

Идем с котомками по талому снегу. Очень трудно идти.

17 октября.

Пришли. Старатели моют золото, жалуются на недостаток его. Одна артель Тюркина работает ничего. Промыли при мне 180 лотков, намыли 165 граммов. Сделал себе лоток и кое-как достал банку для согревания воды.

20 октября.

Днем было 16 градусов. Ночью перевалило за 30. Наблюдал северное сияние средней силы.

Бьем шурфы. Мороз усиливается. Сегодня было 43 градуса. Сделал печь каменную и трубу каменную, топится хорошо, не дымит.

25 октября.

Утром в градуснике замерзла ртуть. Значит выше 40 градусов. Сделал приспособление из разных смесей

спирта и воды для измерения температуры. Действует хорошо.

7 ноября.

Сегодня годовщина Октябрьской революции. Пришел профуполномоченный и пригласил нас, геологов, на собрание. Оно получилось вроде производственного совещания. Обсуждали перспективы и теперешнее состояние работы. Моют не все артели. Тюркин и корейцы моют лучше других.

Мороз 50 градусов. Ночью вокруг луны было сияние. Наверное, к перемене погоды. Хабаровские старатели собираются итти на новое место, туда, где лежит замерзшая лошадь. Думают, что обеспечатся пищей недели на две. Конь лежит верстах в пятидесяти отсюда. Хотят жить там в палатках. Когда съедят коня, пойдут выше по Средникану, — там имеется еще один замерзший конь.

Предложил проект устройства промывалок для промывки проб.

14 ноября.

Сегодня скроил из брезента четыре пары торбазов для рабочих. Морозит все основательней. Промывка золота понижается. Солнца уже не видно, оно освещает только противоположные горы. Вечером замерзла смесь спирта и воды 60 градусов.

20 ноября.

Замерзла смесь воды и спирта 68 градусов. Говорил с Оглобиным (управляющим Цветметзолота) о положении вещей. У всех нас, не исключая первой артели, остается продуктов не более, чем на две недели. Надо итти на Сеймчан за продуктами, но неизвестно, можно ли будет что-либо достать.

4 декабря.

Продуктов у всех, за исключением первой артели, нет. Ходили на охоту, убили всего 16 белок. Хлеб закончили вчера.

Чертеж почвы: растительные торфа, ил с прослойками льда, галька с глинистым песком, тоже с порфировым валуном и щебенкой, глинистые сланцы.

9 декабря.

Утром ушли трое рабочих с печкой и палаткой на охоту, на подножный корм. Сидим с Лунеко голодные. Думаем, как-нибудь просуществоем до приезда Билибина из Сеймчана с продуктами. Хабаровцы завтра принимаются за Собольку (собака). Положение, в общем, незавидное.

10 декабря.

Веду производственное совещание по вопросу об оплате шурфовочных работ. Наша система оплаты никуда не годится. Решили перезаклучить колдоговор. Хабаровцы едят Собольку. Вчера вечером Журавлев с Ксеновым пришли на стан, в контору, и застрелили Белку — собаку, еще осенью приставшую по дороге к транспорту Оглобина. Собольку они съели целиком, от нее осталось на одно варево. Первая артель выругала их за «жадность». «Собак, — отвечают они, — на золотники не развешивают». А в Собольке было фунтов тридцать мяса. Положение начинает напоминать мне Алдан, прииск Незаметный, во время большого голода. Скверно! Почему не едет Билибин? Неужели ничего не достал?

12 декабря.

Пришли наши охотники. Они охотились на реке Таранок. Убили всего 60 белок за три дня. Другой дичи не попадалось. Шестерин и Гончаров, которые не стали есть собак (их тошнит), взяли четверть кожи, хотя ее палить и варить. Корейцы во вторник мыли в последний раз. В общем, положение осложняется. Билибин и Оглобин не возвращаются. Не так-то легко, видно, приводить в исполнение свои намерения. Всегда могут явиться совершенно неожиданные препятствия. Тайга-матушка!

Сегодня съели часть белок, которые достали с крыши. Бросили их туда еще в октябре. Их оказалось пятьдесят штук. Хватит и на завтра, а затем, если ничего не подвезут, придется приниматься за кедровок. Пилил дрова.

13 декабря.

Сегодня утром съели белок, и на ужин осталось штук восемь кедровок и три белки. Наши пришли из Сеймчана и ничего не привезли, кроме двух наших лошадей. Олени всех сеймчанцев погибли, а Жуков ничего не привез из Элекчана. Жуков опять пошел к тунгусам, надеется приобрести у них оленей. Первый раз, когда он ходил к ним, он чуть не погиб от голода и усталости. Если на этот раз ему удастся, он привезет на прииск мяса. Жители Сеймчана живут плохо, голодно, там почти одни старики, остальные охотятся. Живет там одна старуха, чуть ли не времен Екатерины. Хлеба в глаза не видели и просят, когда придет транспорт, дать немного хлеба. Елисей Иванович пошел в Таскан. От Сеймчана не больше двухсот километров. Если доедет, то вернется к последним числам декабря с мясом. Но доедет ли? От нашего ключа до Сеймчана 57 километров.

15 декабря.

Одну нашу лошадь убили и роздали мясо.

Перевел часы на час вперед. Мороз начал сдавать — теперь уже 45 градусов. Ходил по ключу вверх, смотрел капканы и пасти, ничего нет.

17 декабря.

Распределили остатки потрохов между всеми артелями. Себе взяли еще одну голову и ногу. Читал Библину записки сотника казака Попова об открытии где-то в притоках Колымы золота. Нужно снять копии себе. Местоположение не указано, пожалуй, следует полагать, где-то на левом притоке Колымы возле Среднеколымска. Он говорит также о месторождениях слю-

ды и о каком-то необычайно мощном водопаде. Надо будет проверить, но сейчас и думать нечего идти туда. Если не подвезут откуда-нибудь продовольствия, всем нам крышка будет. Брр... делается скучно! Продовольствия осталось на один день, и никаких перспектив.

25 декабря.

Прибежал Сафи Гайфулин и сообщил, что идет из Олы транспорт. Из наших, оказывается, едут Бертин, Белугин и Павличенко. Идет всего 20 нарт продовольствия. Не так уж много. Но скоро должен подъехать якут Александров и другие. В общем, дела налаживаются. Сегодня говорил с Билибиным об организации планомерных разведок и оживлении приисковых работ. Часа в два подъехали наши. Привезли груза немного, но скоро должны подъехать еще два транспорта. Обеспечены недели на три продовольствием!..

Возникает вопрос о постройке базы на Средникане. Строить придется, очевидно, мне. Отправляюсь на постройку после нового года.

30 декабря.

Приходил тунгус Иннокентий, который берется обучать наших оленей по пяти рублей в день. Затем пришел старик Килланах — он принес мне оленью шкуру, очень хорошую. Завтра приедет транспорт Александрова. Но везут все-таки очень мало. Нарты не берут много, нет оленей, собак. Как снабдить такую массу народа! Здесь, в общем, на приисках человек около ста. О чем думает Цветметзолото? Связь никуда не годится. Как развертывать настоящую работу?!

4 января 1929 года.

Выехал на двух нартах на устье Средникана. Приехали Казанли, Мосунов, Горец. Доехали благополучно, потому что с реки Нухи шли с сыновьями якута Александрова.

13 января. Средникан.

Начали углубку шурфов. Отправил Лунеко, Чистя-

кова, Гореца и Павличенко на постройку разведочной базы. Морозы усиливаются снова. Сегодня 52 градуса. Пришел транспорт. Оказывается, на Элекчане ничего нет. Плохо организовано снабжение.

15 января.

Ходил на работу. Принял золото. Работает сейчас 6 артелей. Осматривал с Билибиным место для наших линий. Разведочная база закончена. Ходил по разведочным линиям. Нашли золото в ключе Боязливом. Моем пробы. Золота здесь должно быть много. Добраться только до него трудно в таких условиях. Со снабжением и продовольствием попрежнему скверно. Но надеюсь, что повернем постепенно на лад. Беседовал со своими ребятами. Все бодры и готовы к работе. Эх, дорогу бы сюда, машины, тракторы! Да об этом пока приходится только мечтать!..

Составил табель рабочих и служащих первого района шурфовочной разведки Колымской геологоразведочной экспедиции 1928-1929 операционного года. Раковский, Алехин, Дураков, Лунеко, Чистяков, Белугин, Павличенко, Мосунов, Горец... Ребята крепкие! Работа пойдет!..»

Мечты Раковского уже более чем осуществились. Ола — Средникан, Сеймчан, Таскан, Хаттынах, Верхнеколымск, Индигирка... На протяжении этих районов, занимающих территорию немногим меньшую, чем территория Японии, Германии и Франции, вместе взятых, — Раковский знает каждую тропку, каждый изгиб горного ручейка, каждую сопку. Им открыты богатые месторождения золота, в которых Дальстрой сейчас производит работы. В местах, где Раковский пешком пробивался сквозь бурелом и тайгу, теперь режут пространство пятитонные грузовики ярославского завода, а среди зыблущихся таежных торфов гремят взрывы аммонала и лязгают челюсти экскаваторов. На огромном протяжении тайга обжита, фары автомашин разго-

няют мрак приарктических ночей, свет электрических огней заменяет теперь исследователям ориентиры звезд. В почти еще неизвестных географии районах выстроены удобные лаборатории и кабинеты для геологов и ученых, и подытоживается богатейший опыт работы Дальстроя и всей его армии геологов.

На Колыме ценят смелых и мужественных людей. Здесь с увлечением читают Джека Лондона, воспевавшего отвагу и стойкость его героев, боровшихся со стихиями севера. В верховьях Колымы имеется чудесное озеро в горах, которое называется даже озером Джека Лондона.

Но снежные равнины Колымы куда обширнее, чем долины Аляски! Морозы Средникана, Сеймчана и Хаттынаха на добрый десяток градусов сильнее морозов Клондайка; и тунгусские юрты в пространствах Колымы разбросаны куда реже, чем индейские поселения в Юконе, и многие из пионеров Колымы прошли на собаках, оленях и лыжах во много раз больше и с большими трудностями, чем прославленные герои Лондона. Прошли при этом не в хищнической погоне за счастьем и золотом, а просто и мужественно выполняя задачи, поставленные перед ними социалистической страной.

На Колыме поэтому рассказами о личном мужестве и крепкой воле особенно никого не удивишь. Однако и здесь имя Сергея Дмитриевича Раковского пользуется большой любовью и уважением. Сергей Раковский в известной степени стал символом, воплощающим в себе романтику и героизм первых лет освоения Колымы. Он один из первых неутомимых «следопытов» и «землепроходцев» Советской республики, прошедших колымский таежный лабиринт и добравшихся до самых глубин золотой сокровищницы Колымы.

Вот он идет по улицам колымской столицы — Магадана — в своей неизменной кожаной тужурке, длин-

ных оленьих торбазах, эластично ступая по снегу и слегка наклонившись вперед. Сгибается Раковский неспроста: это старая привычка, своего рода профессиональное свойство лучшего ходока Колымы. Это результат многолетнего хождения по тайге и звериным тропам, с весящим добрый десяток килограммов рюкзаком на спине. Раковский никогда не выходит в путь без дорожного мешка. Кроме необходимых припасов, компаса, патронов, там лежит всегда подарок для какого-нибудь друга — бутылка хорошего вина, коробка шоколада, консервы. Из друзей же Раковского состоит вся таежная Колыма. Как, придя за сотню километров в палатку друга, не угостить его чем-либо вкусным, и что стоит ему протащить лишних сто-две-сти километров несколько килограммов груза!

Однажды к самому Раковскому в таежную палатку пришли его старые друзья. Сели пить чай и «кепсевать». Кто-то выразил сожаление, что к чаю нет коньяку: с мороза хорошо было бы выпить рюмку!

— Сейчас, — сказал Раковский, — коньяк есть. Принесу. Он вышел из палатки. Гости ждали, полагая, что коньяк где-либо у соседей. Но вот прошел час-другой, а Раковский не возвращался. Гости забеспокоились, пошли на розыски. И вскоре увидели Раковского, быстро мчавшегося из тайги на лыжах. Оказалось, что он ходил за угощением за двадцать километров в стан.

Беспрестанные хождения по тайге стали привычкой Раковского, его повседневной, пожизненной практикой. Ему, пожалуй, было бы душно в стенах кабинета. Свет зеленой лампы не мог бы заменить этому страстному «землепроходцу» света полярной звезды, ярко горящей среди безмолвия снегов. Он идет все дальше и дальше вглубь по бесконечной Колыме, продвигаясь к ее низовьям, к Ледовитому океану, к восточной тундре, к низовьям Индигирки. В 1936 году Раковский снова руководил новой крупной разведкой

Дальстроя. Это была научная экспедиция, снабженная большим техническим снаряжением, инструментами и материалами. Она не только исследовала новые места, но и осваивала их, прокладывала к ним дороги и строила поселки.

Один из летчиков Дальстроя вернулся с большого облета Колымы, длившегося вплоть до самого Ледовитого океана. Он восторженно рассказывал о базе экспедиции Раковского в недавно выстроенном поселке — Оройке.

— Вы знаете, — кричал летчик, — Сергей Дмитриевич выстроил там целый городок! Просто трудно поверить, что в такой дали и в такой короткий срок можно все это построить. Домики все новенькие, вытянуты в шеренгу, между ними улица, обсаженная деревьями. В поселке прекрасная столовая, радиостанция, электростанция, клуб. Огороды свои развели, — летом питались своими собственными овощами, пересадили из тайги ягодные кустарники — черную смородину, малину дикую, шиповник, варенье варят. Красота!.. И ведь где все это оборудовали? В неслыханной глуши, куда, кроме аэроплана, ни на чем не дойдешь и не доскачешь!..

Летчик, пожалуй, ошибался. Вряд ли в природе существует такое место, куда бы не мог дойти лучший ходок Колымы Сергей Дмитриевич Раковский.

НОВАЯ ОЛА

В 1594 году русские казаки — остатки войск Ермака — пошли в поход к берегам Чукотки, Анадырю, Камчатке и далекому Охотскому морю. Отряды казаков Павлуцкого и Алмазова основали на охотском побережье ряд крепостей-острогов: Гижигинский, Ямский, Охотский и Тауйский. В конце XVII века возник и Ольский острог — нынешняя Ола. В то время в нем жили тунгусы могучих и многочисленных Уяганского и Девянского родов. Насчитывалось тунгусов на побережье около семидесяти тысяч.

Ола или «олра» по-тунгусски значит — рыба. Это название неслучайно: берега Олы кишат рыбой. Весной и осенью рыбу здесь можно было брать ведрами, черпая ее прямо с берегов маленьких речек, в которые кета и горбуша заходят с моря метать икру. Пушной зверь также ходил под Олой стаями. Ловились здесь тогда выдра, бобер, соболь, горностай, лисица — огневка, сиводушка. Привлекаемые этими богатствами царские казаки из острогов совершали свои хищнические набеги. Они облагали тунгусов и другие северные народности ясаком, отбирали у них пушнину и рыбу. Тунгусы и коряки вели непрерывные битвы с казаками. Коряцкий эпос особенно отразил эти битвы

с Павлуцким. Павлуцкий истребил почти всех коряков и сам был убит позже в сражении с чукчами.

Разбойничья экспансия на север времен Грозного и Алексея Михайловича приостановилась в годы мертвого царствования Николая Палкина и Аракчеева. Двести лет в Оле царила почти могильная тишина. Она продолжалась вплоть до Великой Октябрьской революции. В 1917 году в Оле был создан ревком, власть перешла в руки большевиков. В стране бушевала гражданская война. Подобно многим другим окраинам страны, далекая Ола стала объектом грабительских притязаний белогвардейских банд.

Недалеко от Олы, по дороге в якутский колхоз Гадлю, у его околицы находится глубокий овраг. Над оврагом и сейчас стоит большой покосившийся некрашеный крест. Проходя мимо этого оврага, жители Олы еще до сих пор со страхом озираются на крест и сворачивают с дороги в сторону: крест этот — живая память о пресловутой «бочкаревщине», всколыхнувшей охотское побережье в 1921 году.

Осенью 1921 года к Оле пристали два парохода — «Кишинев» и «Свирь». С пароходов высыпали на берег люди в черных офицерских мундирах, украшенных нашивками из черепа и кости. Это была разбойничья «армия» есаула Бочкарева. Он пришел со своим отрядом из Охотска. Там небольшая группа партизан под командованием Каландарашвили, после стычки с бандами генерала Пепеляева и Бочкарева, отступила на юг, в тайгу. Пепеляев пошел по Якутскому тракту, а Бочкарев кинулся вверх к Камчатке.

В Оле бочкаревцы захватили почту, земскую управу, милицию и провозгласили белогвардейскую власть. Они расстреляли несколько человек по подозрению в большевизме и торжественно водрузили царский флаг. Вечером бандиты собрались в доме купца Соловья и, по своему обыкновению, открыли дикий кутеж.

Утром в здании земской управы были собраны жители Олы. Пьяный, всклокоченный Бочкарев стоял у трибуны и держал речь:

— Граждане Олы, — говорил он, помахивая нагайкой, — и вы, господа тунгусские старосты, представители славного обдорского рода! Царство большевиков кончилось, мы принесли вам спокойствие и порядок. Нас много. Генерал Пепеляев пошел на Якутск и поднимает на борьбу с большевиками народы севера. Мы отсюда развернем наступление на красную Москву... Здесь будет тунгусское царство, и андреевский флаг раскинется с севера над Москвой.

В тот же день Бочкарев ограбил Олу, забрал все запасы пушнины, спирта и денег и уехал дальше к Гижиге. «Тунгусское царство» в Оле остался представлять бочкаревский пристав Беренс. Беренс именовал себя генералом — действительным статским советником, носил в петлице орден Владимира с бантами и систематически обирал тунгусов, отправляя награбленную пушнину в Гижигу. Несколько десятков бочкаревцев, составлявших отряд Беренса, пьянством и грабежами наводили ужас на всю Олу.

Весной 1922 года бочкаревское «тунгусское царство» стало распадаться. Бочкаревский отряд в Охотске поднял восстание против своего есаула, сидевшего в Гижиге. Бочкарев реквизировал шхуну американской компании Свенсона и выслал на ней в Охотск отряд наводить порядок. Но как только отряд уехал из Гижиги, в самой Гижиге также началось восстание. Сопратник Бочкарева Петров арестовал есаула и поехал на шхуне «Михаил» для соединения с охотским отрядом.

Подъезжая к Оле, петровцы совершенно перепились, и бочкаревцы из отряда Беренса освободили есаула, а Петрова и его сторонников расстреляли в овраге возле креста — на месте всех расправ Бочкарева с его вра-

гами. Бочкарев снова начал «княжить и владеть» в Оле. Новый этап «тунгусского царства» был отмечен новой полосой неистового пьянства, бандитизма и расстрелов всех подозреваемых в большевизме. Озверелые бочкаревцы буквально каждый день отводили кого-нибудь в страшный овраг с крестом.

Но почва уже горела под ногами Бочкарева. Уже шли слухи, что к Охотску снова движутся отряды Каландарашвили. На Камчатке партизаны вплотную подошли к Петропавловску, где еще хозяйничал уполномоченный есаула Поляков. Тунгусы и камчадалы пробирались таежными тропами к партизанам, двигавшимся к побережью. В ноябре 1922 года Бочкарев вызвал тунгусских старост и спросил:

— Сколько времени нужно, чтобы доехать на собаках в Гижигу?

— В хорошую погоду доедем за десять дней, — ответили старосты, — а в плохую и за двадцать не доедешь.

Бочкарев прищурился и, поигрывая кольцом, сказал:

— Даю четыре дня сроку. Подымите всех на ноги и везите без передышки. Не довезете — всем вам пулю в лоб.

Он захватил с собой самых старых и уважаемых старост в качестве заложников и на двадцати нартах выехал из Олы. Собачий поезд летел с небывалой скоростью. Заранее предупрежденные тунгусы дежурили на остановках со свежими нартами и самыми крепкими собаками. Бочкарев перескакивал с одних нарт на другие и, не отдыхая, летел дальше. Через четыре дня он прискакал в Гижигу.

Но в тот же вечер в Гижигу вошел пулеметный партизанский отряд, двигавшийся с Камчатки. С отрядом шли местные партизаны-тунгусы и камчадалы из Наяхана. Ночью партизаны окружили бочкаревцев.

Бочкаревцы забаррикадировались в избах и отстреливались из пулеметов. Лишь после штыковой атаки партизаны овладели избами. В одной из них они захватили Бочкарева и взяли его живым.

Во время боя погиб начальник партизанского отряда; командование партизанами принял на себя пулеметчик Григорьев. Отправив свой отряд в погоню за бочкаревцами и на соединение с камчатскими партизанами, Григорьев один ушел в Олу и, проникнув в квартиру купца Соловья, где оставался уполномоченный есаула Бавыкин, убил его в перестрелке двумя выстрелами из нагана. В то же время по следам генерала Пепеляева также шли уже отряды Народно-революционной армии и якутские партизаны. Они завершили разгром пепеляевских банд.

Последним охвостом затейного Бочкаревым и Пепеляевым пресловутого «тунгусского царства» была разбойничья банда, составленная из нескольких десятков обманутых туземцев и разбежавшихся по Колыме бочкаревцев и пепеляевцев. Во главе ее стоял тунгусский князек Павел Карамзин, поддерживаемый кулаками и шаманами. Бандиты совершали набеги на советские фактории и поселения по Охотскому морю, пока, наконец, в 1925 году не были окончательно ликвидированы хабаровским отрядом под командой Абрамова. На этом и кончилась история «тунгусского царства» с его «андреевским флагом», под которым бесславный есаул мечтал итти покорять красную Москву.

Далекая, глухая Ола стала советской, она включилась в общую стремительную жизнь расцветающей страны. И за несколько последних лет в ней произошли изменения, совершенно немыслимые и невозможные в условиях прошлых столетий ее существования. Сейчас в Оле большой сельскохозяйственный комбинат и крупный камчадалский колхоз. Комбинат передал это-

му колхозу несколько сотен коров, лошадей, коз, овец и свиней, привезенных на Колыму Дальстроём. Колхозники обеспечены всеми сельскохозяйственными продуктами, материальное благосостояние их таково, что многие из рядовых колхозников имеют дохода свыше пяти тысяч рублей в год. На месте старой полусгнившей Олы возводится теперь новый большой рабочий посёлок. В посёлке установлена уже электростанция, работают клуб и библиотека, имеющая пятнадцать тысяч книг. Колхозники камчадалы и тунгусы учатся в своей национальной школе, многие из них направлены также в советско-колхозную школу в Магадане и в Институт народов Севера в Ленинграде. Председатель колхоза, камчадал Николай Бушуев, лучший охотник на морского зверя в Оле, лаконично, но исчерпывающе определил смысл и значение перемен, происшедших в его родном селении:

— Хорошо живём сейчас. Советская власть поставила нас на ноги.

Бушуев — один из тех, кто под дулом револьвера возил Бочкарева на собачьих упряжках в последнюю поездку по Ямскому тракту. Бушуев хорошо помнит кровавого есаула и до сих пор, отправляясь к бухте на лов морского зверя, сурово смотрит на покосившийся крест у зловещего оврага. За крестом раскинулись широкие владения нового совхоза.

КИЛЛАНАХ — ЖЕЛЕЗНЫЙ СТАРИК

На стенах большой светлой избы председателя Гадлинского сельсовета — портреты Ленина и Сталина. В переднем углу — вырезанный из «Прожектора» снимок парада Красной армии. У входа, на охапке свежего сена, топчется недавно родившийся теленок.

Мы пьем крепкий кирпичный чай с молоком, слегка отдающим рыбой, и говорим со стариком Килланахом — отцом председателя сельсовета.

Килланах высокого роста, атлетически сложен. Его голова покрыта седыми волосами.

Руки Килланаха — огромные, сильные, с узловатыми, необычайно длинными и крепкими пальцами. Четыре пальца левой руки скривлены в сторону. Учитель гадлинского якутского колхоза «Новая жизнь» тов. Притузов, родившийся в Якутии и владеющий якутским языком не хуже, чем родным — русским, — говорил мне, что эти четыре пальца старику некогда отогнули в якутской борьбе.

На-днях, на Николу зимнего, старик Килланах был именинником. Ему исполнилось сто восемь лет от роду.

Высокий могучий человек, сидящий передо мной и в пылу разговора стучащий кулаком по столу так, что самовар на столе подскакивает, родился в эпоху Николая Палкина, когда первые возки с декабристами

отправлялись под конвоем жандармов из Петербурга в Сибирь, в Якутск, на Колыму.

Уже взрослым человеком, будучи ямщиком, Килланах отвозил в ссылку по Якутскому тракту на Вилюйск своего сверстника Н. Г. Чернышевского.

Из начала прошлого века, из тумана истории Килланах пришел в нашу эпоху, в век Ленина и Сталина, сохранив здравый ум, трудоспособность и память.

Странно вести беседу с человеком такого возраста. Невольно смотришь на него как на музейный экспонат, требующий особенной осторожности. Стараюсь проверить возраст Килланаха. При таком количестве прожитых лет десяток-другой может нарасти незаметно. Я задаю разнообразные вопросы, устанавливаю известные мне исторические даты, справляюсь, в случае необходимости, у стариков колхоза. И с удивлением убеждаюсь, что ответы старика исключительно точны, память его необычайна.

— Сколько вам лет?

— Сто восемь.

— Откуда вы знаете, что вам точно сто восемь?

— Когда я был маленьким, мне сказали, сколько мне лет. С тех пор я считаю каждый год.

— Какое сегодня число и день?

Старик быстро встает, достает со стены имеющийся только у него одного в колхозе старинный якутский календарь — дощечку с дырочками — и, переставив палочку в отверстие, отвечает:

— 19 декабря.

И добавляет, посмотрев на палочку:

— Вторник.

Мы продолжаем разговор. Старик рассказывает о советской власти, которая «нам колхоз сделала», о коммунистах, про которых он слышал, но не видел еще в глаза, о Ленине и Сталине.

— Жизнь сейчас много лучше, чем раньше была. Хо-

рошая жизнь! Я ко всем приравнялся. Раньше с богачеев ничего не получишь, разве только обманешь их. Сейчас все открыто. Жизнь честная.

— Сколько у вас детей?

Старик считает:

— Всего было восемнадцать. У меня две жены-якутки были. Сейчас в живых только два сына. Один здесь председатель сельсовета, другой у Дальстроя работает в Магадане.

— Расскажите про свою жизнь, если не устали.

Но старик не обнаруживает никаких признаков утомления. Он рад, что имеет возможность поговорить вволю. Года четыре назад Килланах стал плохо слышать, и с тех пор никто ему никаких новостей не сообщает. Говорит он нервно, энергично жестикулируя, и так быстро, что учитель едва успевает записывать и переводить.

Перед нами разворачивается картина бесконечно долгой трудовой жизни.

У старика сто лет рабочего стажа.

Восьми лет Килланах остался сиротой и с тех пор работает. Первая работа Килланаха — это сбор травы для скопцов, живших в окрестностях г. Якутска. Ребенок рвал целый день траву, собирая ее в мешок, и за это получал полторы копейки в день и кусок хлеба.

Пятнадцати лет от роду Килланах пошел «на золото».

— Золото, — говорит старик, — открыл на Лене тунгус. Ехал на оленях и вытащил из-под копыт золотой самородок, который подарил русскому.

На Лене в это время открылась первая купеческая контора. Платили молодому якуту два рубля в месяц. Одиннадцать лет Килланах работал пожарным в Якутске. Тринадцать лет служил ямщиком, четыре года был кучером у губернатора Осташкова, лет восемь скитал-

ся по скопческим поселениям, выполняя всякие работы, и около полустолетия живет на Колыме.

Рассказ его рисует простую жизнь сильного человека, энергию и смелость которого беспощадно эксплуатировали купцы и богачи. К ним Килланах до сих пор чувствует огненную ненависть. Рассказ его прерывается злыми словами о богатых.

— Стоит богатый, грудь у него вся в золоте, простой человек к нему и подойти не смеет и рассказать не может о том, что у него болит.

Когда Килланаху стукнуло шестьдесят лет, по Якутску прошел слух о необыкновенном старике — железном якуте, по которому время проходит бесследно. Рассказывали о человеке, не знающем поражений в якутской борьбе, о ямщике, который мог прогнать на всем скаку лошадей до Вилюйска.

К старику явился однажды уполномоченный компании Коковина и Басова — крупных промышленников, эксплуатировавших богатства и людей севера. Килланаху предложили пройти на лыжах в Охотск и провести туда груз по неведомым дорогам и рекам. Килланах охотно принял предложение. Он встал на лыжи и пошел по Лене, Алдану и рекам, текущим на восток, — Мае и Юдеме. За зиму старик дошел до Охотска.

Получив здесь тысячу цыбиков чая, старик протащил их двести пятьдесят километров по тайге до реки Юдемы, построил на реке три паузка и погнал их через Юдемские пороги на Маю, или, как называет ее Килланах, Маиту, оттуда на Алдан, на Лену и по Лене в Якутск.

Было это примерно в 1885 году. Сведений об этом замечательном маршруте не имеется, но слухи о том, что через Юдему гнали товары в Якутск, ходили.

— Пороги на Юдеме вполне проходимы, — утверждает старик. — Только внизу на Юдеме есть большая скала. Там опасно.

— Ее надо ломать, рвать порохом, — кричит старик, волнуясь и приподнимаясь над столом, — тогда можно плыть на шхуне до самого Охотска.

— Семь дней тянули вверх по Лене до Якутска, — говорит старик. — Довели до Якутска. Губернатор Осташков сам давал спирт и двадцать рублей денег.

Поход Килланаха, открывшего неизвестный ранее путь сплава от Охотска до Якутска, был удачен. Компания Коковина и Басова пользовалась этим путем три года. Каждый год шел Килланах зимой на лыжах по Алдану до Май, дожидался грузов и провозил их в Якутск.

Слухи о железном старике, гоняющем грузы с охотского побережья до Якутска, шли по всей Якутии. Но сам Килланах ничего не имел.

Замечательное путешествие, которое доставило бы широкую известность путешественнику, дало Килланыху несколько десятков рублей и несколько литров спирта.

Летом Килланах тянул паузки в Якутск. Зимой пил горькую, оставаясь бродягой и нищим.

Однажды Килланаха вызвали в экспедицию якутского губернатора. В канцелярии сидели вице-губернатор и доверенный компании Коковина и Басова.

Килланаха угостили чаем и спиртом. Потом сказали:

— Килланах, есть дело. Нужно пройти от Якутска в Олу на охотском побережье и найти дорогу на реку Колыму, чтобы вести грузы с моря в Среднеколымск. Можешь?

— Могу, — ответил Килланах.

Килланыху предложили подобрать группу якутов, знающих тайгу и рискующих отважиться на трудное дело пройти три тысячи километров по неизвестным на карте местам — по тайге и тундре.

Компании Коковина и Басова эта авантюра сулила громадные доходы.

Путь от Якутска до Среднеколымска, где расположены центры пушного промысла, очень труден. Он идет через недоступный Верхоянский хребет. Да кроме того доставка товаров в самый Якутск слишком дорога и трудна.

Другое дело путь с охотского побережья на Колыму. Здесь всего пятьсот километров до реки Колымы, а доставка товаров к морскому пункту — Оле — не представляет особых трудностей.

Но найти этот путь было подвигом, доступным не каждому. Путь этот требовал нечеловеческих усилий, железной выносливости, отличного знания тайги. Такой человек, как Килланах, мог отважиться на этот подвиг.

Килланах подобрал группу из семи якутов-таежников. В их числе был пятнадцатилетний мальчик Медов, тот известный теперь на Колыме Макар Захарович Медов, который почти пятьдесят лет ходил по тайге и намечал уже в наши дни первоначальный вариант дальстроевской автомобильной трассы.

Вместе с Медовым и Килланахом шли Гавриил Аносов, Макар Захаров, Артемьев и еще несколько якутов, фамилии которых Килланах не помнит. Аносов умер от лишений в Среднеколымске, Артемьев — в Оймеконе, Захаров — в Оле, Медов скончался в 1934 году в колхозе «Новая жизнь», где он жил вместе с Килланахом.

— Совсем молоденьким умер! — вздыхает Килланах. — Шестьдесят два года от роду всего.

— Шли, — вспоминает Килланах, — с Якутска на Сеймчан. В путь отправились за пятнадцать дней до Покрова. Шли осенью пешком. Ехали верхом по тайге. От селения к селению, от кочевья к кочевью. Тунгусы провожали. Иногда шли сами. По солнцу на восток. Записывать ничего не записывали, писать никто не умел, но запоминали все — реки, горы, ручьи.

Человеку, который прожил сто восемь лет и помнит имена, отчества и фамилии людей, умерших полвека назад, который запомнил, сколько копеек жалования он получал сто лет назад, можно поверить, что он был в состоянии составить по памяти карту пути в три тысячи километров.

Экспедиция отважных якутов шла до Сеймчана на реке Колыме сорок дней, оттуда, перевалив через реку, еще сорок дней шли до Олы.

В ноябре Килланах с тремя якутами добрался до побережья Охотского моря, повторив путь казаков-завоевателей Колымы, пришедших в Охотск в 1690 году.

За этот труднейший поход Килланах получал от доверенных компании Коковина и Басова на Колыме Пospelова и Калинкина... пятнадцать рублей в месяц.

— Бедовые деньги! — припоминает старик.

Компания Коковина и Басова времени даром не теряла. Пользуясь неутомимостью и бешеной энергией Килланаха, компания сейчас же начала отправку товаров на Колыму в обмен на пушнину.

Доставленные по новому пути на Сеймчан товары грузили на стоявшие здесь же паузки, и Килланах провожал их в Средне- и Нижнеколымск.

— Двадцать одну зиму тащил я грузы, — говорит Килланах. — Перестали Коковин и Басов посылать их потому, что начали перевозить через Северное море.

Я вспоминаю, что действительно в 1912 году русским правительством была организована экспедиция по Ледовитому океану к устью Колымы. Как и во всех других деталях рассказа, Килланах правдив и точен.

Старик несколько устал. Возбуждение, вызванное в нем воспоминаниями, охватило его всего. Он покраснелся, глаза у него сверкают. Узловатые пальцы сжимаются в кулаки.

Килланах щиплет редкую седую бороду и говорит учителю:

— Скажи, почему у меня борода выпадать стала? Большая борода была, — он показывает на середину груди, — вот такая борода!

И с некоторой грустью добавляет:

— Борода была — сила была.

Все дальше и дальше разворачивается перед нами повесть об этой необычной жизни.

После смерти старой жены Килланаха, оставившей старику пятилетнего сына (нынешнего председателя колхоза), и старшего сына, когда старику было около девяноста лет, работы не стало.

Могучий старик, энергия которого переплавилась в сотни тысяч рублей, полученных компанией предпринимателей, был выброшен за ненадобностью. Пока была в нем нужда, ему платили пятнадцать рублей в месяц и изредка давали бутылку спирта.

Из старика выжали все, что возможно, и выбросили, как старую рухлядь, не дав ему — открывателю неведомых путей — даже подачки в виде нищенской пенсии.

Казалось бы, что старику, прожившему весь век, осталось только поставить точку и закрыть страницы своей жизни. Но Килланах, представляющий собой необыкновенный сгусток человеческой энергии, и не подумал о том, чтобы сдаваться. У него еще сохранились железные руки, неутомимые ноги проводника и охотника, ясный ум и крепкое сердце. Он был полон энергии и жажды жизни.

Килланах выбрал место у реки Олы, в десяти километрах от селения Олы, построил себе избенку и начал новую жизнь.

Старик отдается сельскому хозяйству. Собственными руками он раскорчевывает тайгу, выворачивает деревья вокруг своей избы, намечает и проводит дороги, заводит корову и чуть ли не первым из якутов этого района начинает сажать овощи.

Вокруг него и его семьи скопляются кочевавшие прежде якуты и переселенцы из Сеймчана, Средникана, Таскана, привлеченные в Олу слухами о рыбных богатствах и вольной жизни на побережье.

Они селятся в тайге на расстоянии одного-двух километров друг от друга, строят «балаганы» из кизяка, глины и жердей, шаг за шагом превращают тайгу в сельскохозяйственный район.

Теперь в этом районе организовался богатый якутский колхоз.

Старик вскакивает из-за стола и, потрясая руками, кричит в волнении:

— Я и мои сыны вот этими руками сделали здесь поле, провели дороги. И я счастливый теперь, что общество пользуется моими трудами, а не богатые, у которых грудь в золоте, а сердце в шерсти.

Колхозники, слушающие нашу беседу, молча, с уважением смотрят на Килланаха. Он прав, этот необыкновенный старик. Им всем известна жизнь этого человека, и они верят всему, что он говорит.

Килланах сейчас плохо слышит. Разговаривая с ним, надо кричать, и старик сердится, что в колхозе с ним не разговаривают. Он бранит стариков колхоза:

— Они, старики, лентяи! Они работают плохо. Они даже ленятся мне рассказать, что делается на свете. Они говорят мне чепуху: — вон пробежала черная собака. А что делается на свете я не знаю.

Могучему старику просто непонятно, как могут «молодые» люди — шестидесяти, семидесяти лет — жаловаться на болезни, на старость. Он не верит им, считает их симулянтами, которые просто не хотят как следует работать в колхозе.

Иногда старик подзывает своего сына — председателя сельсовета — и строго его спрашивает:

— Что ты сегодня сделал в колхозе?

Недавно он спросил учителя:

— Когда будут выборы в советы?

Килланах гордится тем, что его сын — председатель сельсовета.

Килланах — член колхоза «Новая жизнь» и имеет трудовни. Летом этого года Килланах в ударном порядке сделал грабли для уборочной и получил от колхоза премию за ударную работу.

Старик выпивает стакан чая и вдруг тихо говорит мне сам ломаным русским языком:

— Я уже скоро старый буду. Уши плохо слышат, глаза плохо видят. Коленки болят. Ты скажи главному коммунисту, начальнику. Пособляй надо Килланыху.

И с хитрецей смотрит на меня, прихлебывая десятый стакан чая.

Прощаясь с Килланыхом, я говорю ему, что государство, наверное, даст ему пособие.

Старик встает и провожает меня до дверей, сердито отталкивая по пути теленка, стоявшего на дороге.

* * *

На другой день, в восемь часов утра, я готовился выехать из колхоза. Килланах уже встал и пилил дрова возле своей избы. До десяти часов он напилил кубометр дров.

В Оле председатель рика сообщил мне, что Килланыху предоставляется персональная пенсия.

УЧИТЕЛЬ ВАРРЕН

Мы едем по берегу быстрой и красивой горной речки Ланковой. Берега реки скалисты и обрывисты.

Я искоса поглядываю на моего кучера — маленького невзрачного человечка, с вздернутым носом, похожим на луковку чеснока, и прозрачными голубыми глазами. Вид его несколько необычен для приполярных широт. На нем овчинный тулуп, подпоясанный лыжным шнурком, валенки, шапка-ушанка. Но из-под раскрытого тулупа виден белый воротничок смятой крахмальной рубашки и черный галстук бабочкой.

Кучера зовут Столяров. Он завклубом, киномеханик, танцор, мандолинист и актер Ольской труппы. Художественные наклонности и заставляют его, очевидно, носить этот, несоответствующий полярной обстановке костюм.

Несмотря на свою мирную внешность, Столяров человек отчаянный. Он не признает никаких дорог и везет напролом, куда глаза глядят. В сани впряжена молодая якутская лошаденка, чуть ли не впервые идущая в упряжке, и кажется, что не кучер управляет лошастью, а наоборот — она кучером. Ежеминутно лошаденка пугается и скачет на льдины, на пеньки, в наледи, и требуется отчаянное усилие, чтобы остановить ее.

Столяров ограничивается тем, что награждает лошаденку самыми несообразными кличками: — тпру, на-

хальный человек! — или — но, но, срывщик промфин-плана!..

Впереди идут две собачьих упряжки с каюрами-тунгусами, но Столяров не желает ехать за ними, а выискивает какие-то окольные пути.

— Ничего, — говорит Столяров, в ответ на мои опасения, — я тут с кинопередвижкой ездил, лучше всякого каюра дорогу знаю, да и нет на Колыме дорог. Шпарь по реке — вот тебе и вся дорога! Сейчас мы, милый человек, — говорит мне Столяров, — доберемся до Бараборки. Часика три осталось. Заедем прямо в интернат, к учителю Варрену. Коньячку захватили? — обеспокоенно вспоминает он.

Я интересуюсь, почему у бараборского учителя такая странная, английская фамилия — Варрен.

Столяров ухмыляется.

— Англичан у нас тут не водится. Обыкновенный камчадал. А фамилии у них всякие бывают. Народ-то, ведь, это смешанный, вроде московской солянки. Но, между прочим, Варрена здесь все знают. На всем охотском побережье, на Камчатке, даже на Чукотке... Он и у чукчей бывал, учительствовал.

— Тпру-тпру, морской зверь! — вдруг отчаянно заорал Столяров, — куда ты скачешь, лахтак облезлый! — Столяров соскочил с саней и начал тянуть коня из наледи направо в лес.

— Что случилось?

— Да тут вот дорога на Бараборку ближе. По реке в обход вдвое дольше. А он прет в наледь.

— Да где тут дорога? — удивляюсь я, тщетно стараясь найти следы хоть какой-либо колеи в непроходимой щетке леса, выстроившейся по берегу реки.

— Вот тут, видите, дерево срубленное. Значит, тут вертать надо. Вы не беспокойтесь, я ведь не впервые, вот в этом самом лесу я как-то заблудился и два дня в снегу ночевал.

Мы въехали в тайгу и пошли напролом, изворачиваясь среди редких лиственниц и покрытых мелким слаником залысин. Темнело все сильнее. Лошаденка натыкалась на пни и стволы и несколько раз вывернула нас в глубокие сугробы снега. Кругом клубился сумрак и без конца расстилалась мелкая низкорослая тайга. Казалось, что мы все время кружимся на одном месте.

И потому, когда неожиданно откуда-то вынырнули огоньки вдали, оба мы порядком обрадовались.

— Бараборка! — весело закричал Столяров.

В лесу стояли юрты, деревянные рубленые избы, олени нарты, большое здание школы-интерната.

Учитель Варрен вышел на крыльцо, радушно встречая нас.

В комнате учителя, похожей на блокгауз, вырубленный из больших лиственничных бревен, было тепло и светло. Маленькая «буржуйка», установленная на ящике с песком, потрескивала, сверкая вишневыми боками. На ней стоял большой жестяной чайник.

За стенкой кто-то напевал приятным женским голоском романс, аккомпанируя на гитаре. Повидимому, этот голосок являлся главной целью визита Столярова. Он немедленно разделся, передал Варрену узел с теплым бельем для детишек, воспитанников интерната, аккуратно расправил свой черный бантик и заявил:

— Ага, Маруся здесь. Я ей, между прочим, кухонную посуду привез алюминиевую.

И исчез.

Как хорошо ворваться с мороза, после долгой езды по тайге в теплую, светлую комнату. Печка излучает «лучи жизни», лампа-молния представляется гениальным изобретением, и даже быстро бегающие по столу тараканы вызывают нежное чувство, точно близкие родственники.

Учитель Варрен уже хлопочет возле печки. Он за-

варивает в чайник сразу осьмушку чая, по тунгусскому обычаю, и сыплет в котелок с кипятком замороженные пельмени.

Я с любопытством смотрю на Варрена. Он около тридцати лет учительствует в самых глухих местах охотского побережья и Ледовитого океана, среди орочей, камчадалов и чукчей. Варрену сорок шесть лет. Он родился в Петропавловске-на-Камчатке. По отцовской линии происходит от индейцев Аляски — метисов. Дедушку — англичанина — звали Варрен, вернее, Уоррен. По материнской линии у него помесь оймяконских тунгусов с казаками из Ямского острога.

С шестнадцати лет Варрен учительствует на Камчатке, на Чукотке, на Алеутских островах, на мысе Лаврентия, в Уэлене. Сейчас он заведует школой-интернатом для тунгусов-кочевников, выстроенной Дальстроем в глуши маяканской тайги.

Мы пьем чай с коньяком и едим пельмени, присланные Варрену женой-фельдшерицей из Олы.

На огонек заходит председатель оленеводческой артели, молодой ороч с типичным скуластым лицом и ослепительными, срезанными в нитку зубами, похожими на рекламу зубной пасты.

Хабаров — кандидат партии. Он только что кончил проработку в комсомольском кружке постановления о перестройке комсомольской работы.

— Что сегодня опять прорабатывали? — спрашивает учитель, — ну, как комсомольцы, понимают? Вопросы задавали?

Хабаров качает головой.

— Усе молчат. Не понимай. Я сам не все понимаю. Варрен разводит руками и вздыхает.

— Был у нас тут комсомольский инструктор из Магадана. Велел «проработать» постановление о перестройке. Но как тут перестройку работы прорабатывать, когда и работы-то почти нет еще. Ведь, народ

прямо из юрты, из тайги. Я наблюдал за ними: политграмоту кое-как улавливают, спрашивают, спорят даже, а вот инструкция о перестройке им никак непонятна. Хабаров переводит, а ребята молчат, словно воды в рот набрали.

Инструктора этого я знаю, он давно на Колыме, но, повидимому, толком не усвоил, как надо заниматься массовой работой. Само собой понятно, что в оленеводческом колхозе, где тунгусы почти не знают русского языка, рано прорабатывать такого рода статьи.

Хабаров выпивает несколько стаканов чая и уходит. Варрен говорит:

— Года два назад он ни слова не знал по-русски, а по-орочски не умел ни читать, ни писать, а теперь вот свободно переводит с листа, читает книги, прекрасно ведет работу в колхозе. Он первый переселился из юрты в рубленую избу. Готовится в партию, хочет учиться в советско-партийной школе в Магадане и оттуда поехать в Ленинград, в Институт народов Севера.

— Сколько моих воспитанников, — улыбается Варрен, — работают сейчас среди своего народа председателями райисполкомов, секретарями сельсоветов, председателями колхозов, инструкторами. Орочи, ведь, очень способные люди, как и вообще коренное население Севера. За тридцать лет я убедился в этом. А ведь до сих пор находятся люди, которые проводят теорию об органической неспособности народов Севера к наукам и культуре.

Правда, надо сказать, что приходится вести большую работу, чтобы уговорить родителей отдавать своих детей в школу. Дети у тунгусов пользуются полной свободой. Их мало, и родители души в них не чают. Не хочет ребенок итти из юрты в интернат — никто не будет неволить. А дети — везде дети. Природа, тайга,

охота, рыбная ловля — конечно, все это привлекает больше, чем букварь и школьная дисциплина.

Зайдешь, бывало, в юрту и начнешь уговаривать отдать ребенка в школу. Старики молчат, жмутся или отвечают: «Зачем тунгусам учиться? Мы, старики, скоро все равно умрем. Если же наши дети пойдут в школу, то потом уедут на материк, останутся там, забудут своих матерей, дедов, сестер и братьев».

Но теперь, конечно, все меняется. И в юрты дошел слух о большевиках и о том, что они принесли на Колыму. Вот недавно мне приходилось беседовать с бригадами наших рыбаков, вернувшихся с рыбного лова на Оле. Спрашиваю я бригадира:

— Ну, как у вас дела, сколько рыбы поймали?

— Мало, — отвечает бригадир, — тысячи две, не больше.

Подошел второй бригадир.

— А ты сколько поймал?

— Сейчас скажу. — Вынимает он из кармана камешки. — Вот мой счет: каждый камешек — это десять штук, а каждая десятка — сто горбуш. У меня в кармане пятьдесят камешков, значит, поймали пять тысяч рыб.

— А если потеряешь несколько камешков, — спрашиваю, — как узнаешь счет? Не будут твои рыбаки знать, сколько рыбы поймали!

Созвали мы общее собрание, я им рассказал про колхозный съезд в Магадане, про то, как постановили там всех детей обязательно учить грамоте. Начали говорить все сразу. Заспорили. Поднялся самый старый ороч, все время молчавший. Он пользуется общим уважением.

Он сказал:

— Мы уже старики, скоро умрем. А молодым надо учиться. Станут они счет знать, будут читать и писать всякие квитанции.

После этого записали в протокол и отдали детей в интернат.

Варрен поставил на стол новый чайник, банку с медом, быстро и ловко, с повадкой охотника-таежника вскрыл большим ножом банку фруктовых консервов и, потирая маленькие нервные руки, оживленно продолжал разговор.

— Люблю свой край — север. Не могу жить у вас в городах. Был один раз в Хабаровске, не мог дожидаться, пока обратно на Чукотку уеду. Чувствовал себя там как-то очень одиноко. Все спешат, торопятся, никому нет дела до другого. Нет, видно, родился я здесь, здесь и умру. А как приятно видеть, что под твоими руками рождается новый человек, как под руками резчика из гладкого моржового клыка выходит статуэтка оленя. Сколько здесь еще работы. Ведь этого мало, что туземцы начали приобщаться к советской культуре. Нужна глубокая перестройка сознания, нужен свет науки.

Вот недавно колхозники из Таскана прислали Дальстрою прошение:

— Слыхали мы, что у вас там попы имеются. Пришлите нам какого-нибудь арестованного бывшего батюшку, а то у нас покойников отпевать некому. Шаманы ушли, пусть хоть батюшка пошаманит.

Варрен развеселился.

— Особенно интересно мне было работать учителем культбазы в чукотском поселении Лорино, возле Лаврентия. Школой у нас была обыкновенная чукотская яранга, которая обогревалась и освещалась нерпичьим жиром, а учеников приходилось вербовать прямо-таки героическими мерами. Влияние шамана и кулаков было тогда очень сильным, и ученики ходили в школу только для вида, чтоб не портить с нами отношений. Хотите, я вам расскажу про праздник кита?

Мы придвинулись поближе к печи, налили себе еще

чая с коньяком, и учитель Варрен начал свой рассказ.

Привожу его целиком, так как нигде не встречал описания этого интересного и своеобразного обычая чукчей.

— Осенью, — начал Варрен, — хозяин моей яранги Чайвельрот пригласил меня принять участие в охоте на кита, появившегося на побережье, у бухты.

На большой байдаре было человек пятнадцать чукчей. На носу сидел здоровый чукча Тмууэ, один из главных владельцев общей байдары.

Приблизившись к киту саженей на пятнадцать, Тмууэ выстрелил из гарпунной пушки и вонзил киту гарпун в левую сторону груди. Гребцы начали отчаянно грести, чтобы подальше отойти от раненого животного, так как разъяренный кит может расшибить хвостом байдару вдребезги. На веревке, привязанной к гарпуну, плавали два «пых-пых» — пустые нерпичьи шкуры, надутые воздухом. Они мешали раненому киту погружаться в воду. Минут через пятнадцать кит обессилел и затих. Его подтащили к берегу и начали всем селением свежевать. В условленном месте вырыли громадную яму, наложили ее доверху китовиной, а сверху завалили костями с позвоночника.

Яму эту не трогали до середины зимы.

Десятого ноября Чайвельрот пришел в школу ко мне и сказал: — Завтра у нас будет праздник кита — «Кересмит-Плитку». Отпусти, пожалуйста, детей на праздник.

— Нельзя этого делать, — сказал я хозяину, — дети — ученики советской школы, они пионеры.

Но тут пришли мои ученики, дети Тмууэ: Таое, Уяткун и Рахтын, здоровый веселый парень лет шестнадцати. Рахтын принес свой пионерский галстук и почти насильно оставил его у меня. Вместо него же он нацепил на голову ремень, украшенный собачьей шерстью, с каким-то шаманским значком спереди. Такие

же значки надели почти все дети. Они заявили, что все равно не пойдут в школу, и будут праздновать. Пришлось их отпустить.

— Почему ты просишь? — спросил я Чайвельрота, — разве ты устраиваешь праздник?

— Нет, — ответил Чайвельрот, — я только участвую, а устраивает Тмууэ. Он самый богатый, он «нут эрем» — «хозяин этой земли», и он главный хозяин байдары, а праздник надо делать потому, что кит был очень сердитый и много работал хвостом. Дух кита может отвести морского зверя и китов от нашего берега.

Праздник кита начался на другой день возле яранги Тмууэ, куда собралось почти все население поселка Лорино, взрослые и дети.

Мой ученик Таое, неся в руках куски китового сала, подошел к берегу, стал на скалу и, трижды прокричав Е о е, — так называется по-чукотски ветер, — бросил в море сало. Жена Тмууэ, в камлейке из оленьих кишек и кокошнике из оленьей шерсти, вынесла из яранги громадный мешок с мелко нарезанной китовой почкой, которую разбросала по снегу. Все чукчи бросились за кусками почки и начали их тут же есть сырыми. Потом все отправились к яме с китовиной, разрыли ее, достали, примерно, пятую часть мяса и разделили его между всеми, отнеся порядочную долю в ярангу Тмууэ.

Вечером начался пир в яранге Тмууэ и многих других. И потом, в течение четырнадцати дней подряд, все время продолжались всякие церемонии, заканчивающиеся вечером бесконечной едой.

Почетные старики, гости, мужчины и женщины, сидели в пологе голые и ели непрерывно. В пологе только и слышно было шлепанье губами и кряхтенье хозяйки, которая едва успевала нарезать мясо. Поедали все до крошки, и только совершенно негодные ча-

сти выбрасывали собакам или перетапливали для огня.

Особенно меня заинтересовали в процессе этой беспощадной еды два старика, родственника Тмууэ. Одно-го звали Мимай, а другого Кеселен. Они сидели в яранге утром, днем, вечером и ночью и ели без конца, с маленькими перерывами. Мимай, тощий и дрожащий от старости, с бессмысленной улыбкой смотрел на все происходящее вокруг и оживлялся только, когда приносили новую порцию еды.

Второй старик, Кеселен, наоборот, придавал большое значение магическим церемониям и активно участвовал в них. Он все время приглашал бить в бубен.

Чайвельрот затягивал песню, мои ученики Таое и Утетку садились на священный камень и начинали стучать в бубен, крича «Е-о-е, Е-о-е!» Женщины раскачивались, держась за ремни, протянутые по стенам яранги. Били в бубен часами, входя все в больший экстаз.

Часа в три ночи обычно ударяли в костяную лопатку, привязанную к яранге. Тогда из отдаленных яранг приходили дети. Их сажали в полог и кормили шарами из мелко рубленого сырого китового мяса, потом поили чаем и оставляли в холодной части яранги.

Я выходил к ним время от времени и уговаривал итти по домам. Дети мерзли, переступали с ноги на ногу, но уйти отказывались, крича мне: «карем!» Таое сказал мне: «Я хочу ходить в школу, но только после праздников». Меня поразило, с каким рвением он выполнял все обряды. Ведь Таое считался пионером и неплохо учился. Его родители живут лучше всех в Лорино. Семья Тмууэ — потомки шамана, у них все атрибуты шаманские, и даже над ярангой висит шаманский значок.

Поздно ночью в ярангу пришел председатель нашего нацсовета Рынтыргин, пошептался с хозяином и сказал мне:

— Сейчас самый праздник — Плитку. В яранге больше быть нельзя. Надо итти домой.

Меня начали уговаривать итти и, наконец, вежливо, но настойчиво вытолкали за дверь. Мне очень хотелось посмотреть конец ночи в яранге. Наруже была пурга, выл ветер. Я сбегал к себе, принес теплые одеяла, завернулся в них и начал из-под низу яранги наблюдать, что там будет.

В полог набилось так много людей, что негде было просунуть палец. Осталось только небольшое место в самом центре яранги, возле священного камня. Гости сидели вплотную, друг возле друга, без всякой одежды. Тмууэ поднялся и сказал:

— Кляуль (человек) будет бить в бубен.

Все замолкли.

На священный камень сел известный чукотский шаман — Теуль. Возле него на шкуре стояла голова моржа, а слева лежали жирные куски китовины. Яркое горела жаровня с моржовым жиром, в которую иногда сыпали какую-то пахучую травку. Теуль начал камлание.

По яранге поплыли приятные звуки бубна. Теуль артистически работал бубном. Бубен то тихо вздыхал, как усталая женщина, то ворчал, как горный ручей, то начинал завывать, как пурга и доходил до рева моря в шторм. Теуль сидел с полужакрытыми глазами и покачивался в такт бубну. Мой ученик Таое время от времени подпевал ему. Повидимому, Таое готовили в шаманы.

Теуль входил все в больший азарт. Бубен бил все сильнее. Гул бубна напоминал шум, который бывает у нас на Камчатке во время отдаленного землетрясения.

Чукчи прижались друг к другу и замерли в страхе. Теуль уже не сидел, он полулежал на шкуре, извиваясь всем телом, точно плывущий дельфин. Вдруг он при-

поднялся и хриплым гортанным голосом начал что-то кричать.

Я прислушался. В выкриках шамана все чаще и чаще слышались слова: культбаза, школа, кооператив, «мель-гетанг» (огненные люди — русские). Он агитировал против нас, убеждая чукчей не отдавать детей в школу и не помогать культбазе. Все затихли и внимательно слушали шамана.

Но вот Теуль умолк, вытер пот с тела и лица и начал бить в бубен какую-то веселую песенку. Чукчи все сразу развеселились и заулыбались. Чья-то рука просунула из холодной яранги под полог тазик с рыбой и кисетом. Теуль вздрогнул и рассмеялся. Вместе с ним засмеялись и остальные чукчи.

Руки все чаще просовывались из-под шкуры, и вокруг Теуля появились ситец, табак, спички, пояса, деньги. Кто-то просунул даже банку с консервами, которые я выдавал ученикам в школе. Подарки давали и Теулю и хозяевам. Даже секретарь нацсовета Кутегин принес Теулю нерпичью шкуру, а Тмууэ — табак. Дети все время стояли в холодной яранге и прислушивались к камланию. Только на рассвете их развели по домам.

Так продолжалось изо дня в день четырнадцать суток подряд. Всю ночь ели и били в бубен, днем спали, иногда устраивали состязания в беге или религиозные церемонии.

Получилось так: ловили кита человек пятнадцать, съели не больше пятой части китовой туши. Все остальное осталось у Тмууэ.

От подарков хозяин также в накладе не остался. Отдавал он с большим расчетом. Получает, например, пять метров ситца, а отдает двести граммов чаю. Получает шкуру нерпы, а дарит кисет, получает кисет, а отдает какую-то кислую травку.

Двадцать четвертого ноября праздник Плитку кон-

чился. Из яранги Тмууэ вывезли нарту с кусками сала и жира в подарок богам. На нарту положили еще плетку и подзорную трубу. Сын хозяина снова прокричал заклинания в море. Потом все гости яранги кинулись к ремням, которыми были опутаны потолок и стены яранги, и начали их резать на куски. Старик Мимай, которому не досталось ни куска, был очень огорчен и даже перестал улыбаться. Затем гости стали все в ряд, хозяин закричал «тагам», и все наперебой кинулись из юрты, в пургу. Больше в ярангу никто не возвратился.

Утром в школу пришел Таое и попросил меня вернуть ему его пионерский галстук.

— «Кересмит-Плитку» кончился, — сказал Таое, — теперь я хочу опять стать вожатым. — Но многие дети не возвратились в школу. Сын Ретегрец, когда я спросил его, почему он не ходит в школу, ответил мне со злобой:

— Вы, русские, нам хорошего не хотите. Вы нам муку серую даете, а американцы раньше давали белую.

Я объяснил ему, что чукчи в Лорино за один месяц получили от нас по три мешка крупчатки, огромное количество галет, что муку мы продаем дешево, а пушнину покупаем дорого. Никогда американцы так не платили чукчам, а только спаивали их спиртом. Потом я сказал ему, что на Чукотку будет приходить все больше пароходов, привозить разные товары, и чукчи ни в чем не будут нуждаться.

Отец Ретегрец, слушавший все это, рассмеялся и сказал мне: «Кайво» — правда. После этого бедняк Ретегрец пришел ко мне в школу и спросил: «Мои дети хотят учиться. Сколько ты им будешь платить за это?» Я объяснил ему, что платить ничего не буду, но будет все-таки выгода потому, что дети получают бесплатно паек. Ретегрец снова рассмеялся, сказал «кайво» и прислал детей в школу.

После праздника кита мы решили разоблачить шамана Теуля. Но во время собрания в нацсовете, когда мы начали говорить о Теуле, многие начали в ужасе разбегаться. В том числе и сам председатель нацсовета Рынтыргин.

К Теулю в ярангу во время камлания я пришел вместе с товарищами Дамкиным и Норкиным. Когда Норкин начал говорить о шаманском обмане, переводчик Амьялик из нашей базы отказался переводить слова Норкина.

— Почему ты не хочешь переводить? — спросили мы Амьялика.

— Теуль — могучий шаман. Он может убить меня и отвести от меня морского зверя.

Теуля скоро раскулачили.

Вскоре начали приходить пароходы Колымской и Чукотской экспедиций, привезли много продуктов, промтоваров, привезли школьные принадлежности, кино, пособия. Работа культбазы сильно расширилась. Бедняки начали все больше прислушиваться к нашим словам и отдавать своих детей в мою школу. Пришли чукчи из Яндагая, Аканни, Чини, Нуниямо, и многие привели с собой детей. И вот через год никто уже не хотел уходить больше из моей школьной яранги.

Было три часа ночи. За окном выла пурга. Хрипло подвывали ей тунгусские собаки. Непролазная тайга расстилалась на тысячи километров.

Печка приятно дышала раскаленными вишневыми боками. Чайник на печке кипел. Я с уважением смотрел на учителя Варрена и думал:

— Сколько мужества, энергии, любви к своему делу и народу нужно иметь, чтобы тридцать лет жизни

нести культуру в эти, иногда не отмеченные даже еще на географических картах места. Какую благородную и человечную миссию несет этот скромный учитель, имя которого вряд ли кому-либо известно за пределами Колымы.

ДЕТИ ТАЙГИ

Семь часов утра. Печка погасла. Чернила на столе замерзли. По полу, где я сплю, ползут острые струйки холода, пробираясь под тулуп.

Учитель Варрен уже встал и пошел за дровами. Сквозь сон слышу дружные детские голоса, с каким-то необыкновенным акцентом поющие:

И тот, кто с песнью веселой сагает,
Тот никогда и никде не пропадет...

В коридоре детишки делают утреннюю зарядку. Кулачки их рук сжаты, крепкие ноги, привыкшие с детства бродить по лесу, упруго сгибаются.

Воспитательница и учительница Нина Иосифовна Пинчук с большим удовольствием занимается этим делом. Еще не так давно у себя на родине, в Ворошилове-Уссурийском, она была вожатым пионерского отряда. Это видно по той ловкости, с которой она исполняет на круге сигнал окончания зарядки и командует:

— Отставить. По комнатам. Шагом марш!

Дети строятся в ряды и шагают в комнаты общежития. Оттуда они в беспорядке выскакивают с полотенцами, мылом и зубными щетками.

Умывание является своего рода делом чести. Недаром в учебнике сказано:

«Приехал Ного домой. В юрте грязно. Никто не

моется. Ного сказал: — Надо лицо и руки мыть. Надо зубы чистить. Мыло достать надо. В бане мойтесь».

Эти несколько десятков детей являются агитаторами и пропагандистами. Если сейчас в юртах колхоза можно видеть мыло и отдельные полотенца — гарантию против трахомы, — то в этом значительная доля заслуги интерната и его воспитанников.

* *
*

«Имлыту девять лет. Хорошо Имлыт шкуры снимает и рыбу ловит. Нутавит сказал: — Ты, Имлыт, хочешь быть октябренок. Учись так хорошо, как хорошо рыбу ловишь».

«Мекко не играет. Мекко трубку курит. — Нельзя курить, — сказал Оло, — октябрята не курят. Ребята сказали: брось, Мекко, трубку, больной будешь. Иди играть».

Девочка с плутовскими черными глазками, читая эти слова в учебнике, хитро посматривает на соседа Гаврюшку.

Гаврюшка сконфужен и смотрит исподлобья.

Дело в том, что не так давно Гаврюшка сбежал из интерната. Он снял с себя красный пионерский галстук и ночью, прокравшись мимо комнаты воспитательницы, ушел в тайгу.

Гаврюшке восемь лет, но тайга для него — открытая книга. Вот та лиственница, на которой он убил белку. Он, пожалуй, может еще найти след от пульки на ветке. Слева, в километре, он вместе с дедушкой ставил капканы на горноостая. А вот здесь у реки жила рысь, которая загрызла у них четырех оленей. Брат Гаврюшки убил эту рысь.

Гаврюшка пришел в свою юрту и сказал отцу:

— Я не хочу больше жить в школе. Там едят мясо «катлет» и воду с капустой. Там нет нерпы и

юколы, там читают скучные книги про мальчиков, которые не курят.

Отец молча кивнул головой, набил табаком трубку и протянул ее Гаврюшке. Тунгусы не любят итти против желания детей.

Гаврюшка покурил, вволю напился чаю, не так как в школе, залез в меховой кукуль и заснул у дымящего костра.

Через несколько дней в юрту пришел председатель колхоза и долго говорил с отцом Гаврюшки. Потом Гаврюшку посадили в оленью нарту и снова отвезли в интернат.

Сейчас Гаврюшке неудобно вспоминать об этом.

Девочку зовут Акулиной. Она очень бойкая девочка. Гораздо бойче Гаврюшки. Она прекрасно читает и пишет и все умеет делать. Совсем маленькая женщина.

— Я умею делать «тыргыз», перчатки, ровдугу. Сначала железком шкуру снимать надо, потом шкуру водом мокнет, потом опять, когда мокнет, железком, потом шить штаны и перчатки. Штаны мужики носят и женщины тоже.

Гаврюшка поднимает голову и мрачно заявляет:

— Я тожи могу лыжи делать. Дерево такое пойду рубить, потом пополам, как доска, топором, потом сушить, потом строгают, потом загибает их на чытыри палки.

— Кем же ты хочешь быть, когда вырастешь? — спрашиваю я Акулину.

— Детей учить, — не задумываясь, отвечает девочка, — как Нина Иосифова.

— А ты, Гаврюша?

Мальчик долго думает:

— Учусь буду. Ленград буду. Потом Маякан приеду. Начальник буду. Штаны — во! — и Гаврюшка, ши-

роко разводя руками, показывает воображаемые галлифе.

Эта беседа происходит в большой классной комнате Бараборского интерната.

За партой рядом сидят два ученика — пятилетний Коля и шестнадцатилетний Василий. Оба они в одном классе. Оба впервые начинают читать по-русски и по-орочски, хотя Колю только недавно отняли от груди и вынули из мехового детского комбинезона, а Вася в прошлом году уже сдал приемщику Дальстроя пяток пойманных им в капкан лисиц.

Учительница терпеливо переводит им фразу с орочского на русский:

— Вот буржуй. Буржуи жили богато. У буржуев была хорошая еда.

Под этой фразой в книжке нарисован толстый нэпман в котелке в стиле Моора.

— Вы знаете, что такое буржуй? — спрашивает учительница.

Коля устремляет на Нину Иосифовну удивленные глазенки и молчит. Василий чешет затылок и ломаным русским языком объясняет:

— Буржуй, у его целковый много. Много «мина», много мяса, много шкура, большой юрта. Его живет город, такой большой, как Магадан.

— Ады хундула орор? Сколько оленей у вас? — спрашивает учительница.

Василий долго шевелит губами и считает на пальцах.

— Элан, няма, орор. Триста оленей.

Я спрашиваю учительницу:

— Однако ведь Василий совсем взрослый, когда же он выучится?

Учительница улыбается.

— О, они ведь способные. Через полгода он будет хорошо читать и писать и может ехать в Мага-

дан в советско-колхозную школу, а потом и в Ленинград, в Институт народов Севера.

* *
*

Нина Иосифовна снова берется за сигнальную трубу.

— Становись! Шагом марш. Обедать.

Детишки весело срываются с парт и бегут в столовую.

На клеенке чистые миски, приборы, хлеб, кипяченая вода.

За столом оживленно.

Сегодня важное событие. Приехавший из Олы врач разрешил давать детям привычную им пищу — строганину, юколу, нерпичье мясо и жир. Все это действительно вкусно и питательно. Особенно вкусна строганина. Это замороженная сырая рыба, которую режут тоненькими ломтиками. Она имеет вкус слегка обжаренной на вертеле осетрины и тает во рту, как масло.

В этой пище много витаминов и жиров.

Дети едят только белый хлеб, как и все тунгусы. Они быстро приобретают культурные навыки.

Возвращаясь в юрты, в гости к родителям, дети требуют ложек, вилок, и уже нередкость встретить в юрте поставец из лубка березы, украшенный прекрасным эвенским орнаментом, в котором аккуратно сложены чистые чашки, ложки и вилки.

* *
*

Вечером над берегом на утрамбованной площадке, где искрятся под светом фонаря миллиарды алмазных снежинок, дети играют возле школы.

Начинается любимое развлечение — танец хейдя.

Единственный танец орочей, юкагиров, эвенов. Своеобразный танец. Танцующие становятся в кру-

жок, прижимаясь тесно плечом к плечу, берутся под руки и ритмически перескакивают обеими ногами сразу с места на место.

— Хейдя! — кричит запевало.

— Хейдя! — вторят ему танцующие и в этот момент делают скачок.

Так продолжается без перерыва. Одни в изнеможении выскакивают из круга, а другие приходят им на смену, становясь на их место.

Движение не меняется, изменяется только припев.

Сначала кричат: хейдя, хейдя! Потом — унде, унде! Урье, урье! Умге, умге! Хидо, хидо! Хекке, хекке! Умге, умге! И снова то же самое — хейдя, хейдя!

Дети танцуют с крайним увлечением, и учительница танцует вместе с ними.

Но вот пришло время сна. Дети снова бегут к умывальникам. Моются, чистят зубы, стелют себе отдельную кроватку, раздеваются и, свернувшись калачиком в тепло натопленных комнатах, засыпают в сладком сне.

В комнате воспитательницы тепло и уютно: на лампе — абажур, на окне — тюлевая занавеска. Много книжек и журналов. Огромные закопченные бревна стен украшены картинами и фотографиями. На «буржуйке» кипит кофейник. Нина Иосифовна Пинчук, дочь рабочего Уссурийского совхоза, приехала на Колыму по разверстке комсомола. Ей всего восемнадцать лет, но ей поручено большое ответственное дело — воспитывать детей тайги. Она единственная русская женщина в этой глуши.

Молодая учительница увлечена своей работой. Перед ней раскрывается прекрасное будущее. Рука об руку со всей нашей страной она смело и бодро шагает в это будущее.

В ГОСТЯХ У ХАБАРОВА

Зеркальная лента реки Ланковой разрезает надвое бесконечную мелкорослую тайгу. Снег в тайге рыхлый, и мы с фельдшером Буленко проваливаемся в него выше колена, набивая полные торбаза снегом.

Чахлые лиственницы бережно закутаны в снег, как новогодние елки в вату. Нет ни тропинок, ни дорожек. Особенная лесная тишина, которую хочется слушать, как очень далекую музыку.

На снегу сотни мелких треугольничков.

— Куропатки, — говорит Буленко, — только что поднялись. Снежок еще сыплется. Лисий след. Должно быть, самец прошел. Здоровый хвостище. У нас тут сиводушки и крестовки ходят. В прошлом году и чернобурых ловили.

У фельдшера Буленко, живущего много лет на Колыме, зоркий глаз охотника. Пустая и мертвая для меня тайга живет для него напряженной жизнью.

Но вот и я замечаю: на сучке лиственницы над снегом висит пара резиновых «метростроевских» сапог.

— Откуда здесь сапоги? — удивленно спрашиваю я Буленко.

— А это какой-нибудь тунгус из артели оставил. Летом носил, должно быть, а к зиме сбросил. Весной придет и опять возьмет.

— Так в лесу и оставил?

— Ну да — кто же их возьмет?

... Бредем по тайге с километр. И снова неожиданность. Среди деревьев стоят бревенчатые козлы. На них дорожные мешки, одеяла, охотничьи лыжи, силки. Рядом на стволе лиственницы висит прекрасный американский винчестер в футляре из нерпичьей шкуры. Тут же на сучьях развешаны ороческие женские меховые костюмы — «таты», художественно расшитые голубым бисером. Невдалеке виднеется юрта, покрытая «ровдугой» — выделанной оленьей замшей.

— Здесь живет Хабаров — один из самых старых наших артельщиков, — говорит Буленко, — кстати, у него тут мой больной.

— Почему же, — интересуюсь я, — у них ценные вещи висят в тайге? Почему они не держат их в юрте?

— А это для безопасности, — разъясняет Буленко, — в юрте может начаться пожар. Вещи сгорят. А в лесу никто не тронет.

Мы нагибаемся и лезем в юрту через низкую замшевую занавеску, прихваченную жердью, чтобы не открывал ветер. В юрте сидит и занимается чаепитием вся семья Хабарова. На земляном, усеянном сучьями полу, у костра, лежит дощечка. На дощечке несколько чисто вымытых чашек, жестяной чайник, белый крупчатый хлеб, сахар и юкола. Сам хозяин, Григорий Васильевич Хабаров, предлагает нам принять участие в чаепитии. Рядом с ним сидит больной брат жены, тоже Григорий Васильевич Хабаров. Девятнадцатилетний сын владельца юрты Василий Хабаров чинит «черканы» — силки для ловли горностая. Он служит нам переводчиком. Григорий Васильевич представляет всю семью — жену Агафью Васильевну, дочь Агриппину, которая работает помощником по-

вара в интернате артели, и еще двух дочерей: Матрону Григорьевну и Марию Григорьевну. — А другая Мария, — говорит Хабаров, — так та просто Марья. Она кочует сейчас с мужем Трифоновым.

Костер дымит. Сырые коряги шипят, дым валит в отверстие вверху юрты.

Шкуры, спальные мешки — «кукули», маленькая меховая кибитка для грудного ребенка, «таты», украшенные бисером, — таково типичное жилье кочевника-тунгуса, в котором он проводит всю свою жизнь.

Но в юрте есть нечто не совсем обычное. На сучке висит объемистый портфель, а на полу лежат несколько книжек и среди них — политграмота.

Вещи эти принадлежат Василию Хабарову. Это молодой веселый юноша в кепке, с круглым лицом и живыми агатовыми глазами.

Он учился в Магаданской советской партийной школе года полтора. Болезнь легких заставила его бросить учебу и возвратиться в свой полукочевой колхоз. Привольный воздух тайги залечил его легкие, но врач советует пока не торопиться в школу. Василий живет в юрте, охотится, бьет без промаха белку в голову, ходит по лисьему следу, ставит «черканы» на «горносталя». По вечерам же он отправляется в школу и вместе с председателем артели, тоже Хабаровым (половина Бараборки состоит из Хабаровых), прорабатывает в тунгусском комсомольском кружке политграмоту.

Семидесятилетний Хабаров болен. Нерпа и юкола вызывают у него неудержимую рвоту и боли. Буленко подсаживается к старику, щупает у него пульс, дает ложку лекарства и вынимает из походной сумки пакет.

— Получай. Тут тебе прислали исполкомовский паек бесплатно.

В пакете сливочное масло, сахар, печенье.

Старый больной ороch радостно улыбается. Теплее и светлее стало в юрте. Раньше за тонкой стеной юрты была только суровая и равнодушная природа севера, тайга, звери, завывание ветра. Теперь иное: старик чувствует огромную помощь и внимание к кочевникам со стороны советской власти и партии.

На протяжении десятка километров в лесу разбросаны такие же юрты. Тунгусы ездят на оленях из своего дома гостить в другие юрты. Но сейчас большинство юрт пустые. Половина членов Бараборской промысловой артели ушла к Маякану на богатые ягельные корма для откорма оленей. Но эта отлучка временная. В Бараборке находится национальный центр, здесь имеется школа-интернат, в которой живут и учатся дети тунгусов. В Бараборке есть медицинский пункт, правление артели и один жилой дом, в который уже перебрались из юрт несколько тунгусских семей. Никогда в этой глухой тайге не было такого оживления. Прибывшие из Олы плотники рубят деревья, тешут доски, строят избы, коровники, конюшни. К весне здесь будет еще десяток домов, в которые переедут тунгусы.

В двадцати километрах от Бараборки расположена Ола — старинный торговый пункт на охотском побережье, куда с XVIII века ходили американские шхуны, японские сейнеры, русские баркасы из Охотска. Ежегодно на Ольскую ярмарку ехали тунгусы и камчадалы из Бараборки, Удликана, Маякана, Сиглана и всего побережья.

На площади стояли лавки, трактиры и церковь. Пускали на ярмарку после уплаты «ясака» — подати. Попы слетались в эти дни как коршуны на добычу. Приезжал иногда и архиерей из Владивостока. Каждый поп имел собственных тунгусов на откупе. Иногда между попами, залезшими в чужую вотчину, происходили драки. Тунгусов крестили, женили, хо-

ронили, отпевали чохом, за год сразу. За крещение брали лисицу, за похороны — сиводушку, за отпевание — десяток белок. К концу ярмарки попы вывозили из Олы целые подводы пушнины.

Охотская купчиха Бушуева держала в кабале весь район. За белку она платила тунгусам гроши при стоимости фунта ржаной муки в двадцать — двадцать пять копеек. Но все это отошло в область предания.

Мы заходим в кооперативный ларек Бараборской артели. На полках ларька прекрасно выпеченный белый хлеб, сгущенное молоко, байховый и кирпичный чай, леденцы, сахар, махорка, папиросы, сливочное масло, пастила, фруктовые компоты, лук, зубной порошок, спички, мыло бельевое и туалетное, клюквенный экстракт, варенье, вермишель, макароны, томат, кофе.

К прилавку подходит ороч. Он улыбается, протягивая руку продавцу, и вытаскивает из кармана пачку денег.

— Давай, — говорит ороч.

— Что давать?

— Се давай.

Продавец отбирает все, что нравится колхознику и выдает расписку-счет для проверки в правлении.

К лавке подъезжает оленья нарта, и орочонка просит отвесить два килограмма белого хлеба лучшего сорта. Тунгусы едят только белый хлеб самого высокого качества.

Вот бюджет семьи Хабаровых, сообщенный мне председателем артели и проверенный мною по записям в книгах артели.

Хабаров-отец за год заработал на лове лососевой рыбы тысячу восемьсот двадцать три рубля. За лов селедки он получил тысячу двести шестнадцать руб-

лей. За вывоз клепки сельхозкомбинату в Оле — шестьсот восемь рублей. За сплав дома — сто пятьдесят два рубля, за сенокос — четыреста пятьдесят семь рублей.

Старик Хабаровов получил за лов морзверя восемьсот рублей, за ловлю кеты — тысячу двести рублей, — всего две тысячи рублей за год.

Василий Хабаровов, болевший почти год, все же имеет около тысячи рублей заработка за это время.

Агриппина Хабаровова заработала в интернате около двух тысяч рублей.

Итак, семья Хабарововых на четырех работников получила около десяти тысяч рублей.

Юрта Хабаровова обеспечена на год продовольствием: превосходной юколой из отборной рыбы, лососевой кетой холодного посола, нерпичьим жиром и мясом. Тайга кишит дичью: куропатками, зайцами, глухарями и рябчиками, которых дети ловят петлями. Ороч не станет тратить патроны на такую мелочь.

Вся бараборская артель имеет чистого дохода, за вычетом неприкосновенных фондов, полтораста тысяч рублей. Это выходит, примерно, по две тысячи рублей на работника или по пять — шесть тысяч рублей на юрту.

А ведь год еще не кончен. Впереди еще богатая охота на лисицу, белку, росомаху.

...Темнеет. Оставляя селение, мы идем из отдаленной юрты через реку Ланковую. Навстречу нам на широких охотничьих лыжах, осторожно переступая, как бы приплясывая слегка на снегу, идет старый тунгус. В руках у него лисьи капканы. На глазах у старика черные очки.

Этот старик был слеп в течение десяти лет. Он потерял зрение от запущенной трахомы. Недавно сюда приезжала, совершая объезд кочевий, Пшенич-

нова, талантливый и известный всем кочевникам врач Магаданской больницы.

Пшеничнова разыскала этого старика, сделала ему операцию, и старик стал видеть.

Вдали светятся огни возвышающегося над рекой большого здания интерната. Они горят теплым светом в синеватом морозном тумане, окутывающем Ланковую, как маяк радостной советской культуры.

СИГЛАНСКАЯ БАНЯ

Василий Иванович Мурашев был сильно озабочен. Из Магадана он получил телеграмму: «Вам увеличен план добычи морского зверя. Мобилизуйте усилия. Организуем экспорт морзверя».

В Сигланской бухте охота на морского зверя шла полным ходом. Андрей Бабцев, лучший охотник Сиглана, соревновался с Гавриилом Павшиным. Охотники вошли в азарт. Бабцев, одетый в белый халат и белые оленьи торбаза, с винчестером в руках полз по льду бухты. Острые глаза его чуть не за километр уже улавливали маленькую нерпичью голову или лахтаций глазок.

Нерпа ударяла головой о нижнюю поверхность льда и горячим дыханием протаивала круглое отверстие. Быстро и ловко обводя мордой вокруг отверстия, она расширяла его настолько, что могла протиснуться всем корпусом, выползти на лед и с наслаждением валяться под лучами теплого весеннего солнца. Андрей подстерегал именно этот момент. Как только нерпа или лахтак выползали наверх, он вскидывал винчестер и метким выстрелом укладывал зверя.

Бригада Андрея явно побеждала в соревновании. К четырем часам дня он набил шестнадцать нерп, акиб и лахтаков. Павшин убил всего одиннадцать

штук. Он хмуро наблюдал за подсчетом добычи у Бабцева.

— Что ж ты, Гавриил? — сказал ему Мурашев. — Отстал, братец, отстал. Андрей тебя сегодня кругом объехал.

Гавриил расстроенно повел плечами:

— Сегодня, начальник, зверь нет, его не ходи на меня. Я знаю, почему его не ходи. Андрей вчера шаман ходил, его прощал зверя. Плохо.

Мурашев развел своими огромными руками. Стоя на глыбе льда, он начал говорить, как на собрании ячейки, в которой был парторгом:

— Такой разговор с твоей стороны, Гавриил, есть не что иное, как отрывка проклятого прошлого... Какой может быть контакт между паразитом и обманщиком шаманом и ходом зверя по побережью? Зверь ходит от морских течений и прочей климатической метеорологии. Ежели к тебе зверь не идет, стало быть, ты место не то выбрал. Я ж тебе говорил, не надо так близко лезть к Андрею. Обошел бы бухту и бил зверя с подветренной стороны!.. Я давеча на той стороне тридцать шесть лунок на льду насчитал... Станные у тебя, Гавриил, понятия, а еще активистом считаешься! Интересно, за чем на сегодняшний день смотрит ваш комсорг?! Как видно, плохо он ведет работу среди масс.

Гавриил молча и недоуменно смотрел на Мурашева.

— Дай, пожалуйста, «мина» бутылку, — виновато произнес он. — Завтра пойду — медведя три штуки убью...

— «Мина» не дам, — сердито ответил Мурашев. — Сахар дам, чай дам, крупчатку дам, табак дам. — Помолчав, он добавил: — Граммов сто и «мина» дам, на дорогу, а больше не дам.

Он вытащил блокнот и написал Гавриилу кви-

танцию в кооператив комбината на выдачу припасов и ста граммов спирта. Гавриил весело осклабился, спрятал квитанцию поглубже в ватную кацавейку и ушел. А Мурашев продолжал свой обход по рыбалкам стойбища. В этом побережном тунгусском стойбище он жил уже больше года. Уже больше года назад, как Мурашева вызвали с обувной фабрики в Центральный комитет партии и сказали:

— Ну вот, Мурашев, назначаем тебя на работу. Поедешь на Колыму, в Дальстрой. Там нужны крепкие рабочие ребята, хорошие партийцы.

Мурашев удивленно посмотрел на говорившего:

— Да я и не знаю, где она, эта самая Колыма!.. Признаться, не слыхал отроду. К тому же и специальность у меня городская. Я ж обувник-обтяжечник, на сапожной фабрике работаю. Откуда там сапожные фабрики на Колыме?..

Говоривший строго, но с симпатией посмотрел на Мурашева.

— Специальность у тебя, товарищ Мурашев, и другая есть, — сказал он. — Ты — большевик. Стало быть, эта твоя специальность везде пригодится, особенно в таком крае, как Колыма.

И Мурашев поехал в далекий путь по Сибири, Тихому океану, Охотскому морю, по ранее неведомым ему местам. В Магадане директор Дальстроя, отправляя Мурашева в Сиглан руководить сельхозкомбинатом, напутствовал его:

— Ты, Мурашев, не опасайся. Это, как сказать, дело простое. Тут самое важное — иметь чутье, а ты парень рабочий, с пути не собьешься. — И добавил: — Да и хватит тебе с кожей-то возиться. Ты лучше с людьми повозись. Люди-то там тоже, как сказать, вроде сыромятной кожи, никак не обделаны. Вот ты их и обработай.

Так Мурашев начал работать в Сиглане. Стойбище

Сиглан состояло из нескольких десятков юрт, выложенных из кольев, обмазанных глиной и обтянутых шкурой морского зверя. Жили в них оседлые тунгусы и несколько коряков. В юртах было грязно и дико: ни мужчины, ни женщины никогда не умывались, меховые шкуры носили на себе до тех пор, пока они не истлевали, спали вповалку на полу, в меховых «кукулях»...

Московскому рабочему-обувнику в таких условиях было вначале нелегко. Мурашев даже несколько растерялся. Но быстро оправился и начал энергично действовать: сколотил комсомольскую и партийную ячейки, быстро построил школу и привез в нее учительницу из Магадана, основал фельдшерский пункт. Он сам стал обходить юрты и приучать тунгусов к культуре, выдал им полотенца, мыло, зубные щетки. В каждой юрте он для показа чистил зубы, и вскоре уже кое-кто стал следовать его примеру.

Позже Мурашев часто сидел в конторе и обдумывал свою заветную думу: как бы поскорей выстроить в Сиглане хорошую баню с полком, горячим паром и березовыми вениками. Мурашеву и самому хотелось, как бывало, попариться в жестоком жару, но больше всего хотел он приучить к бане тунгусов. Баня, по соображениям Мурашева, должна была стать могучим фактором культуры и приучить тунгусов и коряков к гигиене.

Вскоре баню уже начали строить, но подготовка к рыбной путине не позволяла отрывать рабочую силу на ее постройку. И все-таки Мурашев пользовался каждой свободной минутой, чтобы достроить баню. В столярной уже готовили для нее старые чаны из-под тузлука. Мурашев хотел непременно вставить в них краны, чтобы вода текла в шайки, как в известных Сандуновских банях Москвы. По вечерам он сам ходил в слесарную и гнул краны

из старой водопроводной трубы, какими-то судьбами попавшей в Сиглан. Под конец Мурашев объявил в стойбище субботник по достройке бани.

Тунгус Гавриил Павшин в это время был на охоте. Он пропадал в тайге четыре дня, а на пятый на оленях подъехал к конторе и привез туши трех убитых медведей.

— Хороший охота был, начальник! — с гордостью сказал он Мурашеву. — Три медведь привез и еще чытыри тайге закопал. Посылай колхозников везти.

Гавриил был знаменитым охотником на медведей. Ему случалось ходить на зверя с одним широким желобчатым ножом. Подойдя вплотную к медведю, Гавриил дожидался, пока тот станет на дыбы. Тогда он нагибался, бросался под брюхо медведю, распарывал ему ножом живот до кишек и молниеносно проскакивал под задними ногами смертельно раненого зверя. На такую охоту отваживалось всего несколько тунгусов-охотников на всем побережье.

Мурашев осмотрел убитых зверей. Это были довольно крупные колымские бурые медведи с пушисто-серебристой шкурой. Глаза у всех медведей были выковыряны ножом и зашиты красной толстой ниткой. Мурашев укоризненно посмотрел на Гавриила.

— Опять ниткой глаза зашил. Ну что с тобой, чудаком, делать буду? А я, ведь, тебя хотел в колхозную школу отправить.

Гавриил смущенно оправдывался:

— Его нельзя, начальник. Очень много медведь сразу ходил. Целый семейства. Один медведь — тогда можно не зашивать ниткой глаз. А тут целый семейства. Она все сразу смотри — кто убил. Плохо мне будет потом. Медведь много родственник. Он меня потом убивать будет. Нельзя не зашивай глаз, когда целый семейство...

Мурашев сердито поскреб затылок, потом махнул рукой и расхохотался:

— Экую дичь порет! Целое семейство! Смотреть будут!.. Да ведь они же дохлые, кто тебя смотреть будет — ты ли убил или кто другой?.. — Он обнял Гавриила за талию. — Ну, пойдем в контору. Буду тебе квитанцию писать за медведей. Ты теперь разбогатеешь: новую цену управление прислало. Полагается тебе за каждую шкуру пятьдесят рублей, да за мясо куча денег... А политнеграмотность твою я сам ликвидирую. Самое главное, Гавриил, тебе надо в баню ходить. Соскоблишь с себя грязь и суеверия всякие с грязью смоешь. А на сегодняшний день это главное.

Вечером Гавриил позвал Мурашева на большой «чахобах» по случаю удачной охоты. В юрте Гавриила сидели почетные старики и друзья. На камельке грелся огромный чайник, в который сразу заварили полкирпича чаю. На столе в глиняной чашке стояла вареная медвежья голова с зашитыми красной ниткой глазами. Прежде чем резать голову на части, старики привстали, окружили голову цепью и трижды прокричали:

— Это не мы убили тебя! Это не мы убили тебя!..

Мурашев сердито плюнул и выступил с речью.

— Вот на-днях баня будет готова, товарищи. И тогда пойдете вы все в баню и смоете с себя грязь, а вместе с грязью и всякие дикие суеверия и шаманский обман, которые разъедают вашу жизнь на сегодняшний день.

Тунгусы слушали Мурашева и покачивали головами. Станный этот русский начальник. Правда, жаловаться на него нельзя: хороший человек. Ходит в гости к тунгусам и ничего себе не берет, а наоборот, сам подарки приносит. Никогда не кричит, за рыбу и шкуры платит хорошие цены. Шутка ли, за одну

белку можно купить килограмм сахара! За лисицу двадцать фунтов чаю дают! Хорошо живут тунгусы. Вот только новости эти старикам непонятны: слыханное ли дело, щеткой в рот лезть?.. А тут еще про какую-то баню начальник все время говорит. Кто же это горячей водой моется, и зачем это нужно?

Старики пили чай и помалкивали.

А через два дня после «чахобаха» у Гавриила баню закончили. Весь этот день Мурашев был в небывалом возбуждении. Он не вылезал из бани — проверил краны, расставил шайки на полках, принес из склада заготовленные еще осенью веники из нескольких березок, найденных в десятке километров от Сиглана. Вечером Мурашев созвал общее собрание колхозников и единоличников и произнес горячую речь. Потом отобрал несколько лучших ударников, выдал каждому по свежему березовому венику и скомандовал:

— За мной, товарищи ударники!.. Ух, и попаримся же!

Тунгусы жались друг к другу и нерешительно смотрели на Мурашева. Но любопытство превозмогло, и ударники, награжденные честью первого мытья, пошли за Мурашевым. Они столпились в предбаннике, но никто из них не хотел раздеваться. Мурашев бросался от одного к другому, убеждал, агитировал, но они не двигались с места. Рассердившись, Мурашев быстро разделся и пошел в баню. За ним направился комсорг Тарасов. Мурашев поддал пару, залез на полок и с наслаждением вытянулся. Комсорг распарил веник и энергично начал хлестать Мурашева по спине и ляжкам. Парторг кричал и стонал от удовольствия.

Тунгусы с удивлением и некоторым страхом смотрели на непонятные манипуляции начальника. Мурашев между тем окатился водой и начал парить ком-

сорга. Закончив мытье, они оба, довольные и распаренные, уселись на лавке и снова начали убеждать тунгусов. Тогда Гавриил Павшин неожиданно сел на лавку и быстро начал стаскивать с себя торбаза и меховые штаны.

Мурашев и комсорг положили его на нижнюю полку, осторожно постегали веником, потом долго мыли мочалкой и мылом, смывая потоки темнокоричневой грязи. Гавриил с удивлением смотрел на свое чистое, белое тело, словно никогда невиданное им раньше, и молча позволял проделывать с собой все, что хотел Мурашев. За ним разделись еще несколько тунгусов. Они осторожно поливали себя водой и нерешительно водили ладонями по телу. Под конец Мурашев, уставший от работы, сел на лавке и с удовольствием посмотрел на чистеньких туземцев, потряхивающих мокрыми длинными волосами. Но вдруг он подскочил.

— Тарасов! — крикнул он комсоргу. — Это что же: первый раз в жизни мы их вымыли, и вдруг они опять натянут на чистое тело свои грязные оленье шкуры? Это же факт, недопустимый на сегодняшний день! Беги в склад, неси всем трикотажное белье!..

Тунгусов одели в чистое белье и повели в контору пить чай. Пили по пятнадцать и двадцать стаканов, и Мурашев все время говорил о бане. Потом встал один из почтеннейших стариков и сказал:

— Ничего баня — мыться хорошо. Я помылся — чего-то легче стало. Старый — а пойду зверь бить.

Так начала функционировать в Сиглане первая баня — «важнейший фактор культурной революции на сегодняшний день», как отметил в своем отчете Магадану парторг и начальник сельхозотделения Василий Иванович Мурашев.

ПОКОРЕНИЕ ЗЕМЛИ

Несколько юкагиров с Коркодона, притока Колымы, стояли перед стэндом сельскохозяйственной выставки в Магадане и с крайним любопытством смотрели на круглый полосатый предмет, лежащий на полке.

— Однако, какое это будет? — спросил Шадрин — славный охотник, привезший на выставку редкие экземпляры чернобурок.

— Это арбуз, — разъяснили юкагиру.

— А хорошо, — вежливо ответил охотник, продолжая с недоумением разглядывать никогда невиданный им ранее плод.

Удивлялись, впрочем, не одни юкагиры и орочи. Приезжие из Москвы с неменьшим удивлением смотрели на первый и единственный выращенный на Колыме арбуз, гигантский турнепс, кормовую свеклу, горящие румянцем помидоры, колымский ананас — крупную сладкую брюкву, редис, картофель доброго десятка сортов, цветную и испанскую капусту, спелые колосья ржи и овса.

Рядом, на стэндах Дукчанского и Талонского совхозов, были выставлены десятки сортов колбас, зельцы, копчености, шпигованные олени языки, покрытые тонким слоем аппетитного сала, паштеты из дичи и оленины, медвежьи окорока, отливающая зо-

лотистым жирком нежнейшего засола кета, похожая на семгу, крупный серебристый залом, маринованные кольчиком сельди.

Эти «залы изобилия» демонстрировали продукцию суровой колымской земли, той самой земли, про которую штатный мыслитель канцелярии якутского губернатора, чиновник особых поручений, изрек некогда знаменитую фразу:

«Колымская земля не токмо что человека — курицы с петухом прокормить не может».

Эта оценка перспектив колымского земледелия особенно курьезна сейчас, в момент выставки, когда совхозы Дальстроя возделали свыше двух тысяч гектаров земли и почти полностью обеспечивают овощами, картофелем, капустой, помидорами, луком и молочными продуктами население Колымы.

История колымского земледелия насчитывает всего пять лет.

В 1932 году директор Дальстроя Берзин пригласил к себе Веньямина Мовсесяна и сказал ему:

— Дело, Веньямин, в следующем. Надо в этом крае развивать земледелие. Надо, чтобы была своя капуста, картошка, огурцы и все прочее. Назначаю я тебя начальником Тауйского сельскохозяйственного района. Поезжай и действуй.

Мовсесян с некоторым испутом взглянул на директора:

— Эдуард Петрович, где же этот район? Как до него добраться? И потом я, ведь, собственно говоря, никогда земледелием не занимался.

— Ничего, — ответил Берзин, — я хорошо понимаю в сельском хозяйстве. Что надо, я тебе покажу сам. Возьми двух агрономов и действуй. Быть не может, чтобы мы с картошкой не справились.

— Есть, — товарищ Берзин, — ответил Мовсесян, — будет выполнено!

Мовсесян отобрал сельскохозяйственные орудия, семена, агрономов, рабочих и отбыл в южном направлении, разыскивая пути к своему району.

Катера погружались у острова Недоразумение, куда по ледяной кромке берегового припая доставлялись сельскохозяйственные орудия, тракторы и люди.

Центр будущей сельскохозяйственной базы Колымы был организован в поселке Балаганное, названном так по имени нескольких якутских старых «балаганов», стоявших там.

Границы же своего района Мовсесян закрепил в «приказе номер первый», гласившем:

«Объявляю территорию Тауйского сельскохозяйственного района: с запада — Становой хребет, с востока — гора Хавля, с юга — бухта Монтеклей и вглубь на север — по мере возможности освоения...»

В этом огромном районе, равном, примерно, территории Бельгии или Швейцарии, был засеян... один гектар опытного поля, на котором развели сразу все существующие огородные культуры, проверяя возможности их акклиматизации на Колыме.

В Тауйском районе жило около семидесяти орочей и камчадалов, никогда не занимавшихся сельским хозяйством.

Агрономы роздали туземцам и их детям семена и начали приучать их к сельскому хозяйству.

Летом овощи хорошо взошли, уродились даже отдельные колоски ржи и пшеницы, капуста не померзла, картофель северных сортов созрел.

Через год в Тауйском сельскохозяйственном районе темпы развития сельского хозяйства конкурируют уже с темпами, взятыми Дальстроем в других областях работы по освоению Колымы.

В сорока километрах от Балаганного развернулся большой совхоз Талон, к которому проведена авто-

мобильная дорога. В совхозе разделаны сотни гектаров земли, раскорчевана целина, построены коровники и свинарники, привезены триста свиноматок и несколько десятков коров, разводятся куры, гуси, утки и кролики.

А в 1935 году Тауйск — самый крупный земледельческий пункт на побережье Охотского моря.

В совхозе Талон выкорчевано и готово к посеву свыше тысячи гектаров земли, имеется пять тысяч голов свиней, четыреста голов рогатого скота. Рабочим Колымы совхоз дает полторы тысячи тонн картофеля в год, пятьсот тонн капусты, около восьмисот тонн корнеплодов, большое количество собственного мяса и молочных продуктов.

Впервые в истории Колымы на полях совхоза колосится рожь и овес.

Тауйск — только часть колымского сельского хозяйства. Создание собственной сельскохозяйственной базы — задача, которую Дальстрой проводит с большой энергией по всей Колыме.

Культивируются места, где всегда считалось невозможным земледелие.

Везде, от берегов Охотского моря до самого Ледовитого океана, разбиты пункты приполярного земледелия, и энтузиасты полярной агрономии борются с суровой природой севера и успешно побеждают ее.

Совхоз Эльген. Долина реки Таскана, где в будущем предполагается выстроить административный центр Колымы — город Таскан. Летом здесь жара доходит до сорока градусов, зимой нередки морозы в шестьдесят градусов. Климат резко континентальный. Лето тянется сто дней, причем иногда, в августе, выпадают по ночам заморозки, покрывающие инеем яркие полевые цветы — ирисы, ромашки, иван-чай.

В нескольких сотнях километров от этого района проживал чужак ссыльный, описанный Тан-Богоразом.

Вегетарианец, который ухитрился, буквально под шубой, разводить капусту и огурцы.

Здесь целый отряд агрономов трудится над созданием мощного сельскохозяйственного центра в глубине Колымы, у полярного круга.

Руководит созданием совхоза старый работник Дальстроя, один из пионеров колымской стройки — Ткачук.

В 1937 году в Эльгене, недалеко от реки Колымы, где никогда не существовало земледелия, засеваются тысяча гектаров земли под овощами и раскорчевывается к будущему году еще тысяча.

Овощеводство ведется здесь особым способом, применяемым в таких масштабах впервые не только в СССР, но и вообще в мире.

Здесь строятся тепличные блоки, покрывающие целиком гектар земли. Первая батарея такого блока, охватывающая площадь в две тысячи квадратных метров, уже готова, и с нее снято свыше десяти тысяч килограммов овощей, в том числе никогда не произраставших здесь томатов.

Летом 1937 года будет готов блок теплиц, покрывающий двадцать шесть тысяч квадратных метров земли и кроме того десять тысяч парниковых рам.

Рабочие далеких приисков Колымы, разведчики Омолона и Индигирки, трудящиеся среднего плеса и низовьев Колымы, вплоть до самого Ледовитого океана, юкагиры и орочи бассейна Колымы и чукчи восточной тундры будут питаться своими собственными овощами, огурцами, капустой, картофелем, редисом, луком с этих «фабрик зелени».

Строительство их требует в первый год затраты около полумиллиона рублей, но оно окупается в течение одного года экономией на перевозках овощей. Издержки, покрывающие стоимость, не превышают 15-25 копеек на килограмм овощей.

Это совершенно незначительная цифра, но можно ли кроме того переводить только на цифры громадное значение небывалого в истории факта — создания в один год у границ полярного круга мощного сельскохозяйственного комбината!

Задача эта вполне реальна, и нет сомнения в том, что она будет разрешена в кратчайший срок.

Достаточно послушать, с каким энтузиазмом работники далекого Эльгена говорят о будущем своего молодого совхоза, чтобы поверить в реальность и близкую осуществимость этой большой цели.

Неподалеку от Эльгена, в непроходимой таежной глуши, в нескольких бревенчатых избушках и палатках расположилась Колымская опытная сельскохозяйственная станция.

Это первый научный институт Колымы, в котором ведутся крупные работы по созданию полярного земледелия.

Руководит станцией известный агроном, создатель образцовых сельскохозяйственных станций во Владивостоке тов. Тамарин.

Дыня-тыква Тамарина весом в два пуда, гибрид капусты Тамарина с чудовищными кочанами, ряд совершенно новых видов томатов и северного картофеля, акклиматизированные на Дальнем Востоке японские и китайские сорта растений создали Тамарину славу «дальневосточного Мичурина».

Этот пожилой уже человек, прошедший боевую и бурную жизнь, работает как юноша, с увлечением и энтузиазмом, охваченный одной целью — создать колымское земледелие, вывести новые сорта растений, для которых Колыма будет родиной.

По заданию Тамарина орочи и камчадалы ищут по всей Колыме дикие растения, чтобы станция культивировала их, выращивала из них гибриды, создавала новые формы растений.

Уже сейчас сделаны редчайшие, неизвестные до сих пор науке находки. В тундре и тайге обнаружен дикий сорт корнеплода, напоминающего картофель, найдены неизвестные ягоды и цветы вроде хризантем, которые, казалось, никак не могли расти в таком климате.

Все это будет изучаться и скрещиваться с культурными сортами.

Вместе с Тамариным работает агроном Отарова.

В 1933 году она впервые увидела скалистые суровые берега бухты Нагаево, заросшие низкорослым кедровником.

— Капуста здесь не родит. Картофель вымерзает. Об овсе нечего и думать... Да и вообще, что вы тут разведете? Здесь и метлы на веник не соберешь, не то, что овощей или злаков... — такими словами встретили агронома Отарову, явившуюся на Колыму.

Отарова приехала с благодатного Кавказа, с буйных и цветущих долин Риона, с виноградных полей Кахетии, где цветет и растет почти все, что может расти на земном шаре. Школой Отаровой была работа над шелковицей, розовые совхозы, золотистые плантации табака, персиковые и абрикосовые рощи.

И после этого буйного расточительного плодородия, где человеку достаточно только уметь во-время пользоваться дарами природы, — убогая природа Колымы, скуное солнце, заморозки в августе, каменистая тощая почва, шесть гектаров возделанной земли на весь край протяженностью в полмиллиона квадратных километров.

Перспектива, от которой можно приуныть.

Но Отарова, вместе со всем коллективом Тауйска, упорно работала над покорением колымской земли.

И нынешнее состояние сельского хозяйства на Колыме — отрадная награда за эту работу.

— Поверите ли, — говорила мне Отарова, — лучшая

минута в моей жизни — это, пожалуй, когда я увидела, что возле моего маленького поля в Тауйске, колосющегося зрелым зерном, собрались только-что приехавшие с материка правонарушители!

Лица их были возбуждены, глаза светились радостью.

— Какая благодать! Овес колосится! Хлеба растут! Значит далекая, холодная Колыма, о которой в пути говорили, что там цветы не цветут, хлеба не зреют, может быть не только суровой мачехой, но и ласковой матерью.

И посмотрели бы, как работали на наших полях все эти правонарушители, многие из которых привыкли всегда думать, что их хлеб «растет в чужих карманах».

Борьба за Колыму — производительницу злаков, овощей, плодов и цветов — еще в самом начале. Для успеха ее нужны энтузиасты и ударники полярных полей.

Они есть на Колыме!

Перед глазами этих тружеников агрономической науки, работающих упорно над покорением суровой колымской земли, встает будущая плодородная цветущая Колыма, Колыма, шумящая злаками, наполненная овощами и плодами, расцветающая астрами, хризантемами и полярными розами.

За это стоит бороться!

ГОРОД МАГАДАН

Слово «магадан» (по-орочски «монгодан») обозначает «морские наносы». Скала, на которой выстроен Нью-Йорк — Манхатан, — на индейском языке обозначает «морские камни». Совпадение звучания и значения этих слов не случайно. Оно свидетельствует о родстве туземцев охотского побережья — коряков, чукчей и эвенков — с индейцами Аляски и Северной Америки. Также созвучны с индейскими и названия колымских рек: реки севера Колымы — Омолон, Коркодон, Оймекон, река Аляски — Юкон.

Монгоданом туземцы побережья называли группу причудливых зубчатых скал, сурово высящихся над обоими берегами красивой и удобной бухты Нагаево, расположенной невдалеке от острова Завьялова и полуострова Кони на Охотском море. В английских, русских и японских лоциях бухта Нагаево значится давно, и весь путь к ней хорошо изучен. Но заходили сюда лишь отдельные японские краболовы и занесенные с Камчатки суда, которым необходимо было возобновить запасы пресной воды из превосходных прозрачных ключей, бьющих на берегах бухты.

В тридцати километрах севернее Нагаево расположен старинный торговый пункт — Ола, изобилующий рыбой и пушниной. Сюда добрые сто лет собирались на ярмарки кочующие народности севера охотского

побережья. В восьмидесяти километрах к югу от Нагаево находится старинный казачий острог — Тауйск. В свое время пришлые казаки, а за ними купцы и охотские торговцы истребили здесь многочисленный и богатый тауйский платежный род орочей. Расстояние же между этими двумя условно населенными пунктами занимала тысячелетия пустовавшая громадная территория, покрытая таежным кустарником, тундрой и болотами. Даже тунгусы-оленоводы и охотники избегали эти места, так как оленьих пастбищ здесь почти не было, а рыбалки и лежбища морского зверя были малодоступны.

В береговых скалах бухты Нагаево обитали крупные бурые, с серебряной сединой, колымские медведи. Медведей было так много, что даже сейчас, когда бухта Нагаево стала уже одним из самых оживленных портов на Охотском море и берега ее непрерывно оглашаются ревом паровозных гудков, взрывами аммонала и грохотом аэропланов, — даже сейчас медведи все еще продолжают жить в сопках тянувшегося к Олюкскому хребта «Каменный венец». Летом, когда магаданцы отправляются на экскурсии, им изредка случается встречать бывших четвероногих хозяев Монгодана, не выказывающих никакого страха перед людьми, но и редко нападающих на них.

Второго июня 1936 года сотрудник магаданской газеты «Советская Колыма» сообщил, между прочим, редакции интересную новость:

«На постройке нового четырехэтажного каменного дома при рытье фундамента обнаружен, очевидно, труп мамонта. Пока отрывают хобот».

Находки костей мамонта на Колыме — нередкость; их нетрудно, пожалуй, найти и в центре самой колымской столицы. Но редакция газеты для проверки все же отправила на место находки специальную делегацию, включив в нее научного работника Магаданского

музея. Сообщение о мамонте оказалось несколько преувеличенным. На глубине полутора метров найдены были два отрезанных лапы, принадлежавших не мамонту, а крупной акибе. На лапах видно было свежее, прекрасно сохранившееся мясо. Научный работник музея, обследовав место находки, сообщил редакции:

«Лапы эти сами по себе представляют отложенные кем-то пищевые запасы. Лапы еще молодые, им не более пятидесяти лет, мясо на них свежее, его можно хоть сейчас зажарить и есть. Мясо в таком состоянии потому, что в земле, скованной вечной мерзлотой, оно может храниться столетиями, не портясь. Лапы отрезаны были ножом, рядом с ними разбросаны кости. Повидимому, лет пятьдесят назад здесь было временное стойбище тунгусов, вероятно, охотников на медведей и морского зверя.

На месте, где были найдены лапы, на центральной улице города, сейчас выстроены три громадных дома, снабженных паровым отоплением, ваннами, электричеством и радио. Здесь же высится здание школьного комбината, по красоте и своему размеру не уступающее лучшим зданиям такого типа в Москве. В комбинате будут объединены все школы Магадана и размещены Охотско-Колымский техникум, Дворец пионера, детский клуб и интернат для детей коренного населения.

К месту строительства один за другим подходят тракторы «Сталинцы» и «Интерны» с прицепами. Они доставляют кирпич с магаданского кирпичного завода, вырабатывающего семь миллионов штук кирпича в год. С первоклассных быстроходных пароходов Дальстроя — «Джурмы», «Кулу», «Дальстроя» — и пароходов Тихоокеанского дальневосточного флота, непрерывно приходящих летом в Нагаевский порт, сгружают сотни тысяч тонн строительных материалов, продовольствия, технического оборудования. Все это транспор-

тируется в глубь Колымского края, через перевалочный пункт Магадан с его громадными центральными складами. Магадан является центром, от которого идет большая напряженная стройка всей Колымы.

Печать свежего бурного строительства лежит и на самом Магадане. Здесь можно видеть еще деревянные стандартные бараки, стоящие на пустырях, среди нераскорчеванных пней. Рядом с ними высятся трехэтажные каменные дома. Каменный дом связи с хорошей радиостудией и автоматической телефонной станцией выступает одним своим фасадом еще прямо в топи реки Магадана. Посреди города тянутся досчатые заборы, огораживающие пока пустые участки, на которых запланированы новые стройки. А в соседстве с ними стоят солидные каменные корпуса цехов авторемонтного завода, высятся мощные радиостанции, обеспечивающие прямую связь с Москвой. По незастроенным еще улицам движутся колонны автомашин, тракторы подвозят к стройкам материалы. Над городом парят аэропланы Дальстроя. Нагаевскую бухту заполняют советские и иностранные пароходы, непрерывно движутся с Колымы на «материк» и с «материка» на Колыму потоки людей...

Бурные темпы строительства и жизни поражают кочевников Колымы, привыкших к спокойствию и вековому безмолвию тайги. Известный колымский каюр и охотник за морским зверем — ороч Павшин — в 1935 году впервые приехал в Магадан из тайги.

— Ай, ай, какое большое стойбище! — восхищался он. — Сколько людей! Сколько юрт! Наверно, самое большое стойбище на земле... Скажи, бывают города больше Магадана? Москва такой, как Магадан?

Когда я сказал Павшину, что Москва все-таки гораздо больше Магадана, он недоверчиво посмотрел на меня и улыбнулся. Он не представлял себе существования города больше Магадана. А летом 1936 года тот

же Павшин, сменивший свой меховой костюм и шапку на тройку с галстуком, купленную в Магаданском универмаге, принес заметку для «Орочельской правды» — газеты, выходящей на Колыме для орочей на их родном языке. В эту заметку Павшин включил переведенную на орочский язык статью о московском метро, печатавшуюся в «Советской Колыме».

В Магадане есть «Дом колхозника Колымы». Это большой деревянный дом с красным уголком, столовой, чистыми спальными местами для колхозников. Зимой возле этого дома можно видеть десятки нарт спряженными в них собаками. Сюда приезжают колхозники из Олы, Наяхана, Ямска, Тауйска, Сеймчана, с реки Колымы. Они везут в Магадан пушнину, рыбу, почту и другие грузы.

Сами они приезжают в город за наукой и знаниями. Ежемесячно колхозы и артели Колымы выделяют из своей среды, по заявкам Дальстроя, лучших охотников, рыбаков, оленеводов, бойцов морского зверя, истребителей медведей и росомых. Их принимают многочисленные курсы и ликпункты, советско-колхозная школа, Охотско-Колымский техникум, курсы ликвидаторов неграмотности, пионерские школы, школы-интернаты. Из детей и взрослых орочей, коряков, камчадалов, якутов, юкагиров в этих школах воспитываются новые советские кадры работников Севера. На Колыме имеются уже сотни агрономов, инструкторов, председателей колхозов, председателей сельсоветов, учителей, фельдшеров и тысячи квалифицированных рабочих, подготовленных в Магадане.

Подготовка кадров — одна из крупнейших задач этого нового города, созданного большевиками. Она находится в непосредственной связи с огромной работой советской власти по культурному и экономическому подъему остатков некогда могучих и жизнеспособных народов Севера, приведенных почти к полной

гибели хищнической колонизаторской политикой царизма и капитализма.

На берегах реки Колымы живут, например, 150 юкагиров; всего же на земном шаре их числится только 170 человек. Это — остатки многочисленного народа, вымершего от бесчеловечной эксплуатации его царизмом, от спаивания, от оспы, кори, трахомы и сифилиса. Известно, что в восьмидесятых годах прошлого столетия только от эпидемии оспы вымерло 60 процентов всего тогдашнего населения Колымы.

Царское правительство обрекало северные народности на вымирание. Это видно хотя бы и из того факта, что страшнейшим бичам коренного населения Колымы — оспе, кори и сифилису — оно противопоставляло на Колыме... всего четырех фельдшеров. Эти фельдшера жили на тысячекилометровом расстоянии друг от друга и совершенно не имели ни медикаментов, ни вакцин. На Колыме фактически не было оспопрививания, как и вообще не было никакой медицинской помощи, — даже в самых крупных населенных пунктах, не говоря уже о юртах, ярангах, стойбищах и кочевьях, крайне редко разбросанных на территории, превышающей Францию и Германию, и лишенных всяких путей сообщения.

Советская власть, осуществляющая проблему социалистического переустройства Севера, даже за несколько лет добилась огромных успехов по охране здоровья северных народностей. Замечательное воплощение этих успехов мы видим в той же колымской столице — Магадане. На улицах города возвышаются корпуса медицинских цехов Санитарного управления Колымы. Здесь — больницы с многочисленными стационарами, бактериологические лаборатории и лаборатории по выработке витаминов из антицынготного местного растения — сланика; хирургические и рентгеновские кабинеты, морские ванны, зубоврачебные по-

ликлиники; целые лабораторные институты, в которых ставится сложнейшая реакция Вассермана, производятся прививки против бешенства, противокоревые и противотифозные прививки, вырабатываются вакцины. Отсюда широко и повсеместно проводится оспопрививание.

Вся Колыма, от Магадана и до самых отдаленных низовьев реки Колымы, включая бухту Амбарчик на побережье Ледовитого океана, в достаточной мере снабжена медицинскими пунктами, врачами, фельдшерами, аптеками, родовспомогательными заведениями. В особенных случаях, когда нужна высококвалифицированная медицинская помощь, аэропланы Дальстроя, по требованию радиостанций, вылетают в глухие, заброшенные стойбища и кочевые колхозы и доставляют больных в Магадан. Санитарным управлением населению выдаются бесплатно лечебные продовольственные пайки. По кочевьям и юртам курсируют целые врачебные экспедиции, лечащие трахому, прививающие оспу, проводящие культработу.

Каждый из работников медицины на Колыме, прежде всего, думает о том, чтобы предохранить от заболеваний местное население. Это считается непреложным правилом, стоящим в основе всей медицинской работы. И результаты этой работы налицо. Цынга и оспа на Колыме сейчас отошли в область преданий, их больше здесь нет. Теперь ликвидируются сифилис и трахома. Резко повысилась рождаемость коренного населения, увеличился вес и рост новорожденных орочей, коряков, камчадалов. Вырождение северных народностей на Колыме давно уже приостановлено.

Таково одно из разительнейших чудес, сделанных руками большевиков в небывало короткие исторические сроки. Таков один из первых итогов мощного расцвета социалистической культуры на Колыме. Бурно пульсирующим центром этой культуры являет-

ся колымская столица — Магадан. Этому городу всего лишь несколько лет, но он живет уже жизнью подлинно крупного центра.

В Магадане сейчас выходят четыре печатных газеты (одна на орочском языке), толстый иллюстрированный журнал «Колыма», сатирический журнал «Осьминог». Для выпуска этих изданий город имеет свою полиграфическую базу: крупную типографию и цинкографию. С открытием навигации магаданская почта получает обычно около 18 тонн писем, 700 тысяч экземпляров газет, около ста тысяч экземпляров различных журналов. В течение года колымчане отправляют на материк и получают с него 32 миллиона слов по телеграфу. Книжный коллектор Магадана снабжает книгами всю Колыму. Нет ни одной изданной в Советском Союзе книги, включая и последние юбилейные издания, которую нельзя было бы достать на Колыме. В Магадане имеется несколько библиотек, два театра, звуковое и немое кино, радиостудия, несколько клубов, дом рабочего и техника, прекрасная техническая библиотека, парк культуры и отдыха со стадионами, теннисными площадками. Все это культурное изобилие уже сейчас столь велико потому, что оно рассчитано не только на десяток тысяч жителей, пока населяющих самый Магадан, но и на всю Колыму, для которой Магадан является организующим и перевалочным центром культурного, технического, продовольственного и производственного снабжения.

...Пять лет назад для того, чтобы пройти расстояние около пяти километров — от Нагаевской бухты до места, где теперь стоит здание дирекции Дальстроя в Магадане, — надо было организовать чуть ли не экспедицию, снабженную накомарниками, болотными сапогами, запасом продовольствия, оружием и компасом. Зимой для той же цели необходим был потяг собак или, по крайней мере, проводник-тунгус и местные

широкие лыжи, не проваливающиеся в снег. Один из первых зачинателей строительства Магадана, Михаил Андреевич Заборонок, указывая на виднеющуюся вдали трубу электростанции, с улыбкой говорит:

— В 1932 году, когда мы планировали Магадан, наша группа отметила место возле реки, где сейчас стоит завод Аремз, забила колышки и... потеряла это место. Два дня ходили мы по тайге, пока снова нашли его... А вот эта линия стандартных домов, что стоит напротив, вся лежала тогда еще грудой материалов на опушке тайги, неподалеку от порта. Эти двадцать разобранных стандартных домов привезли сюда на пароходе. Мы ведь везли сюда все: рабочих, инструменты, гвозди, продукты, бетон, кирпич...

В Медвежью бухту пароходы приходили ранней весной, когда там еще лежал толстый лед. Тракторы, бетономешалки, паровозы узкоколейки выгружали прямо на лед и с огромным трудом вытаскивали затем на берег. Для проведения сплавных работ в реку Магадан пустили трактор для распахивания и углубления ее русла. С громадными усилиями, преодолевая суровую колымскую природу, начинали стройку города. Одновременно шла стройка порта в бухте. Рвали амоналом скалистые берега. Сваливали в море десятки тысяч тонн скал, строили пирсы порта. Вырыто было триста тысяч кубометров скалы. В порту проложено сто сорок тысяч квадратных метров дороги, сооружено двадцать две тысячи кубометров причальных линий.

Так, под большевистским напором, отступала тайга. Вырос город Магадан. На берегу моря разросся большой поселок Нагаево с судостроительной верфью Дальстроя, где ремонтируются и строятся каботажные суда. Протянулась автомобильная дорога от порта до города Магадана, по которой сейчас ежедневно движутся автобусы, идущие прямым рейсом от Охотского моря до реки Колымы, в глубь края.

В иные месяцы и дни в Нагаевском порту собираются десятки русских и иностранных судов, танкеров, лесовозов, краболовов. Нагаево — важнейший пункт аэросообщения Севера. Ни один воздушный корабль, прилетающий на крайний Север, не обходит бухты.

Порт Нагаево стал крупнейшим портом на Охотском море — широко раскрытыми дверями в созданную энергией и волей большевиков советскую, золотую Колыму.

СОДЕРЖАНИЕ

К далекой северной бухте	3
Колымское шоссе	17
Бориска и Сафи	28
Человек с магической палочкой	39
У полюса холода	45
„Король“	56
Прииск Пятилетка	63
Колымские следопыты	79
Разведчик Раковский	91
Новая Ола	105
Килланах — железный старик	111
Учитель Варрен	121
Дети тайги	136
В гостях у Хабарова	142
Сигланская баня	149
Покорение земли	157
Город Магадан	165

3508 / 923

Редактор Ф. Шабанов.
Технический редактор В. Цветков.
Ответственный корректор Л. Калашников.

Сдано в набор 7/VII 1937 г. Подписано к печати 13/VIII 1937 г.
Формат бумаги 70 x 108 1/32. Объем 5,5 печатных листов. Авторских
7,27. Знаков в 1 печатном листе 58 016. Тираж 10 000. Индекс X-1-в.
Крайлит № 1617. Дальгиз № 82. Цена 2 р. 20 к., переплет 60 к.

Отпечатано в типо-литографии треста "Голлиграфкнига",
Владивосток, Ленинская, 43. Заказ № 5034

АКТ №

243

См. адм. д. _____

1958

48908

2 11 80 K.

8903

37-2
412